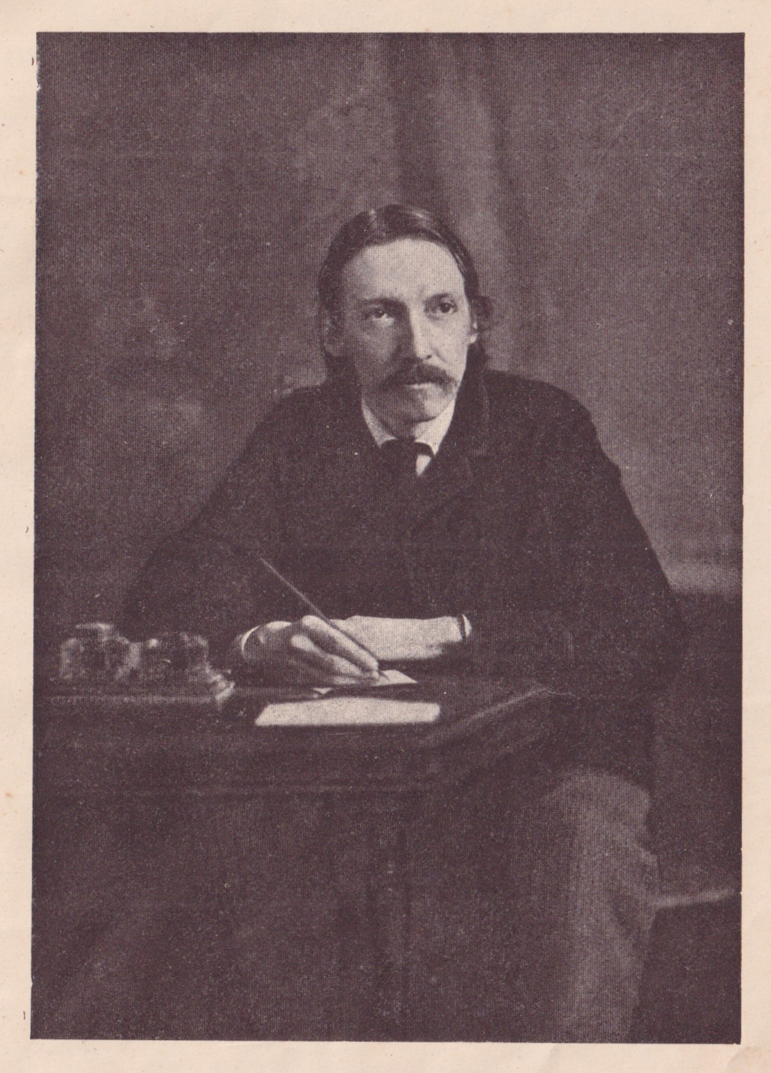

Безплатное приложеніе къ журналу «ПРИРОДА и ЛЮДИ» за 1914 г.

Робертъ Льюисъ
СТИВЕНСОНЪ

Тип. П. П. Сойкина.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ
РОБЕРТА ЛЬЮИСА СТИВЕНСОНА

ОСТРОВЪ СОКРОВИЩЪ

TREASURE ISLAND

Переводъ О. Григорьевой

Съ 20 иллюстраціями

Съ портретомъ автора и біографическимъ очеркомъ

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Спб. Стремянная, 12, собств. д.

Р. Л. СТИВЕНСОНЪ.

Робертъ Льюисъ Стивенсонъ, прославленный авторъ «Острова Сокровищъ», успѣлъ еще при жизни стать классикомъ въ странѣ Шекспира и Диккенса. Любимецъ читателей всѣхъ возрастовъ, онъ—истинный родоначальникъ всей новѣйшей «литературы приключеній». Критика высоко цѣнитъ Стивенсона, какъ оригинальнѣйшаго, единственнаго въ своемъ родѣ романиста, талантливо сочетавшаго смѣлый полетъ фантазіи съ сильнымъ, яснымъ и глубокимъ умомъ. Всѣ произведенія Стивенсона, полныя драматическихъ сценъ, потрясающихъ событій и необычайныхъ эпизодовъ, отличаются тѣмъ не менѣе поразительной жизненностью; они увлекаютъ читателя не только напряженностью интереса, запутанностью остроумной интриги, но и захватывающимъ реализмомъ обстановки и дѣйствія.

У себя на родинѣ и далеко за ея предѣлами Стивенсонъ извѣстенъ прежде всего какъ несравненный пѣвецъ и знатокъ моря и моряковъ, образцовый бытописатель морской жизни. Въ стихотворномъ предисловіи къ «Острову Сокровищъ» онъ такъ характеризуетъ содержаніе главнѣйшей части своихъ произведеній: это—

Разсказовъ рядъ о смѣлыхъ морякахъ,
О приключеньяхъ ихъ, о буряхъ и преградахъ,
О шкунахъ, островахъ, бездольныхъ бѣднякахъ,
Оставленныхъ на нихъ, и о зарытыхъ кладахъ.

Съ дѣтства увлекавшійся обширной литературой о морскихъ пиратахъ и смѣлыхъ авантюристахъ, Стивенсонъ въ своей скитальческой жизни самъ уподоблялся героямъ собственныхъ романовъ, искателямъ загадочныхъ сокровищъ въ далекихъ мо-

ряхъ. Онъ много странствовалъ, много видѣлъ, долго жилъ среди дикарей, изучая ихъ своеобразный бытъ и нравы. Неудивительно, что онъ умѣлъ съ неподражаемой увлекательностью и жизненностью описывать невѣдомыя страны и чуждыя народности. Въ этой области у него почти нѣтъ соперниковъ въ литературѣ новѣйшаго времени. Яркость красокъ, смѣлость вымысла, увлекательность интриги—все это умѣлъ онъ соединять съ точностью въ изображенiи подробностей и съ убѣдительной правдоподобностью въ сцѣпленiи событiй.

Недаромъ критики говорятъ о Стивенсонѣ, что онъ «разсказалъ несказанное, описалъ неописуемое»,—т. е. умѣлъ красочно и реально рисовать такiя картины и образы, которые у всякаго другого писателя вышли бы блѣдными и туманными.

Трудно рѣшить, впрочемъ, гдѣ художественное дарованiе Стивенсона сказалось съ большей силой и яркостью—въ плѣнительныхъ ли разсказахъ о таинственныхъ драмахъ моря, или же въ его увлекательныхъ историческихъ романахъ. Такiя произведенiя, какъ «Черная стрѣла» и «Два брата», признаются даже на родинѣ Вальтера Скотта высокими образцами историческаго романа; они читаются съ не меньшимъ интересомъ, чѣмъ классическiй «Островъ Сокровищъ», «Приключенiя Давида Бальфура», «Крушитель кораблей» и другiе знаменитые морскiе романы Стивенсона.

Но мiровая извѣстность Стивенсона основана не только на морскихъ и историческихъ романахъ; онъ создалъ еще совершенно особый видъ литературныхъ произведенiй — возродилъ волшебныя сказки старины, но въ современномъ духѣ, на почвѣ научнаго опыта и научно обоснованной фантазiи. Въ примѣненiи теорiй онъ нашелъ новый источникъ чудеснаго, могущiй замѣнить воображаемыя чудеса волшебныхъ сказокъ. Такова повѣсть «Странная исторiя доктора Джекиля», появленiе которой было цѣлымъ событiемъ въ литературномъ мiрѣ. Таковы же и его «Новыя арабскiя ночи», «Клубъ самоубiйцъ», «Принцъ Отто» и многiе другiе повѣсти и разсказы; въ нихъ даровитый романистъ, черпая изъ родника человѣческой натуры, блестяще доказываетъ, что волшебныя сказки старины могутъ осуще-

ствляться еще и въ наши дни, въ самой обыкновенной, будничной обстановкѣ.

Прекрасенъ и самый стиль Стивенсона: простой, ясный, мужественный, онъ проникнутъ тонкимъ своеобразнымъ юморомъ, въ которомъ сказывается мягкая, любвеобильная душа писателя. Полная искренность и влеченіе къ людямъ всѣхъ націй и состояній красною нитью проходитъ чрезъ всѣ его произведенія.

Неудивительно, что книги Стивенсона выходили десятками изданій, покупались нарасхватъ, и что число читателей ихъ все растетъ съ каждымъ годомъ. Произведенія его переведены на многіе языки. Широко популяренъ Стивенсонъ и въ Россіи: наши журналы (напримѣръ, «Вѣстникъ Европы», «Русскій Вѣстникъ» и др.) охотно печатали переводы его замѣчательныхъ романовъ по мѣрѣ появленія ихъ въ Англіи. Нѣкоторые романы выходили въ Россіи и отдѣльными изданіями—но полнаго собранія его сочиненій у насъ до сихъ поръ не было.

Литературный успѣхъ, выпавшій на долю Стивенсона въ Англіи, представляетъ собою нѣчто поистинѣ безпримѣрное. Спросъ на его произведенія здѣсь такъ великъ, что издатели едва успѣваютъ заготовлять все новыя и новыя изданія. Такъ «Островъ Сокровищъ», написанный 30 лѣтъ тому назадъ, успѣлъ выдержать въ одной только Англіи 92 изданія, т. е. каждые нѣсколько мѣсяцевъ появлялось новое изданіе этого прекраснаго романа. Столь же усердно читались и читаются другія его произведенія: романъ «Похищенный» вышелъ недавно 73-мъ изданіемъ; «Два брата» — 46-мъ, «Черная стрѣла» — 43-мъ, «Катріона»—38-мъ, «Странная исторія доктора Джекиля» и «Вечернія бесѣды на островѣ»—17-мъ.

Въ Англіи существуютъ дешевыя, народныя изданія большинства романовъ Стивенсона, стоющія на наши деньги по 20—30 коп., и на ряду съ этимъ роскошныя дорогія изданія, предназначенныя для любителей и доступныя лишь весьма богатымъ людямъ.

Робертъ Стивенсонъ родился 13-го ноября 1850 года въ Эдинбургѣ, въ семьѣ знаменитаго строителя маяковъ, инженера Томаса Стивенсона. Въ томъ же городѣ будущій писатель получилъ высшее образованіе, изучивъ инженерныя и юридическія науки. По окончаніи университета, Стивенсонъ нѣкоторое время былъ инженеромъ и занимался адвокатурой. Однако, его адвокатская практика продолжалась очень недолго. Въ 1875 г. онъ отправился путешествовать и четыре года провелъ во Франціи, Германіи и другихъ странахъ континента. Свои путевыя впечатлѣнія онъ издалъ въ видѣ отдѣльной книги «Путешествіе внутрь страны» (1878). Уже и раньше въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ стали появляться иниціалы R. L. S., которыми онъ скромно подписывалъ свои небольшіе разсказы, фантазіи и очерки.

Въ 1879 г. онъ уѣхалъ въ Калифорнію, гдѣ жила миссисъ Осборнъ, урожденная Ванъ де Грифтъ,—его будущая жена. Онъ познакомился съ ней во Франціи и полюбилъ ее. Благодаря матеріальной необезпеченности, онъ по пріѣздѣ въ Америку первое время сильно нуждался; это были для него дни тяжелыхъ испытаній. Въ маѣ слѣдующаго года онъ обвѣнчался съ м-съ Осборнъ, несмотря на то, что отецъ его былъ рѣшительно противъ этого брака. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ вернулся на родину; однако, здоровье заставило его почти сразу же уѣхать въ Швейцарію, въ Давосъ, гдѣ онъ оставался до весны 1881 г. Лѣто онъ провелъ опять въ своей Шотландіи. За это время изъ-подъ его пера вышли многіе разсказы и повѣсти, а также первый его романъ «Островъ Сокровищъ», печатавшійся въ 1881—82 г.г. въ еженедѣльномъ журналѣ для юношества, а затѣмъ вышедшій и отдѣльнымъ изданіемъ (1883). «Островъ Сокровищъ» имѣлъ огромный успѣхъ; этотъ классическій романъ, прообразъ робинзонадъ новѣйшей литературы, выдержалъ, какъ мы уже отмѣтили, около ста изданій и теперь продолжаетъ перепечатываться нѣсколько разъ въ годъ. Къ этому же періоду относятся и «Новыя арабскія ночи» (1882).

Такъ какъ воздухъ въ Шотландіи вредно отзывался на здоровьѣ Стивенсона, то онъ рѣшилъ окончательно поселиться на

югѣ Европы. Съ осени 1882 г. до средины 1884 г. онъ жилъ въ прелестномъ шалэ La Solitude, близъ Марсели. Это была, кажется, самая счастливая полоса жизни Стивенсона, когда онъ много писалъ, строилъ всевозможные планы и съ надеждою смотрѣлъ на будущее. Но неожиданный приступъ болѣзни подорвалъ его силы и на нѣкоторое время лишилъ его возможности работать. Послѣ этого онъ года два прожилъ въ Англіи, въ морскомъ курортѣ Борнемутѣ. Эта эпоха его литературной дѣятельности ознаменовалась появленіемъ въ свѣтъ такихъ произведеній, какъ «Принцъ Отто» (1885), «Странная исторія д-ра Джекиля», «Похищенный» (1886).

Въ началѣ 1887 г. здоровье романиста опять стало ухудшаться; смерть отца, котораго онъ очень любилъ и уважалъ, еще болѣе разстроила его, и онъ былъ вынужденъ навсегда покинуть родную Шотландію. 27 авг. 1887 г. онъ со своей женой, матерью и пасынкомъ (Ллойдомъ Осборномъ) выѣхалъ въ Америку. Зиму онъ провелъ въ санаторіи для чахоточныхъ у озера Саранакъ, продолжая неутомимо заниматься литературнымъ трудомъ. Здѣсь онъ написалъ бо́льшую половину романа «Два брата» и нѣсколько этюдовъ и очерковъ для «Scribner's Magazine».

Въ іюнѣ 1889 года, онъ затѣялъ прогулку на яхтѣ, посѣтилъ Маркизскіе острова, Таити, Гонолулу; въ столицѣ Сандвичевыхъ островов онъ провелъ шесть мѣсяцевъ, заканчивая свой романъ.

Около Рождества 1889 г. онъ впервые побывалъ на островахъ Самоа, въ своей второй отчизнѣ. Проведя въ скитаніяхъ еще цѣлый годъ, изъѣздивъ вдоль и поперекъ Полинезію, онъ, наконецъ, избралъ эти острова своимъ окончательнымъ пріютомъ.

Здѣсь, среди сказочно прекрасной природы, въ мягкомъ, здоровомъ климатѣ, среди дружелюбно настроенныхъ полуцивилизованныхъ туземцевъ, писатель мирно провелъ послѣдніе годы своей жизни. Онъ пріобрѣлъ въ собственность небольшой, живописно расположенный участокъ земли, выстроилъ домикъ и безвыѣздно жилъ въ немъ, по сосѣдству съ коттеджемъ своего па-

сынка Ллойда Осборна. Въ этой обстановкѣ онъ плодотворно продолжалъ свои литературныя работы.

Въ то же время Стивенсонъ съ любовью изучалъ нравы и бытъ полудикихъ обитателей островного міра Полинезіи, старался познакомиться съ ихъ своеобразнымъ міровоззрѣніемъ, вникалъ въ ихъ нужды и всегда горячо отстаивалъ ихъ интересы. Туземцы, со своей стороны, скоро оцѣнили величіе души и доброту сердца больного бѣлаго пришельца и окружили его такимъ уваженіемъ, что Стивенсона не безъ основанія прозвали «Королемъ Самоанскихъ Острововъ». На надгробномъ камнѣ его благодарные самоанцы составили трогательную надпись, краснорѣчиво свидѣтельствующую о томъ, какою любовью и почетомъ пользовался авторъ «Острова Сокровищъ» среди этихъ простыхъ, довѣрчивыхъ людей:

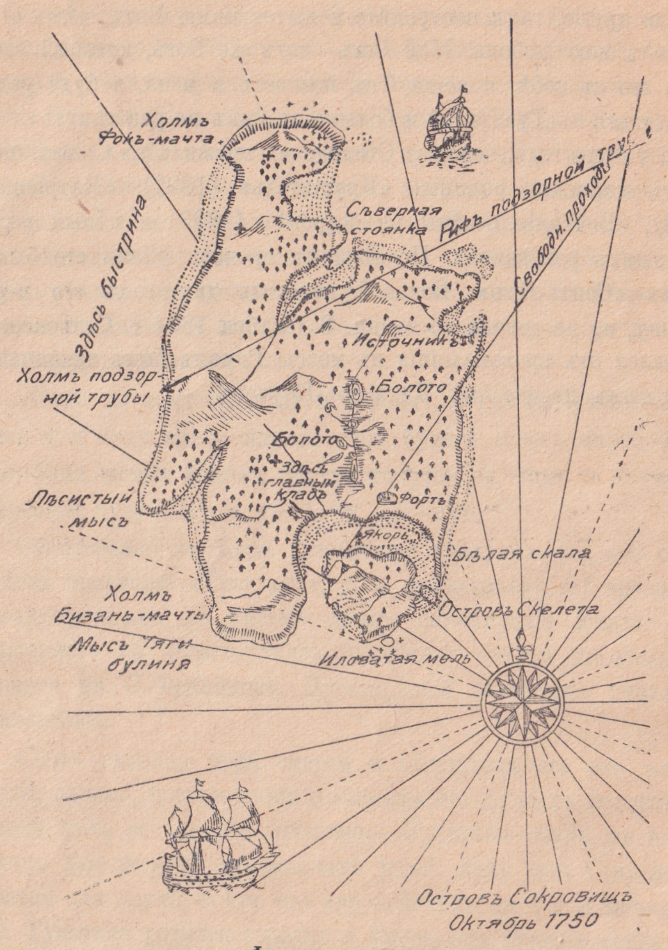
«Куда ты пойдешь, туда и я пойду, и гдѣ ты жить будешь, тамъ и я буду жить; народъ твой будетъ моимъ народомъ, и твой Богъ моимъ Богомъ. И гдѣ ты умрешь, тамъ и я умру и погребена буду». (Руѳь, гл. 1, ст. 16—17).

Обаятельная личность Стивенсона (получившаго отъ самоанцевъ прозвище «Тузитала», т. е. повѣствователь) прекрасно характеризована въ письмѣ одного самоанскаго вождя, приглашеннаго въ десятилѣтнюю годовщину смерти писателя на банкетъ въ С.-Франциско. Престарѣлый самоанецъ писалъ о Стивенсонѣ:

«Хотя сильная рука смерти и выхватила его изъ нашей среды, однако, воспоминаніе о многихъ его добрыхъ поступкахъ будетъ жить всегда. Его прозвище—Тузитала—такъ же благозвучно для нашихъ самоанскихъ ушей, какъ имя Стивенсона пріятно для слуха всѣхъ его европейскихъ друзей и почитателей. Тузитала родился героемъ и умеръ онъ героемъ среди людей. Когда я въ первый разъ увидѣлъ Тузиталу, онъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «Самоа—красивая страна. Мнѣ нравится ея населеніе и климатъ, и я напишу объ этомъ въ книгахъ». — Тогда останься здѣсь со мной,—сказалъ я,—и пусть Самоа будетъ твоей отчизной.—«Я останусь, даже и тогда, когда Господь

позоветъ меня», отвѣтилъ онъ. Тузитала-повѣствователь сказалъ правду, потому что даже и теперь онъ еще со мной въ Самоа. Тузитала училъ и вѣрилъ: какъ хотите, чтобы съ вами поступали другіе, такъ поступайте и вы съ ними. Вотъ, чѣмъ онъ снискалъ мою любовь. Мой Богъ—тотъ же Богъ, который отозвалъ его къ себѣ, и когда Онъ позоветъ и меня, я буду радъ встрѣтиться съ Тузиталой и больше съ нимъ не разстанусь».

За четыре года, которые Стивенсонъ прожилъ въ Самоа, онъ успѣлъ написать романы: «Крушитель» (1892), «Катріона» (1893), «Вечернія бесѣды на островѣ» (1893) и цѣлый рядъ небольшихъ разсказовъ. Послѣднимъ произведеніемъ его былъ романъ «Сентъ-Ивъ». Больной писатель диктовалъ его м-ру Осборну, но не довелъ до конца. 3 декабря 1894 г. Стивенсонъ скончался отъ кровоизліянія въ мозгъ. Романъ былъ законченъ извѣстнымъ писателемъ Квиллеръ-Коучемъ.

Факсимиле карты.
Широта и долгота стерты Д. Гаукинсомъ.

ОСТРОВЪ СОКРОВИЩЪ.

Предисловіе къ русскому переводу.

Англійскій романъ XIX вѣка стремился, преимущественно, не только изображать жизнь, но и рѣшать назрѣвшіе вопросы нравственности и общественности. Таковы произведенія Диккенса и Теккерея, Джорджа Элліота и Томаса Гарди. Творчество Стивенсона можно назвать возвратомъ къ чистому романтизму. Оставивъ въ сторонѣ соціальныя проблемы, авторъ «Острова Сокровищъ» избралъ ту область смѣлой, восхитительно красочной фантазіи, гдѣ всякій, кто молодъ душой, можетъ найти отвѣтъ на всѣ волнующіе его вопросы. Соціальныя задачи смѣняются, но молодость всегда вѣрна себѣ; въ этомъ залогъ вѣчнаго успѣха Стивенсона, этого великаго оптимиста, вся жизнь котораго прошла въ героической борьбѣ сначала съ бѣдностью, потомъ—съ смертельной болѣзнью. Во всемъ его разнообразномъ творчествѣ, въ его повѣстяхъ, сказкахъ, романахъ звучитъ жизнерадостный призывъ къ бодрости, къ отважнымъ приключеніямъ; онъ любилъ старину за величавый отзвукъ былыхъ подвиговъ и велъ насъ въ страну далекаго прошлаго или къ затеряннымъ среди океана островамъ, знакомилъ насъ со всѣми чудесами земного шара... Безупречный стилистъ и тонкій художникъ, онъ никогда не прерываетъ своего разсказа отвлеченными разсужденіями и благодаря этому все время приковываетъ вниманіе читателя къ ходу развертываемыхъ событій. Отъ его книги нельзя оторваться, не дочитавъ ея до конца. Становясь повѣствователемъ, онъ почти стушевываетъ свою яркую индивидуальность, объединяющій отпечатокъ которой, тѣмъ не менѣе, лежитъ на всѣхъ его произведеніяхъ.

«Островъ Сокровищъ» начался печатаніемъ въ одномъ изъ еженедѣльныхъ журналовъ въ 1881 г. Этотъ первый романъ Стивенсона, одинъ изъ самыхъ характерныхъ и увлекательныхъ, сразу прославилъ автора и сдѣлалъ извѣстнымъ его имя. Центральная фигура романа—Джонъ Сильверъ «съ лицомъ, большимъ какъ окорокъ ветчины, и съ маленькими сверкающими глазами похожими на осколки стекла»—настоящій король пиратовъ. Изъ намековъ, изъ легкихъ случайныхъ штриховъ выростаетъ передъ воображеніемъ читателя личность этого благообразнаго, безжалостнаго одноногаго злодѣя. Онъ перестаетъ быть созданіемъ вымысла: онъ какъ бы живой человѣкъ изъ плоти и крови, съ которымъ мы вошли въ соприкосновеніе. Джонъ—закоренѣлый преступникъ, которому нѣтъ прощенія, но намъ не хотѣлось бы съ нимъ разстаться; мы рады были бы продолжить наше пребываніе на загадочномъ островѣ, гдѣ спрятано награбленное золото, или узнать еще что-нибудь о приключеніяхъ родившагося подъ счастливой звѣздой Джима Гаукинса...

Интересна исторія возникновенія этого романа. Стивенсонъ былъ очень друженъ со своимъ пасынкомъ, Ллойдомъ Осборномъ, тогда еще 13-лѣтнимъ мальчикомъ. У Ллойда была отдѣльная комната, гдѣ находились принадлежности для рисованія, маленькій типографскій станокъ, книги; тамъ составлялся и выпускался въ свѣтъ шутливый домашній журналъ, сотрудниками котораго были всѣ члены семейства. Стивенсонъ любилъ проводить тамъ съ мальчикомъ цѣлые часы и самъ веселился, какъ ребенокъ. Однажды онъ начертилъ и раскрасилъ карту фантастическаго острова и назвалъ его «Островомъ Сокровищъ». Эта шутка и натолкнула его на идею знаменитаго романа.

С. Л. О.

Американскому джентльмэну,
классическій вкусъ котораго
способствовалъ появленію этого разсказа,
теперь, въ благодарность за многіе пріятные часы,
посвящаетъ
съ лучшими пожеланіями
его преданный другъ,
авторъ.

СОМНѢВАЮЩЕМУСЯ ЧИТАТЕЛЮ.

Когда разсказовъ рядъ о смѣлыхъ морякахъ,
О приключеньяхъ ихъ, о буряхъ и преградахъ,
О шкунахъ, островахъ, бездольныхъ бѣднякахъ,
Оставленныхъ на нихъ, и о зарытыхъ кладахъ,
И о разбойникахъ, — все въ духѣ старины
Вамъ нравится еще, какъ нравилось мнѣ тоже,
О, юноши, начать вы чтеніе должны.
А если нѣтъ, и вкусъ у нашей молодежи

Теперь пропалъ къ тому, что восторгало насъ,
И восхищать ее совсѣмъ уже не стали
Кингстонъ и Беллентейнъ, иль Купера разсказъ
О вȯдахъ и лѣсахъ, тамъ, въ необъятной дали,—
То—будь, что будетъ!.. Мнѣ останется одно:
Моимъ пиратамъ всѣмъ найти успокоенье:
Въ могилу съ ними лечь,—куда легли давно
Тѣ старые творцы, и съ ними ихъ творенья...

(Перев. П. В. Быкова).

ЧАСТЬ I.

СТАРЫЙ БУКАНЬЕРЪ.

I. Морской волкъ въ гостиницѣ «Адмиралъ Бенбоу».

По просьбѣ сквайра Трелонея, доктора Лайвесея и другихъ джентльменовъ, пожелавшихъ, чтобы я подробно описалъ Островъ Сокровищъ, не скрывая ничего, кромѣ его географическаго положенія (такъ какъ на немъ осталась еще масса богатствъ),—я берусь за перо въ 17... году и приступаю къ разсказу. Начну съ того стараго времени, когда еще мой отецъ держалъ гостиницу «Адмиралъ Бенбоу», и подъ нашей крышей впервые поселился загорѣлый старый морякъ съ сабельнымъ шрамомъ на щекѣ. Я такъ живо помню, точно это случилось только вчера, какъ онъ подошелъ, тяжело ступая, къ нашей двери; за нимъ человѣкъ везъ въ ручной телѣжкѣ его морской сундукъ. Это былъ рослый, крѣпкій, грузный человѣкъ, съ коричневымъ, какъ скорлупа орѣха, загаромъ, съ жирной косичкой, болтавшейся на спинѣ, и въ засаленномъ синемъ сюртукѣ. Руки его, съ черными обгрызанными ногтями, были покрыты

рубцами, а одну щеку пересѣкалъ отвратительный багрово-синій шрамъ отъ сабельнаго удара. Помню, какъ онъ оглядывался кругомъ, всматриваясь въ заливъ, на берегу котораго стояла наша гостиница, и насвистывалъ себѣ что-то подъ носъ, а затѣмъ громко запѣлъ старую матросскую пѣсню, которую онъ такъ часто пѣлъ послѣ:

«Пятнадцать человѣкъ на ящикѣ мертвеца,—Іо-хо-хо,—и бутылка рому!».

Онъ пѣлъ высокимъ, старчески дрожащимъ и надтреснутымъ голосомъ, затѣмъ постучалъ въ дверь концомъ палки, которую держалъ въ рукахъ и которая походила на костыль, и, когда отецъ мой появился въ дверяхъ, грубо заказалъ себѣ стаканъ рому. Когда ромъ былъ принесенъ, онъ сталъ медленно пить его, отхлебывая маленькими глотками, какъ знатокъ въ этомъ дѣлѣ, все поглядывая кругомъ на утесы и на нашу вывѣску.

— Славный заливецъ! — проговорилъ онъ, наконецъ. — И отличное мѣсто для таверны. Что, много бываетъ здѣсь посѣтителей, дружище?

Отецъ отвѣтилъ, что очень немного.

— Отлично!—замѣтилъ морякъ.—Значитъ, какъ разъ мѣсто стоянки для меня. Сюда, другъ!—крикнулъ онъ человѣку, который везъ тележку.—Подъѣзжай къ самому борту и помоги втащить сундукъ наверхъ. Я остановлюсь здѣсь на нѣкоторое время!—продолжалъ онъ.—Я покладистый человѣкъ: ромъ да ветчина, да яйца—больше мнѣ ничего и не надо; да вотъ еще этотъ утесъ, откуда-бы я могъ слѣдить за судами... Какъ вамъ звать меня? Вы можете звать меня капитаномъ... О, понимаю, чего вамъ надо,—вотъ!

Съ этими словами онъ швырнулъ на порогъ три или четыре золотыя монеты.

— Можете сказать мнѣ, когда эти деньги выйдутъ!—прибавилъ онъ, бросая на отца такой надменный взглядъ, точно онъ былъ командиромъ судна.

Несмотря на плохую одежду и грубую рѣчь, этотъ странный человѣкъ не походилъ на простого матроса, а скорѣе имѣлъ видъ штурмана или шкипера, привыкшаго, чтобы его слушались и боялись. Человѣкъ, который привезъ тележку, разсказалъ намъ, что тотъ пріѣхалъ наканунѣ въ гостиницу «Королевскій Георгъ» и разузнавалъ о постоялыхъ дворахъ на берегу; услы-

шавъ хорошіе отзывы о нашей гостиницѣ и то, что она стоитъ вдали отъ всякаго жилья, онъ предпочелъ ее другимъ. Это было все, что мы узнали о нашемъ постояльцѣ.

Онъ былъ очень молчаливъ по большей части. Цѣлый день бродилъ онъ по берегу залива или уходилъ на утесы съ мѣдною подзорною трубою въ рукахъ, а всѣ вечера напролетъ просиживалъ въ углу общей комнаты, возлѣ огня, выпивая здоровыя количества рома съ водой. Обыкновенно онъ не принималъ участія въ общемъ разговорѣ, только неожиданно бросалъ иногда свирѣпые взгляды да высвистывалъ носомъ, точно на фаготѣ. Скоро всѣ наши посѣтители привыкли оставлять его въ покоѣ. Каждый день, возвращаясь со своей прогулки, онъ спрашивалъ, не проходилъ-ли по дорогѣ какой-нибудь морякъ. Первое время мы думали, что онъ жаждетъ подходящей для себя компаніи и оттого спрашиваетъ про моряковъ, но потомъ увидѣли, что онъ, напротивъ того, избѣгаетъ ихъ общества. Если какой-нибудь морякъ заворачивалъ въ «Адмирала Бенбоу», направляясь береговой дорогой въ Бристоль,—какъ нѣкоторые дѣлаютъ еще и теперь,—нашъ постоялецъ разглядывалъ его сначала изъ-за занавѣски у двери раньше, чѣмъ войти въ комнату. И можно было заранѣе быть увѣреннымъ, что онъ въ присутствіи новаго посѣтителя будетъ нѣмъ, какъ рыба. Причина этого не была для меня тайной, такъ какъ онъ скоро посвятилъ меня въ свои тревоги, сдѣлавъ отчасти соучастникомъ ихъ. Однажды, онъ отвелъ меня въ сторону и обѣщалъ по серебряной четырехпенсовой монеткѣ въ первое число каждаго мѣсяца, если я буду зорко слѣдить за тѣмъ, не покажется ли на берегу «морякъ съ одной ногой», и сейчасъ же дамъ ему знать о его приближеніи. Часто случалось, что, когда я являлся къ нему послѣ перваго числа за своими деньгами, онъ только сопѣлъ носомъ и мѣрилъ меня пристальнымъ взглядомъ съ ногъ до головы; но не проходило и недѣли, какъ онъ мѣнялъ свой образъ мыслей, приносилъ мнѣ мою четырехпенсовую монетку и повторялъ приказанія глядѣть въ оба, чтобы не прозѣвать «моряка съ одной ногой».

Не могу и сказать вамъ, какъ преслѣдовалъ меня этотъ таинственный одноногій морякъ во снѣ и на яву. Въ бурныя ночи, когда вѣтеръ завывалъ въ углахъ дома, и морскія волны съ ревомъ разбивались о берегъ залива, онъ чудился мнѣ въ тысячѣ

различныхъ образовъ, съ самымъ дьявольскимъ выраженіемъ лица. То нога его была отнята только до колѣна, то вся цѣликомъ. Иногда онъ представлялся мнѣ какимъ-то чудовищемъ, у котораго уже отъ рожденья была только одна нога, и та по серединѣ туловища. Самымъ ужаснымъ кошмаромъ было то, когда онъ преслѣдовалъ меня, перепрыгивая черезъ плетни и канавы. Такимъ образомъ, цѣной этихъ ужасныхъ видѣній я дорого расплачивался за мой ежемѣсячный четырехпенсовикъ.

Но, несмотря на ужасъ, который внушалъ мнѣ воображаемый одноногій морякъ, самого капитана я боялся гораздо меньше, чѣмъ всѣ остальные. Случалось, что онъ выпивалъ въ вечеръ большее количество рома съ водой, чѣмъ сколько могла выдержать его голова. И тогда онъ сидѣлъ и распѣвалъ свои скверныя и дикія морскія пѣсни, не обращая ни на кого вниманія. Но иногда онъ требовалъ, чтобы и другіе пили вмѣстѣ съ нимъ, и заставлялъ дрожавшихъ отъ страха посѣтителей слушать исторіи, которыя онъ разсказывалъ, или пѣть вмѣстѣ съ нимъ. Стѣны дома часто дрожали отъ потрясающихъ звуковъ: «Іо-хо-хо, и бутылка рому!»

Всѣ сосѣди присоединялись, подъ страхомъ смерти, къ этому дикому пѣнію, и каждый старался перекричать другихъ, чтобы не навлечь на себя замѣчанія, такъ какъ во время такихъ припадковъ капитанъ бывалъ страшенъ: онъ колотилъ рукой по столу, чтобы водворить общее молчаніе, и вскипалъ яростнымъ гнѣвомъ за всякій вопросъ, который ему предлагали, иногда же именно за то, что его ни о чемъ не спрашивали, такъ какъ считалъ это за признакъ того, что слушатели не слѣдятъ за его разсказомъ. Никому не позволялось также уйти въ эти вечера домой раньше, чѣмъ онъ не напивался совершенно, начиналъ клевать носомъ и шатаясь отправлялся спать.

Больше всего пугали народъ его разсказы. Это все были страшныя исторіи о повѣшенныхъ, о морскихъ ураганахъ, о дикихъ злодѣяніяхъ въ Испанскихъ владѣніяхъ. По его собственнымъ разсказамъ выходило, что онъ провелъ свою жизнь среди отчаяннѣйшихъ негодяевъ, какіе только плавали по морю. Тотъ языкъ, на которомъ онъ передавалъ свои приключенія, пугалъ нашихъ простодушныхъ поселянъ почти столько же, какъ и тѣ преступленія, которыя онъ описывалъ. Мой отецъ всегда говорилъ, что нашей гостиницѣ грозитъ разореніе, такъ какъ народъ

скоро вовсе перестанетъ посѣщать ее: кому же пріятно, чтобы его пугали чуть не до смерти и затѣмъ отправляли въ такомъ состояніи домой?!

Но, по моему, присутствіе стараго моряка было только выгодно для насъ. Правда, наши посѣтители набирались таки порядочнаго страху, но его хватало не надолго, и вспоминать страшныя исторіи бывало даже пріятно. Это вносило разнообразіе и оживленіе въ мирную деревенскую жизнь; нашлись даже молодые люди, которые, восхищаясь нашимъ постояльцемъ, прозвали его «старымъ морскимъ волкомъ» и подобными именами и говорили, что онъ изъ тѣхъ, которые дѣлаютъ Англію грозой на морѣ.

Въ одномъ только отношеніи нашъ жилецъ оказался разорительнымъ для насъ: онъ проводилъ у насъ недѣлю за недѣлей, а затѣмъ и мѣсяцъ за мѣсяцемъ, такъ что данныя имъ деньги давно уже изсякли, а отецъ мой не рѣшался настаивать на полученіи новыхъ. Если же случалось, что отецъ намекалъ ему объ этомъ, онъ начиналъ такъ громко свистѣть носомъ, что можно было принять этотъ звукъ за ревъ, и мой отецъ быстро исчезалъ изъ комнаты. Я видѣлъ, какъ отецъ ломалъ себѣ руки послѣ одного изъ такихъ пораженій, и увѣренъ, что волненія и ужасъ, которые онъ переживалъ въ эти минуты, сильно повліяли на его раннюю смерть.

За все время, что капитанъ прожилъ у насъ, онъ не мѣнялъ своей одежды и только купилъ нѣсколько паръ чулокъ у разносчика. Когда съ его шляпы свалилась пряжка и одинъ изъ отворотовъ повисъ, онъ оставилъ его въ такомъ видѣ, хотя это было очень неудобно, когда дулъ сильный вѣтеръ. Я живо помню его сюртукъ, который онъ самъ чинилъ наверху, въ своей комнатѣ, и который, наконецъ, превратился въ сплошной рядъ заплатъ. Онъ никогда не писалъ и не получалъ писемъ, а разговаривалъ только съ посѣтителями, да и то большею частью послѣ того, какъ напивался ромомъ. Большой сундукъ его никогда никто изъ насъ не видалъ открытымъ.

Только разъ встрѣтилъ капитанъ отпоръ, и это было тогда, когда отецъ уже давно страдалъ чахоткой, отъ которой онъ впослѣдствіи и умеръ. Докторъ Лайвесей пришелъ какъ-то поздно навѣстить своего паціента, закусилъ остатками обѣда, которые предложила ему моя мать, и пошелъ въ чистую ком-

нату выкурить трубку въ ожиданіи, пока ему приведутъ изъ деревни лошадь, такъ какъ у насъ въ старомъ «Бенбоу» не было конюшни. Я пошелъ за нимъ слѣдомъ, и, помню, мнѣ бросился въ глаза контрастъ между изящнымъ, щеголеватымъ докторомъ, съ бѣлоснѣжной пудрой на парикѣ, блестящими черными глазами и мягкими, пріятными манерами, пріобрѣтенными отъ постояннаго общенія съ веселыми простолюдинами—и грузнымъ, мрачнымъ чудовищемъ—пиратомъ, который сидѣлъ, облокотившись о столъ руками, и уже давно угощался ромомъ. Вдругъ капитанъ—это былъ онъ—началъ высвистывать свою вѣчную пѣсню:

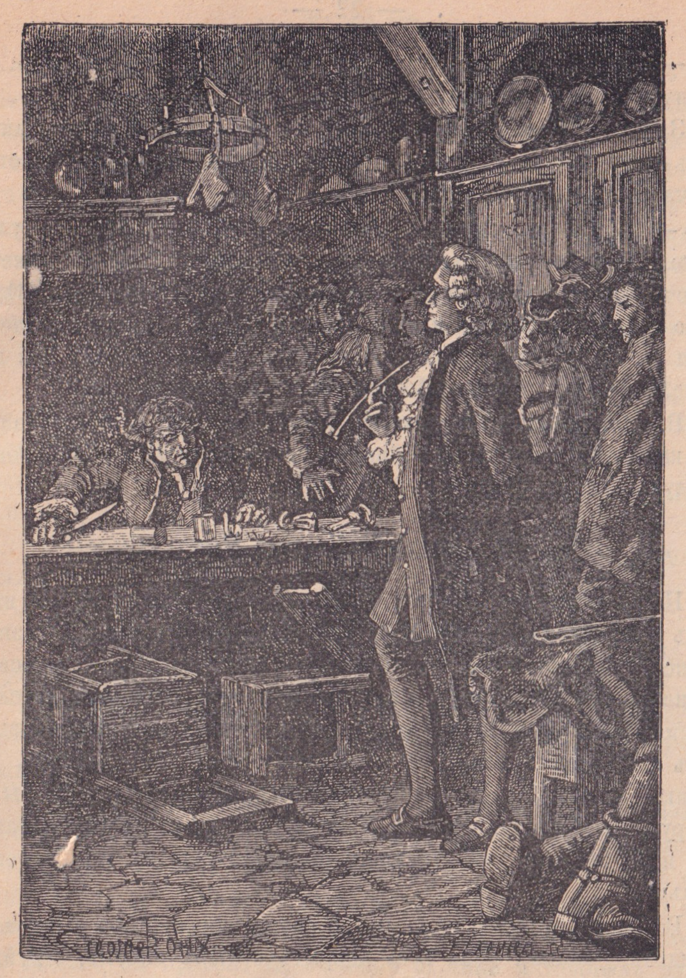
«Пятнадцать человѣкъ на ящикѣ мертвеца Іо-хо-хо и бутылка рому!

«Пьянство и чортъ додѣлали свое дѣло—Іо-хо-хо и бутылка рому!»

Сначала я думалъ что «ящикъ мертвеца»—это и былъ тотъ сундукъ капитана, который стоялъ наверху въ его комнатѣ, и эта мысль смѣшалась въ моихъ кошмарахъ съ мыслью объ одноногомъ морякѣ. Но потомъ мы всѣ такъ привыкли къ этой пѣснѣ, что не обращали на нее особеннаго вниманія. Въ тотъ вечеръ она была новинкой только для доктора Лайвесея, и я замѣтилъ по его лицу, что она не произвела на него пріятнаго впечатлѣнія. Онъ сердито вскинулъ вверхъ глаза, прежде чѣмъ начать разговоръ со старикомъ Тэйлоромъ, садовникомъ, по поводу новаго леченія ревматизма. Между тѣмъ капитанъ все болѣе и болѣе возбуждался собственнымъ пѣніемъ и, наконецъ, ударилъ рукой по столу, что — какъ мы уже знали—должно было призвать всѣхъ къ молчанію. Голоса въ комнатѣ сразу стихли—всѣ, кромѣ голоса Лайвесея, который попрежнему толковалъ что-то ясно и добродушно, попыхивая послѣ каждыхъ двухъ словъ изъ своей трубки. Капитанъ нѣсколько секундъ глядѣлъ на него, затѣмъ вторично хлопнулъ ладонью по столу, еще пристальнѣе взглянулъ на него и, наконецъ, разразился окрикомъ, сопровождая его отвратительнымъ ругательствомъ:

— Замолчите вы тамъ!

— Вы обращаетесь ко мнѣ, сэръ?—сказалъ докторъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, прибавилъ:—Могу вамъ сказать только одно, сэръ, что если вы не перестанете пить вашъ

Капитанъ пришелъ въ бѣшеную ярость...

ромъ въ такомъ количествѣ, свѣтъ скоро избавится отъ одного изъ гнусныхъ бездѣльниковъ!

Капитанъ пришелъ въ бѣшеную ярость. Вскочивъ на ноги, онъ вытащилъ и раскрылъ складной морской ножъ и, размахивая имъ, грозилъ пригвоздить доктора къ стѣнѣ. Но тотъ даже не тронулся съ мѣста и проговорилъ черезъ плечо прежнимъ тономъ,—громко, такъ что слышно было всѣмъ въ комнатѣ, но совершенно спокойно и твердо:

— Если вы сію же минуту не спрячете ножъ въ карманъ. я, клянусь честью, притяну васъ къ суду!

Затѣмъ они обмѣнялись взглядами. Въ концѣ концовъ капитанъ уступилъ и, спрятавъ оружіе, занялъ снова свое мѣсто, ворча, какъ побитая собака.

— А теперь, сэръ,—продолжалъ докторъ,—когда я уже знаю, что въ моемъ участкѣ водится такой молодецъ, вы можете разсчитывать, что я буду слѣдить за вами днемъ и ночью. Вѣдь я не только врачъ, но и судья,и при первой жалобѣ на васъ, хотя бы за грубость, какъ сегодня, приму энергичныя мѣры къ выселенію васъ отсюда. Можете быть увѣрены въ этомъ!

Вскорѣ послѣ этого доктору подали лошадь, и онъ уѣхалъ. Но капитанъ притихъ не только на этотъ вечеръ, а и на многіе слѣдующіе.

II. Появленіе Чернаго Пса.

Немного времени спустя послѣ этого произошло первое изъ тѣхъ таинственныхъ событій, благодаря которымъ мы развязались съ капитаномъ, но—какъ вы увидите дальше—не освободились отъ его дѣлъ. Стояла суровая зима съ продолжительными, трескучими морозами и сильными вѣтрами. Въ первый разъ намъ стало ясно, что мой отецъ врядъ ли доживетъ до весны. Онъ слабѣлъ съ каждымъ днемъ, и вся гостиница была на рукахъ у меня и матери. У насъ было дѣла по горло, такъ что некогда было удѣлять много вниманія нашему непріятному жильцу.

Въ одно январское утро, очень рано—морозъ такъ и щипалъ за щеки,—заливъ былъ весь покрытъ сѣдымъ инеемъ, струйки воды мягко журчали по камнямъ, и солнце стояло еще низко, лаская своими лучами вершины холмовъ и морскую даль. Капитанъ поднялся раньше обыкновеннаго и сидѣлъ на берегу со своимъ кортикомъ, болтавшимся подъ широкими полами стараго синяго сюртука, подзорною трубкою подъ мышкой и шляпой, сдвинутой на затылокъ. Помню, что дыханіе его заклубилось въ воздухѣ, точно бѣлый дымокъ, когда онъ зашагалъ по берегу большими шагами. Послѣдній звукъ, который онъ произнесъ, скрываясь за утесъ, выражалъ негодованіе, точно мысли его вращались около доктора Лайвесея.

Мать была наверху около отца, и я накрывалъ столъ для завтрака къ приходу капитана, когда вдругъ отворилась дверь, и вошелъ человѣкъ, котораго я до сихъ поръ никогда не видѣлъ. У него было блѣдное, болѣзненное лицо, и на лѣвой рукѣ не доставало двухъ пальцевъ. Несмотря на кортикъ за поясомъ, онъ вовсе не имѣлъ воинственнаго вида. Я всегда особенно внимательно присматривался къ морякамъ, все равно, обладали ли они одной ногой или двумя, и помню, что этотъ человѣкъ привелъ меня въ нѣкоторое смущеніе. Онъ не имѣлъ вида моряка, и тѣмъ не менѣе все въ немъ напоминало море.

Я спросилъ его, что ему нужно, и получилъ въ отвѣтъ, что онъ желалъ бы рому. Но когда я собирался уже выйти изъ комнаты, чтобы принести ромъ, онъ сѣлъ за столъ и сдѣлалъ мнѣ знакъ подойти къ нему ближе. Я остановился, держа въ рукѣ салфетку.

— Подойди сюда, сынокъ!—проговорилъ онъ. — Подойди ближе!

Я придвинулся на одинъ шагъ.

— Этотъ столъ, вотъ здѣсь, для моего товарища Билля?— спросилъ онъ, подмигивая мнѣ.

Я отвѣчалъ, что не знаю его товарища Билля, а что этотъ столъ накрытъ для нашего постояльца, котораго мы зовемъ капитаномъ.

— Прекрасно,—сказалъ онъ,—моего товарища Билля можно назвать и капитаномъ, почему бы и нѣтъ?! У Билля шрамъ на одной щекѣ и очень пріятное обхожденіе, особенно, если онъ выпьетъ лишнее. Скажемъ такъ, ради убѣдительности, что и у капитана есть шрамъ на щекѣ, и скажемъ, если вамъ угодно, что именно на правой. А, отлично! Я такъ и говорилъ вамъ. Ну-съ, такъ мой товарищъ Билль здѣсь, въ этомъ домѣ?

Я сказалъ, что онъ вышелъ погулять.

— Куда, сынокъ? Какой дорогой онъ пошелъ?

Я показалъ ему скалу, за которой капитанъ скрылся, сказалъ, какой дорогой и какъ скоро онъ долженъ вернуться, и отвѣтилъ еще на нѣсколько вопросовъ.

— О, — проговорилъ онъ тогда, — мой приходъ доставитъ моему товарищу Биллю такое же удовольствіе, какъ и выпивка!

Выраженіе его лица при этихъ словахъ было не изъ пріятныхъ, да и у меня были основанія полагать, что онъ сильно

ошибался, если даже предположить, что онъ думалъ то, что говорилъ.

Но это было не мое дѣло, какъ я полагалъ, да и трудно было что-нибудь предпринять въ данномъ случаѣ.

Незнакомецъ нѣкоторое время стоялъ около дверей, выглядывая изъ-за угла на улицу, точно кошка, выслѣживающая мышь. Я тоже вышелъ было на дорогу, но онъ сейчасъ же отозвалъ меня назадъ, и, когда я недостаточно быстро послушался, его болѣзненное лицо страшно исказилось, и онъ такъ крикнулъ на меня, что я даже подпрыгнулъ. Тогда его лицо приняло прежнее, наполовину вкрадчивое, наполовину насмѣшливое выраженіе, и, похлопавъ меня по плечу, онъ сказалъ, что я славный мальчикъ, и что онъ чувствуетъ нѣжность ко мнѣ.

— У меня есть сынъ,—сказалъ незнакомецъ,—и вы похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Я горжусь имъ. Но великая вещь для мальчиковъ—это послушаніе, сынокъ, да, послушаніе! И если бы вы поплавали съ Биллемъ, то мнѣ не пришлось-бы гнать васъ два раза. А вотъ, навѣрное, и мой товарищъ Билль съ своей подзорной трубой подъ мышкой. Мы съ вами вернемся въ комнату, сынокъ, и спрячемся за дверь, чтобы сдѣлать Биллю сюрпризъ!

Съ этими словами незнакомецъ вошелъ со мной въ комнату и всталъ за дверь, поставивъ меня позади себя, въ уголъ, такъ что мы оба скрывались за отворенной дверью. Я чувствовалъ себя очень не по себѣ и встревоженнымъ, какъ вы можете себѣ представить, и мое безпокойство еще усилилось, когда я подмѣтилъ, что и незнакомецъ также, видимо, трусилъ. Онъ пощупалъ рукоятку своего кортика и слабѣе вложилъ клинокъ въ ножны. Все время, пока мы стояли такъ въ ожиданіи, онъ дѣлалъ глотательныя движенія, точно что-нибудь застряло у него въ горлѣ.

Наконецъ, вошелъ капитанъ, хлопнулъ дверью и, не глядя по сторонамъ, направился прямо черезъ всю комнату къ столу, гдѣ былъ приготовленъ для него завтракъ.

— Билль!—окликнулъ его незнакомецъ, стараясь придать своему голосу какъ можно больше храбрости, какъ мнѣ показалось.

Капитанъ круто повернулся на каблукахъ и очутился ли-

цомъ къ лицу съ нами. Краска сбѣжала съ его лица, и только носъ его остался синеватымъ. Онъ имѣлъ видъ человѣка, который увидѣлъ передъ собой привидѣніе или самого дьявола, или что-нибудь еще хуже, если только бываетъ что-нибудь хуже этого. И—честное слово—мнѣ даже стало жалко его, такъ онъ вдругъ постарѣлъ и опустился въ одну минуту.

— Пойди сюда, Билль,—продолжалъ незнакомецъ,—вѣдь ты знаешь меня; ты знаешь, конечно, своего стараго корабельнаго товарища, Билль!

Изъ груди капитана вырвался подавленный вздохъ.

— Черный Песъ!—пробормоталъ онъ.

— А кто-же, какъ не онъ?—отвѣтилъ незнакомецъ, пріободрившись.—Черный Песъ пришелъ провѣдать своего стараго товарища по судну, Билля, въ гостиницу «Адмирала Бенбоу». Ахъ, Билль, Билль, много воды утекло для насъ обоихъ съ тѣхъ поръ, какъ я лишился этихъ двухъ когтей!

При этомъ онъ поднялъ свою искалѣченную руку.

— Ну, гляди сюда!—проговорилъ капитанъ.—Я здѣсь, и вотъ что со мной сдѣлалось! Теперь отвѣчай, что это значитъ, что ты пришелъ, и что тебѣ надо?

— Узнаю тебя, Билль! А теперь я хочу, чтобы этотъ милый мальчикъ принесъ мнѣ стаканъ рому, и мы сядемъ съ тобой, если тебѣ угодно, и потолкуемъ по душѣ, какъ старые корабельные друзья!

Когда я вернулся съ ромомъ, они уже сидѣли за столомъ—Черный Песъ у самой двери и притомъ бокомъ, чтобы однимъ глазомъ слѣдить за своимъ старымъ товарищемъ, а другимъ посматривать на дверь и во-время спастись бѣгствомъ, какъ мнѣ показалось. Онъ приказалъ мнѣ уйти и оставить дверь открытой настежь.

— Чтобы никто не подглядывалъ въ замочную скважинку, сынокъ!—сказалъ онъ.—Я оставилъ ихъ вдвоемъ и вернулся за прилавокъ въ буфетъ. Долгое время, несмотря на всѣ старанія съ моей стороны, мнѣ не было ничего слышно, такъ какъ они говорили шопотомъ. Но мало-по-малу голоса ихъ становились все громче, и до меня стали долетать отдѣльныя словечки, по большей части ругательныя, которыя произносилъ капитанъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. И покончено съ этимъ!—крик-

нулъ онъ. А потомъ:—Если ужъ качаться на веревкѣ — такъ всѣмъ!

Затѣмъ вдругъ донесся страшный шумъ въ перемежку съ цѣлымъ потокомъ ругательствъ; столъ и стулъ полетѣли на полъ; раздался звонъ стали и затѣмъ крикъ боли. Въ слѣдующую секунду я увидѣлъ Чернаго Пса обратившимся въ бѣгство. Капитанъ пустился за нимъ въ догонку, и у обоихъ были обнажены кортики, а у перваго текла кровь изъ лѣваго плеча.

У самой двери капитанъ замахнулся ножомъ въ бѣглеца и навѣрное разсѣкъ бы ему поясницу, если бы не помѣшала наша крупная вывѣска «Адмиралъ Бенбоу». Еще и сейчасъ можно видѣть рубчикъ на нижнемъ ея краѣ. Этимъ ударомъ драка окончилась. Очутившись на свободѣ, Черный Песъ, несмотря на свою рану, пустился бѣжать съ такой быстротой, что въ воздухѣ только мелькали его пятки, и черезъ полминуты исчезъ за холмомъ. Капитанъ же, со своей стороны, неподвижно стоялъ въ дверяхъ, точно въ какомъ-то оцѣпенѣніи; затѣмъ онъ нѣсколько разъ провелъ рукой по глазамъ и вернулся въ домъ.

— Джимъ,—сказалъ онъ,—рому!

Говоря это, онъ пошатнулся и ухватился рукой за стѣну.

— Вы ранены?—вскричалъ я.

— Рому!—повторилъ онъ.—Мнѣ надо убираться отсюда. Рому, рому!

Я бросился за ромомъ. Но такъ какъ я весь дрожалъ послѣ всего того, что только-что произошло, то разбилъ стаканъ. Продолжая возиться около крана, я вдругъ услышалъ громкій стукъ отъ паденія чего-то тяжелаго. Вбѣжавъ въ комнату, я увидѣлъ капитана лежащимъ во весь ростъ на полу.

Въ эту минуту моя мать, встревоженная криками и дракой, прибѣжала сверху на помощь мнѣ. Намъ удалось вдвоемъ приподнять голову капитана. Онъ дышалъ громко и тяжело, но глаза были закрыты, и лицо имѣло ужасный видъ.

— О, горе, горе мнѣ!—вскричала моя мать.—Что за несчастье тяготѣетъ надъ нашимъ домомъ! И еще твой бѣдный отецъ къ тому же боленъ!

Мы не знали, какъ помочь капитану, но не сомнѣвались, что онъ получилъ смертельную рану въ дракѣ съ незнакомцемъ. Я принесъ рому и пробовалъ влить его ему въ горло, но зубы его были крѣпко стиснуты, и челюсти нельзя было разжать—

онѣ превратились точно въ желѣзо. Мы вздохнули съ облегченіемъ, когда дверь отворилась, и вошелъ докторъ Лайвесей, пріѣхавшій навѣстить отца.

— О, докторъ!—вскричали мы.—Что намъ дѣлать съ нимъ? Куда онъ раненъ?

— Раненъ?!—переспросилъ докторъ.—Да онъ такъ же раненъ, какъ и мы съ вами! Это ударъ, о которомъ я предупреждалъ его. Ну, мистриссъ Гаукинсъ, отправляйтесь теперь къ вашему мужу и ничего не говорите ему о случившемся, если это возможно. Я же, съ своей стороны, долженъ употребить въ дѣло все свое искусство, чтобы спасти этому молодцу жизнь. Джимъ принесетъ мнѣ тазъ!

Когда я вернулся съ тазомъ, докторъ уже разорвалъ рукавъ капитана и обнажилъ его мускулистую руку, которая была вся татуирована надписями вродѣ: «Здѣсь счастливое мѣсто», или «Благопріятный вѣтеръ», или «Билли Бонса мечта». Все это было ясно и четко написано на предплечьѣ, а выше, около плеча, сдѣланъ былъ (очень искусно, по моему мнѣнію) набросокъ висѣлицы, на которой раскачивался человѣкъ.

— Пророческій рисунокъ!—проговорилъ докторъ, дотрагиваясь пальцемъ до изображенія висѣлицы.—А теперь, мистеръ Билли Бонсъ, если это, дѣйствительно, ваше имя, мы взглянемъ на цвѣтъ вашей крови. Джимъ,—обратился онъ ко мнѣ,—вы боитесь вида крови?

— Нѣтъ, сэръ!—отвѣчалъ я.

— Отлично! Въ такомъ случаѣ, держите тазъ!

Съ этими словами онъ взялъ ланцетъ и вскрылъ вену. Много крови вышло раньше, чѣмъ капитанъ открылъ глаза и обвелъ кругомъ туманнымъ взоромъ. Прежде всего онъ увидѣлъ доктора, и брови его нахмурились; потомъ взглядъ его упалъ на меня, и онъ успокоился. Но вдругъ лицо его исказилось, и онъ сдѣлалъ усиліе приподняться, воскликнувъ:

— Гдѣ же Черный Песъ?

— Здѣсь нѣтъ Чернаго Пса!—отвѣчалъ докторъ.—Съ вами былъ ударъ, какъ я предсказывалъ вамъ, такъ какъ вы не переставали пить ромъ; и вы были уже одной ногой въ могилѣ, но я помогъ вамъ выкарабкаться оттуда—не скажу, чтобы по собственному желанію. А теперь, мистеръ Бонсъ...

— Это не мое имя!—прервалъ его капитанъ.

— Все равно,—сказалъ докторъ.—Это имя одного моего знакомаго морского разбойника, и я зову васъ такъ для скорости. Вотъ что я хочу сказать вамъ: одинъ стаканъ рому не убьетъ васъ, но если вы выпьете одинъ, то за нимъ послѣдуетъ и второй, и третій, а я вамъ говорю, что если вы не перестанете пить, то умрете—понимаете?—умрете и пойдете въ приготовленное для васъ мѣстечко, какъ тотъ человѣкъ въ библіи. А теперь сдѣлайте усиліе и пойдемте. Я доведу васъ до вашей постели!

Мы съ большимъ трудомъ провели его наверхъ и уложили въ постель. Голова его сейчасъ же откинулась въ изнеможеніи на подушкѣ, точно онъ лишился чувствъ.

— Ну, такъ запомните же хорошенько,—повторилъ докторъ,—говорю вамъ, что ромъ—это смертельный ядъ для васъ!

Съ этими словами онъ отправился къ моему отцу, взявъ меня подъ руку.

— Это обойдется,—сказалъ онъ, какъ только затворилъ за собой дверь.—Я выпустилъ у него достаточно крови, и онъ оправится. Онъ только пролежитъ съ недѣльку въ постели—это будетъ самое лучшее и для него, и для васъ. Но второй ударъ не сойдетъ ему такъ легко съ рукъ.

III. Черная мѣтка.

Около полудня я вошелъ въ комнату капитана съ прохладительнымъ питьемъ и лекарствами. Онъ лежалъ почти въ томъ же положеніи, какъ мы оставили его, только нѣсколько выше, и казался въ одно и то же время ослабѣвшимъ и возбужденнымъ.

— Джимъ,—сказалъ онъ,—вы одинъ здѣсь славный малый, другіе ничего не стоятъ. И вы знаете, что я всегда былъ добръ съ вами, и каждый мѣсяцъ давалъ по серебряному четырехпенсовику. А теперь вы сами видите, дружище, въ какомъ я жалкомъ положеніи и лишенъ всего. Такъ вотъ, Джимъ, принесите-ка мнѣ кружечку рому, а?

— Но докторъ...—началъ я.

Тогда онъ слабымъ голосомъ, но энергично обрушился на доктора.

— Всѣ доктора ничего не понимаютъ. Да и что можетъ знать здѣшній докторъ о морякахъ, скажите на милость? Я бы-

валъ въ странахъ, гдѣ было жарко, какъ въ горячей смолѣ, и кругомъ меня валились съ ногъ мои товарищи отъ желтой лихорадки, а земля колыхалась отъ землетрясенія, точно море,— развѣ докторъ знаетъ такія страны? И я жилъ только ромомъ, говорю вамъ. Онъ былъ для меня и питьемъ, и ѣдой, замѣнялъ мнѣ семью и все. Если я не выпью теперь рому, я буду все равно какъ старое негодное судно, выброшенное на берегъ, и кровь моя падетъ на васъ, Джимъ, и на этого душегубца доктора!

Онъ откинулся назадъ съ проклятіями.

— Взгляни-ка, Джимъ, какъ у меня шевелятся пальцы,— продолжалъ онъ жалобнымъ голосомъ.—Я не могу удержать ихъ, чтобы они не шевелились. Я ни капли не выпилъ за сегодняшній день. Этотъ докторъ просто дуракъ, говорю тебѣ. Если я не выпью глоточка рома, мнѣ привидятся всякіе ужасы, и я уже видѣлъ кое-что. Я видѣлъ одного человѣка, старика Флинта, вонъ тамъ, въ углу, позади васъ,—такъ же ясно, какъ если бы это было нарисовано. Самъ докторъ сказалъ, что одинъ стаканчикъ не убьетъ меня. Я дамъ вамъ гинею, Джимъ, за одну кружечку, только одну!

Возбужденіе его все росло, и я встревожился за моего отца, которому было очень плохо въ тотъ день, и нуженъ былъ покой. Кромѣ того, меня убѣждали слова доктора, относительно одного стакана рому, и оскорбило предложеніе капитана подкупить меня.

— Не надо мнѣ вашихъ денегъ,—сказалъ я,—кромѣ того, что вы должны моему отцу. Я принесу вамъ одинъ стаканъ, но только одинъ!

Когда я принесъ ему рому, онъ жадно схватилъ стаканъ и выпилъ его до послѣдней капли.

— О, о!—сказалъ онъ.—Такъ-то получше, честное слово! А что, дружище, говорилъ докторъ, сколько времени лежать мнѣ на этой старой койкѣ?

— По крайней мѣрѣ, недѣлю!—отвѣчалъ я.

— Громъ и молнія!—вскричалъ онъ.—Цѣлую недѣлю! Но я не могу ждать такъ долго: «они» пришлютъ мнѣ «черную мѣтку». Негодяи навѣрное бродятъ уже и теперь тутъ. Не умѣли держать своего, а теперь зарятся на чужое! Развѣ такое поведеніе достойно моряка, хотѣлъ бы я знать? Но меня трудно провести. Я никогда не сорилъ своими деньгами и терять ихъ

не желаю. И я прогоню ихъ отсюда. Меня они не запугаютъ, нѣтъ! Не на того напали!

Съ этими словами онъ съ усиліемъ поднялся на постели, опираясь на мое плечо такъ сильно, что я едва не вскрикнулъ отъ боли, и передвигая ноги съ такимъ трудомъ, точно это были мертвыя колоды. Энергичныя слова его не соотвѣтствовали слабому голосу, которымъ они были произнесены. Сѣвъ на край постели, онъ остановился, чтобы передохнуть.

— Этотъ докторъ доканалъ меня!—пробормоталъ онъ.—Въ ушахъ у меня стоитъ звонъ. Положи меня опять!

Но не успѣлъ я помочь ему, какъ онъ самъ упалъ въ прежнее положеніе и нѣкоторое время лежалъ молча.

— Джимъ,—проговорилъ онъ, наконецъ,—видѣли вы этого моряка сегодня?

— Чернаго Пса?—спросилъ я.

— Да,—проговорилъ онъ.—Онъ скверный человѣкъ, но есть и еще хуже, тотъ, кто прислалъ его сюда. Такъ вотъ, если мнѣ нельзя будетъ уѣхать отсюда, и они пришлютъ мнѣ «черную мѣтку», то помните, что имъ нуженъ мой сундукъ. Тогда садитесь на лошадь и скачите къ доктору: пускай онъ созоветъ людей и перехватитъ «ихъ»—это все шайка стараго Флинта. Я былъ помощникомъ Флинта и одинъ знаю его тайну, знаю, «гдѣ лежитъ»... Онъ открылъ мнѣ это передъ смертью. Но надо подождать, чтобы они прислали мнѣ «черную мѣтку», раньше нельзя никому говорить объ этомъ.

— Что это за «черная мѣтка», капитанъ?—спросилъ я.

— Это вызовъ, дружище! Я разскажу вамъ объ этомъ, когда пришлютъ. Будьте насторожѣ, Джимъ, и глядите въ оба. А ужъ я раздѣлю съ вами «это» поровну, клянусь честью!

Голосъ его сдѣлался слабѣе, и, наконецъ, онъ умолкъ. Вскорѣ послѣ этого я далъ ему лекарство, и онъ принялъ его, точно ребенокъ, проговоривъ:

— Если когда-нибудь морякъ желалъ лекарствъ, такъ это я!

Наконецъ, онъ впалъ въ тяжелый сонъ, похожій на обморокъ, въ которомъ я и оставилъ его. Не знаю, что бы я сдѣлалъ, если бы все обстояло благополучно; вѣроятно, я разсказалъ бы всю эту исторію доктору, такъ какъ страшно боялся, что капитанъ раскается въ своей откровенности и покончитъ со мной. Но обстоятельства сложились самымъ неожиданнымъ

образомъ: мой отецъ внезапно умеръ въ этотъ вечеръ, и это заставило меня забыть о всемъ прочемъ. Наша печаль, посѣщенія сосѣдей, хлопоты по устройству похоронъ и непрекращавшаяся суетня въ гостиницѣ поглощали все мое время, такъ что я едва находилъ свободную минутку думать о капитанѣ.

На слѣдующее утро онъ спустился внизъ и ѣлъ, какъ и обыкновенно, хотя меньше, но зато пилъ рому, чего добраго, больше обыкновеннаго, такъ какъ самъ наливалъ себѣ изъ боченка, насвистывая при этомъ носомъ, и никто не осмѣлился помѣшать ему. Въ ночь наканунѣ похоронъ онъ былъ такъ же пьянъ, какъ и прежде, и морозъ пробѣгалъ по кожѣ, когда въ нашемъ печальномъ домѣ раздавалась его гнусная морская пѣсня. Но хотя онъ былъ и слабъ, мы всѣ боялись его, какъ огня, а доктора отозвали за нѣсколько миль къ больному, и онъ не бывалъ въ нашихъ мѣстахъ послѣ смерти отца. Я сказалъ, что капитанъ былъ слабъ. Дѣйствительно, онъ точно становился все слабѣе вмѣсто того, чтобы крѣпнуть. Онъ съ трудомъ карабкался по лѣстницѣ и бродилъ по комнатѣ, подходя къ прилавку, иногда даже высовывалъ носъ въ дверь, чтобы подышать морскимъ воздухомъ; но при этомъ держался за стѣну, ища опоры, и дышалъ такъ тяжело, точно взобрался на гору. Онъ никогда не обращался ко мнѣ съ разговорами, и я думалъ, что онъ уже забылъ о томъ, что говорилъ мнѣ. Характеръ его теперь измѣнился и сталъ болѣе безпокойнымъ, насколько позволяла ему его слабость. У него явилась новая привычка, тревожившая насъ—вынимать кортикъ и класть его около себя на столъ, когда онъ пилъ. Но, со всѣмъ тѣмъ, онъ оставлялъ людей въ покоѣ и, казалось, былъ всецѣло погруженъ въ свои мысли. Одинъ разъ, къ нашему величайшему удивленію, онъ даже сталъ насвистывать какую-то любовную деревенскую пѣсенку, которую онъ распѣвалъ, вѣроятно, еще въ своей юности, раньше чѣмъ пустился въ морское плаваніе.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда, день спустя послѣ похоронъ, около трехъ часовъ пополудни, я на минуту остановился въ дверяхъ, съ грустью вспоминая о моемъ отцѣ. День былъ морозный и туманный.

Вдругъ я увидѣлъ человѣка, который медленно брелъ по дорогѣ. Очевидно, онъ былъ слѣпъ, такъ какъ ощупывалъ передъ собой дорогу палкой; глаза и носъ его закрывала зеленая шир-

мочка. Онъ горбился, отъ преклоннаго возраста или отъ слабости, и на немъ былъ надѣтъ огромный ветхій морской плащъ съ капюшономъ, совершенно скрывавшій его фигуру. Я никогда въ жизни не видалъ такого страшнаго на видъ человѣка. Остановившись передъ гостиницей, онъ произнесъ нараспѣвъ страннымъ и монотоннымъ голосомъ, обращаясь въ пространство:

— Можетъ какая-нибудь добрая душа скажетъ несчастному слѣпому, потерявшему драгоцѣнное зрѣніе въ храброй защитѣ своей родины, Англіи. гдѣ онъ теперь находится?

— Вы около «Адмирала Бенбоу», добрый человѣкъ, у залива Чернаго холма!—отвѣчалъ я.

— Я слышу голосъ,—сказалъ онъ,—молодой голосъ. Можете дать мнѣ руку, мой добрый молодой другъ, и ввести меня въ домъ?

Я протянулъ руку, и это ужасное, безглазое существо съ такимъ мягкимъ голосомъ ухватило ее, точно клещами. Я такъ испугался, что пробовалъ вырвать у него руку; но слѣпой крѣпко прижалъ ее къ себѣ.

— А теперь, мальчикъ,—сказалъ онъ,—веди меня къ капитану!

— Сэръ,—отвѣтилъ я,—честное слово, я не смѣю этого сдѣлать!

— И все-таки сдѣлаешь!—сказалъ онъ, насмѣшливо улыбаясь. — Ты поведешь меня прямо къ нему, или я сломаю тебѣ руку!

Съ этими словами онъ такъ повернулъ мою руку, что я вскрикнулъ отъ боли.

— Сэръ,—сказалъ я.—Вѣдь, я ради васъ-же не хотѣлъ этого дѣлать. Капитанъ теперь не такой, какъ былъ прежде. Онъ держитъ всегда около себя кортикъ наготовѣ. Другой джентльменъ...

— Ступай, ступай,—прервалъ онъ меня, и я никогда прежде не слыхалъ такого жесткаго, холоднаго и отвратительнаго голоса, какъ у этого слѣпого. Этотъ голосъ сильнѣе подѣйствовалъ на меня, чѣмъ боль, и я послушно повелъ его прямо въ общую комнату, гдѣ нашъ больной капитанъ сидѣлъ за столомъ, отуманенный ромомъ. Слѣпой сжималъ мою руку въ своемъ желѣзномъ кулакѣ и опирался на меня всей своей тяжестью, такъ что я едва могъ вести его.

— Веди меня прямо къ нему, и когда онъ увидитъ меня, крикни: «Я привелъ вашего друга, Билль». Если не исполнишь этого, то я сдѣлаю съ тобой вотъ что.

И онъ до судороги сжалъ мою руку, такъ что я едва не лишился сознанія. Я былъ такъ напуганъ слѣпымъ нищимъ, что забылъ свой страхъ къ капитану и, отворивъ дверь, дрожащимъ голосомъ произнесъ то, что было приказано мнѣ. Бѣдный капитанъ вскинулъ глаза вверхъ, и въ одну секунду хмѣль выскочилъ у него изъ головы, и онъ отрезвился. Лицо его выражало не столько ужасъ, сколько смертельную боль. Онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы подняться, но у него не хватило на это силъ, повидимому.

— Нѣтъ, Билль, оставайтесь сидѣть на вашемъ мѣстѣ!— проговорилъ нищій.—Если я не могу видѣть, то зато могу слышать хрустъ пальцевъ! Ужъ что надо дѣлать, то надо. Вытяните свою правую руку. Мальчикъ, возьми его руку и поднеси къ моей правой рукѣ!

Мы оба повиновались ему, и я видѣлъ, какъ онъ переложилъ что-то изъ руки, въ которой держалъ палку, въ ладонь капитана, который сейчасъ-же сжалъ ее.

— Теперь дѣло сдѣлано!—сказалъ слѣпой и съ этими словами сразу выпустилъ мою руку и съ невѣроятной быстротой исчезъ изъ комнаты. Издалека доносилось постукиваніе его палки, которой онъ нащупывалъ дорогу, а я все еще стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ.

Прошло нѣсколько секундъ, пока мы съ капитаномъ пришли въ себя, и я почувствовалъ, что все еще держу его руку.

— Въ десять часовъ!—вскричалъ капитанъ, заглянувъ въ то, что было зажато въ его ладони.—Остается шесть часовъ. Еще можно успѣть!

И онъ вскочилъ на ноги, но сейчасъ-же пошатнулся, схватился рукой за горло и, издавъ странный звукъ, упалъ всей тяжестью на полъ, лицомъ внизъ. Я бросился къ нему, крича на помощь мать. Но торопиться было не къ чему: капитанъ моментально умеръ отъ апоплексическаго удара. Странная вещь: я хотя никогда не любилъ этого человѣка и только жалѣлъ его послѣднее время, залился слезами, когда увидѣлъ, что онъ умеръ;

это была вторая смерть, которую мнѣ пришлось пережить въ короткое время, и горе послѣ первой было еще слишкомъ свѣжо въ моей памяти.

IV. Морской сундукъ.

Не теряя времени, я разсказалъ матери все, что зналъ и что, быть можетъ, долженъ былъ бы разсказать гораздо раньше, и мы поняли, что попали въ затруднительное и опасное положеніе. Деньги,—если только онѣ были у капитана,—слѣдовало по всей справедливости получить намъ, но не похоже было на то, чтобы товарищи капитана, два образчика которыхъ я видѣлъ, пожелали разстаться со своей добычей ради того, чтобы отдать долги покойнаго. Скакать сейчасъ-же за докторомъ Лайвесеемъ, какъ приказывалъ мнѣ капитанъ, я тоже не могъ, такъ какъ тогда моя мать осталась бы совсѣмъ одинокой и беззащитной, а объ этомъ нечего было и думать. Мы не рѣшались оставаться долѣе въ своемъ домѣ: всякій ничтожный стукъ, какъ трескъ углей въ печкѣ, или громкое тиканье часовъ, заставлялъ насъ тревожно вздрагивать. Намъ всюду чудились шаги, которые, казалось, приближались къ намъ. Тѣло капитана, распростертое на полу, и мысль объ отвратительномъ слѣпомъ нищемъ, который бродилъ гдѣ-то по близости и могъ вернуться назадъ каждую минуту, наводили на меня такой ужасъ, что волосы на головѣ становились дыбомъ. Надо было поскорѣе предпринять что-нибудь, и вотъ мы рѣшили, наконецъ, отправиться вмѣстѣ за помощью въ сосѣднюю деревушку. Сказано—сдѣлано. Въ одно мгновеніе очутились мы на улицѣ и съ непокрытыми головами побѣжали по морозу, когда начали уже сгущаться сумерки.

Деревушка была въ нѣсколькихъ стахъ ярдовъ разстоянія отъ насъ, хотя и не видна была изъ нашего дома и лежала на другомъ берегу залива, за утесами. Особенно ободряло меня то, что она находилась въ направленіи совсѣмъ противоположномъ тому, откуда явился слѣпой нищій и куда онъ, по всей вѣроятности, и вернулся. Мы недолго были въ дорогѣ, хотя по временамъ останавливались и прислушивались; но не слышно было ничего особеннаго, кромѣ тихаго журчанья воды и карканья воронъ въ лѣсу.

Онъ переложилъ что-то въ ладонь капитана..

Въ деревушкѣ были зажжены уже огни, когда мы добрались до нея, и я никогда не забуду, какъ пріятно и успокоительно подѣйствовали на меня эти желтые огоньки, виднѣвшіеся въ окнахъ и дверяхъ. Но этимъ пріятнымъ ощущеніемъ все дѣло и ограничилось, такъ какъ ни одна душа во всей деревнѣ не согласилась вернуться вмѣстѣ съ нами въ «Адмирала Бенбоу». Чѣмъ больше говорили мы о нашихъ волненіяхъ и

безпокойствѣ, тѣмъ сильнѣе льнули всѣ эти люди и мужчины, и женщины, и дѣти къ ихъ собственнымъ домамъ. Имя капитана Флинта,—какъ это ни казалось мнѣ страннымъ,—было хорошо извѣстно здѣсь и вселяло во всѣхъ ужасъ. Нѣкоторые изъ мужчинъ, работавшихъ на полѣ недалеко отъ «Адмирала Бенбоу», вспомнили, что видѣли нѣсколькихъ незнакомыхъ людей на дорогѣ и приняли ихъ за контрабандистовъ, такъ какъ они сейчасъ же скрылись изъ виду; кромѣ того, видѣли и маленькое судно въ Логовищѣ Китта, какъ мы называли это мѣсто. Одно упоминаніе о товарищахъ капитана пугало ихъ поэтому до смерти. Въ концѣ концовъ, хотя нашлось нѣсколько человѣкъ, готовыхъ поѣхать къ доктору Лайвесею, но никто не согласился помочь намъ охранять нашу гостиницу. Говорятъ, что трусость заразительна; но вѣрно и то, что противорѣчія только усиливаютъ мужество. Когда всѣ отказались итти съ нами, моя мать обратилась съ нѣсколькими словами къ толпѣ. Она объявила, что не захочетъ лишить денегъ своего сына сироту.

— Если никто изъ васъ не рѣшается на это, то мы съ Джимомъ пойдемъ одни!—сказала она.—Мы пойдемъ назадъ той же дорогой, какъ и пришли сюда, а вы можете оставаться здѣсь, жалкіе, трусливые люди съ цыплячьими душонками! Мы откроемъ тотъ сундукъ, хотя бы это стоило намъ жизни. Я бы попросила у васъ этотъ мѣшокъ, мистриссъ Крослей, для нашихъ денегъ, которыя слѣдуютъ намъ по закону!

Конечно, я сказалъ, что пойду съ матерью, и, конечно, всѣ загалдѣли и закричали, что это дурацкая храбрость съ нашей стороны, и что не найдется желающихъ итти съ нами. Все, чѣмъ они ограничились,—былъ заряженный пистолетъ, которымъ меня снабдили на случай нападенія, и обѣщаніе имѣть наготовѣ осѣдланныхъ лошадей, если бы насъ стали преслѣдовать на обратномъ пути. Въ то же время одинъ парень собирался поѣхать въ домъ доктора за вооруженнымъ подкрѣпленіемъ.

Сердце колотилось у меня въ груди, когда мы возвращались въ эту холодную ночь домой, рискуя подвергнуться страшной опасности. На небѣ сталъ подниматься полный мѣсяцъ, краснѣя сквозь туманъ, и это обстоятельство еще увеличило нашу поспѣшность: очевидно, скоро должно было сдѣлаться

свѣтло, какъ днемъ, и наше возвращеніе не могло скрыться отъ глазъ преслѣдователей. Мы безшумно пробирались вдоль плетней, хотя кругомъ не видно и не слышно было ничего подозрительнаго, что могло бы увеличить нашъ страхъ. Наконецъ, къ нашему величайшему облегченію, за нами закрылась дверь «Адмирала Бенбоу».

Прежде всего я задвинулъ засовъ у наружной двери, и мы на минуту остались въ темнотѣ, одни съ тѣломъ капитана. Затѣмъ моя мать принесла свѣчку, и мы, держась за руки, вошли въ чистую комнату. Покойникъ лежалъ въ такомъ-же положеніи, какъ мы оставили его,—на спинѣ, съ открытыми глазами и вытянутой одной рукой.

— Спусти шторы, Джимъ,—прошептала мать,—а то могутъ подсмотрѣть за нами съ улицы. А теперь,—продолжала она, когда я спустилъ шторы,—намъ надо достать ключъ, но хотѣла бы я знать, кто рѣшится дотронуться до него?

И она даже всхлипнула при этихъ словахъ.

Я опустился на колѣни. На полу, около руки капитана, лежала круглая бумажка, зачерненная съ одной стороны. Я не сомнѣвался, что это и была «черная мѣтка», о которой говорилъ покойный. Взявъ бумажку въ руки, я увидѣлъ на одной сторонѣ ея ясно и четко написанное: «Сегодня въ 10 часовъ».

— Въ 10 часовъ,—сказалъ я, и какъ разъ въ эту секунду начали бить наши старые стѣнные часы. Этотъ неожиданный звукъ заставилъ насъ вздрогнуть. Но затѣмъ мы обрадовались: пробило только шесть часовъ.

— Теперь, Джимъ,—сказала мать,—надо отыскать ключъ отъ сундука!

Я перешарилъ его карманы, одинъ за другимъ. Нѣсколько мелкихъ монетъ, наперстокъ, нитки и толстыя иголки, свертокъ початаго табаку, карманный компасъ, ножъ съ искривленной ручкой, огниво — вотъ все, что я нашелъ въ нихъ, такъ что началъ уже приходить въ отчаяніе.

— Можетъ быть, у него на шеѣ!—сказала мать.

Преодолѣвъ сильное отвращеніе, я разорвалъ воротъ его рубашки. Дѣйствительно, кругомъ шеи, на просмоленой веревкѣ, которую я разрѣзалъ его-же ножомъ, висѣлъ ключъ. Эта удача придала намъ надежды, и мы поспѣшили наверхъ, въ ту

маленькую комнатку, гдѣ капитанъ такъ долго прожилъ, и гдѣ стоялъ съ самаго пріѣзда его сундукъ.

Этотъ сундукъ по виду ничѣмъ не отличался отъ обыкновеннаго сундука, какіе бываютъ у матросовъ. На крышкѣ его была выжжена раскаленнымъ желѣзомъ буква Б, а углы потерлись и расщепились, точно отъ долгаго употребленія.

— Дай мнѣ ключъ!—сказала мать и, несмотря на тугой замокъ, повернула ключъ и въ одно мгновеніе откинула назадъ крышку сундука.

На насъ пахнуло сильнымъ запахомъ табаку и дегтя. Сверху лежала пара платья, старательно вычищеннаго и сложеннаго. По словамъ матери, капитанъ, должно быть, никогда не надѣвалъ его. Подъ платьемъ лежала всякая смѣсь: тутъ былъ и квадрантъ, и обложки отъ табаку, и двѣ пары красивыхъ пистолетовъ, старые испанскіе часы и разныя бездѣлушки, имѣющія цѣну только по воспоминаніямъ; была здѣсь также пара компасовъ, оправленныхъ мѣдью, и пять или шесть интересныхъ вестъ-индскихъ раковинъ.

Мы ничего не нашли цѣннаго, кромѣ куска серебра и нѣкоторыхъ мелочей. Еще глубже лежалъ старый плащъ, побѣлѣвшій отъ соленой воды. Моя мать нетерпѣливо отбросила его въ сторону, и тогда передъ нашими глазами открылись послѣднія вещи въ сундукѣ: свертокъ, завернутый въ клеенку, и холщевый мѣшокъ, въ которомъ, судя по звону, было золото.

— Я покажу этимъ негодяямъ, что я честная женщина!—сказала моя мать.—Я возьму только ту сумму, которую онъ былъ мнѣ долженъ, ни фартинга болѣе. Подержи-ка мѣшокъ, мальчуганъ!

И она начала отсчитывать деньги изъ одного мѣшка и класть ихъ въ другой, который я держалъ. Это была нелегкая работа и заняла она много времени, потому что тутъ были монеты всякихъ странъ и величинъ—и дублоны, и луидоры, и гинеи, и всякія другія, и притомъ всѣ онѣ были перемѣшаны одна съ другой. Англійскихъ монетъ было всего меньше, а моя мать только по нимъ и умѣла считать.

Когда мы были еще въ разгарѣ этой работы, я вдругъ схватилъ мою мать за руку: въ тихомъ морозномъ воздухѣ пронесся звукъ, отъ котораго у меня душа ушла въ пятки, такъ какъ это было постукиванье палки слѣпого нищаго, нащупывавшаго до-

Въ эту секунду начали бить часы...

рогу. Звукъ этотъ слышался все яснѣе и отчетливѣе, видимо, приближаясь къ намъ, и мы сидѣли, притаивъ дыханіе. Затѣмъ раздался рѣзкій стукъ въ наружную дверь, и вслѣдъ за этимъ ручка двери задвигалась, и засовъ затрещалъ, точно кто-то пробовалъ отворить его. Потомъ наступило долгое молчаніе. Наконецъ, снова послышалось постукиванье палки по дорогѣ и,—къ нашей неописуемой радости,—постепенно замерло вдали.

— Мать,—сказалъ я,—возьми всѣ деньги!

Я былъ увѣренъ, что наша дверь, заложенная засовомъ, вызоветъ подозрѣнія и привлечетъ къ нашему дому всю шайку этихъ негодяевъ. Но въ то же время я былъ такъ счастливъ, что мнѣ пришло въ голову задвинуть дверь засовомъ.

Однако, моя мать, несмотря на весь свой испугъ, не соглашалась взять ни больше, ни меньше того, что ей слѣдовало получить за долгъ. Она говорила, что теперь еще нѣтъ семи часовъ, и что она успѣетъ покончить съ этимъ. Она еще спорила со мной, когда далеко отъ холма донесся тихій свистъ. Этого было достаточно для насъ.

— Я возьму то, что успѣла отсчитать!—сказала мать, вскакивая на ноги.

— А я прихвачу еще это для ровнаго счета!—прибавилъ я, беря свертокъ въ клеенкѣ.

Черезъ минуту мы были уже внизу, оставивъ свѣчку около пустого сундука, а еще черезъ мгновеніе открыли дверь и очутились на свободѣ. Нельзя было терять ни секунды. Туманъ быстро разсѣивался, и на небѣ уже свѣтилъ полный мѣсяцъ; только около порога и двери была легкая тѣнь, точно для того, чтобы скрыть первые шаги нашего бѣгства. Вся дорога въ деревню была залита яркимъ луннымъ свѣтомъ. Но это было еще не все: до нашего слуха уже доносились звуки шаговъ, и когда мы взглянули по направленію ихъ, то увидѣли толпу людей, быстро приближавшихся къ нашему дому; одинъ изъ нихъ несъ фонарь.

— Дорогой мой,—сказала вдругъ моя мать,—бери деньги и бѣги. Я чувствую, что сейчасъ упаду въ обморокъ!

Это было самое худшее, что только могло съ нами случиться. Какъ я проклиналъ трусость сосѣдей, какъ осуждалъ мать за ея честность, за ея прошлую безумную смѣлость и теперешнюю слабость!

Мы были у самаго мостика черезъ ручеекъ. Я помогъ матери спуститься съ берега, но тутъ она потеряла сознаніе и упала на меня всей тяжестью. Не знаю, какъ хватило у меня силъ поддержать ее, и боюсь, что это было сдѣлано не слишкомъ нѣжно; я протащилъ ее нѣсколько шаговъ внизъ по берегу и положилъ подъ арку моста. Дальше я не могъ ее вести, потому

что мостъ былъ слишкомъ низокъ. И такъ остались мы здѣсь ждать на разстояніи голоса отъ нашего постоялаго двора.

V. Смерть слѣпого.

Любопытство, однако, оказалось сильнѣе страха, и я не въ силахъ былъ оставаться въ своемъ убѣжищѣ. Я ползкомъ добрался снова до края дороги, откуда, прячась за кустомъ, могъ видѣть пространство около нашего дома. Едва занялъ я свое мѣсто, какъ показалась толпа, человѣкъ въ семь или восемь, которые спѣшили къ дому; тяжелые шаги ихъ гулко отдавались въ воздухѣ. Впереди шелъ человѣкъ съ фонаремъ въ рукахъ. За нимъ трое бѣжали, держась за руки, и,—несмотря на туманъ,—я разглядѣлъ, что средній изъ нихъ былъ слѣпой нищій. Черезъ секунду. онъ заговорилъ, и я убѣдился, что былъ правъ.

— Ломайте дверь!—кричалъ онъ.

Двое или трое бросились къ дому. Затѣмъ наступила пауза. Нападающіе тихо переговаривались между собой, точно пораженные тѣмъ, что дверь оказалась незапертой. Но пауза длилась недолго, и слѣпой снова сталъ отдавать приказанія. Голосъ его звучалъ еще выше и громче, и въ немъ слышалось бѣшенство.

— Въ домъ, въ домъ!—кричалъ онъ, сыпля проклятіями за мѣшкотность товарищей.

Четверо или пятеро человѣкъ послушались, двое остались на дорогѣ со слѣпымъ. Снова наступила пауза; затѣмъ раздался крикъ удивленія и голосъ изъ дому:

— Билль мертвъ!

Слѣпой снова разразился бранью.

— Обыщите его, лѣнтяи, а остальные пускай бѣгутъ наверхъ за сундукомъ!—кричалъ онъ.

Я слышалъ, какъ скрипѣли ступеньки нашей старой лѣстницы подъ ихъ тяжелыми шагами, и, вѣроятно, дрожалъ весь домъ. Вскорѣ раздались новые крики. Окно изъ комнаты капитана съ трескомъ отворилось, и послышался звонъ разбитаго стекла. Одинъ изъ негодяевъ высунулся до половины въ окно, ярко освѣщенный мѣсяцемъ, и обратился къ слѣпому, стоявшему внизу на дорогѣ:

— Пью, здѣсь ужъ побывали раньше насъ: всѣ вещи изъ сундука выворочены и брошены!

— Здѣсь ли «это»?—заревѣлъ Пью.

— Деньги здѣсь!

Слѣпой послалъ проклятіе по адресу денегъ.

— Я говорю о сверткѣ съ бумагами Флинта!—вскричалъ онъ.

— Здѣсь нигдѣ не видно его!—отвѣчалъ другой.

— Эй, вы тамъ, внизу, на Биллѣ онъ?—снова закричалъ слѣпой.

Въ дверяхъ показался одинъ изъ тѣхъ, которые оставались внизу обыскивать тѣло капитана.

— На Биллѣ мы ужъ все осмотрѣли,—сказалъ онъ.—Ничего не оставлено!

— Это, навѣрное, дѣло рукъ хозяевъ таверны, это все тотъ мальчишка! Хотѣлъ бы я вырвать ему глаза!—кричалъ слѣпой Пью.—Ищите хорошенько, молодцы, и найдите ихъ!

— Конечно, это они, вотъ здѣсь и свѣчку свою оставили!—отозвался тотъ, который стоялъ у окна.

— Шарьте вездѣ и найдите ихъ! Переверните все въ домѣ вверхъ дномъ!—ревѣлъ Пью, стуча палкой въ землю.

И вотъ, въ нашемъ постояломъ дворѣ начали безцеремонно хозяйничать три негодяя, перевертывая все вверхъ дномъ, шаря, швыряя и ломая мебель и всѣ вещи; отъ тяжелаго стука ногъ и хлопанья дверей проснулось даже эхо въ сосѣднихъ скалахъ. Наконецъ, они, одинъ за другимъ, вышли изъ дому на дорогу и объявили, что никого не могли найти. Въ это мгновеніе донесся такой же свистъ, какъ слышался и раньше, только теперь онъ повторился два раза. Прежде я думалъ, что это была труба слѣпого, которой онъ созывалъ своихъ товарищей для нападенія; но, вѣроятно, это былъ сигналъ съ той стороны холмовъ, которая спускалась къ деревушкѣ,—сигналъ для предупрежденія разбойниковъ объ опасности.

— Это снова Диркъ!—сказалъ кто-то.—И двойной сигналъ! Надо намъ убираться отсюда во-свояси!

— Убираться? Ахъ вы, мошенники! — кричалъ Пью.— Диркъ—дуракъ и первый трусъ, не стоитъ обращать на него вниманія. Они должны быть здѣсь, по близости,—имъ не уйти

далеко отсюда. Обшарьте хорошенько всѣ уголки, собаки! О, проклятіе! Если бы у меня только были глаза!

Это воззваніе нѣсколько подѣйствовало, повидимому, такъ какъ двое стали шарить около дома, но я думаю, что дѣлали это не очень внимательно, такъ какъ у нихъ должно быть было тревожно на сердцѣ. Остальные стояли въ нерѣшительности на дорогѣ.

— Вѣдь васъ ожидаетъ тысячное богатство, дураки, а вы мямлите! Вы станете богаты, какъ короли, если найдете то, что ищете, и вы знаете, что это находится здѣсь, а между тѣмъ стоите тутъ, ничего не дѣлая! Изъ васъ никто не осмѣлился придти къ Биллю, а я сдѣлалъ это—я, слѣпой! И теперь я потеряю свое счастье изъ-за васъ! Я останусь несчастнымъ нищимъ, когда могъ бы разъѣзжать въ каретѣ.

— Да вѣдь деньги мы взяли, чего же тебѣ еще?!—проворчалъ одинъ.

— Должно быть, они припрятали эту вещь!—замѣтилъ другой.—Возьми Джорджа, Пью, и не ори тутъ!

Послѣднія слова были каплей, переполнившей чашу гнѣва слѣпого, и онъ, замахнувшись своей палкой, сталъ наносить ею удары направо и налѣво, такъ что нѣсколькимъ сильно перепало. Тѣ, въ свою очередь, стали осыпать слѣпого проклятіями и угрозами, тщетно пытаясь вырвать у него изъ рукъ палку.

Эта ссора оказалась спасительной для насъ, такъ какъ въ разгаръ ея послышались новые звуки съ вершины холма, гдѣ была деревушка: это былъ топотъ скакавшихъ въ галопъ лошадей. И почти въ ту же секунду раздался выстрѣлъ изъ пистолета. Очевидно, это былъ сигналъ, дававшій знать о крайней опасности, такъ какъ разбойники бросились при его звукѣ въ разсыпную—кто по направленію къ морю, кто наперерѣзъ черезъ холмъ. Не прошло и полминуты, какъ ихъ и слѣдъ простылъ, и на дорогѣ остался одинъ Пью. Ужъ не знаю, былъ ли тутъ причиной паническій страхъ, или желаніе отомстить за брань и побои, но только они бросили слѣпого на произволъ судьбы. Оставшись одинъ, онъ пошелъ было за другими, нащупывая дорогу и взывая къ товарищамъ, но потомъ взялъ невѣрное направленіе и пробѣжалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, отчаянно крича:

— Джонни, Черный Песъ, Диркъ, вѣдь вы не захотите бросить вашего стараго Пью?! Не оставляйте старика Пью!

Въ это самое время топотъ лошадей раздался уже на вершинѣ холма. Въ лунномъ свѣтѣ показались четверо или пятеро всадниковъ, которые стали во весь опоръ спускаться подъ гору. Тогда Пью понялъ свою ошибку, съ крикомъ повернулъ назадъ, но набѣжалъ на канаву и свалился туда. Въ одну секунду онъ снова былъ на ногахъ и бросился, совершенно растерянный, прямо подъ лошадь передняго всадника.

Несмотря на усилія послѣдняго удержать свою лошадь, Пью былъ моментально смятъ и раздавленъ ею. Слѣпой перевернулся навзничь и остался неподвиженъ.

Я вскочилъ на ноги и окликнулъ всадниковъ. Они остановились, испуганные случившимся. Я сейчасъ же узналъ ихъ. Сзади ѣхалъ тотъ паренъ, который отправился изъ деревушки къ доктору Лайвесею, остальные принадлежали къ отряду таможенныхъ служащихъ, отправленному на контрабандистовъ и встрѣченному посланнымъ, который и вернулся съ ними назадъ. Слухи о какомъ-то подозрительномъ суднѣ уже дошли до надзирателя Дэнса, отчего и былъ отправленъ отрядъ, которому мы съ матерью обязаны были нашимъ спасеніемъ.

Пью оказался убитымъ на мѣстѣ. Что же касается моей матери, то отъ воды и нюхательной соли она скоро очнулась въ деревушкѣ, куда ее перенесли. Впрочемъ, оправившись отъ ужаса, она не переставала оплакивать потерю денегъ. Между тѣмъ таможенный надзиратель поспѣшилъ къ логовищу Китта. Но люди его должны были спѣшиваться съ лошадей и вести ихъ подъ уздцы, спускаясь по долинѣ, въ постоянномъ страхѣ, не ждетъ ли ихъ гдѣ-нибудь засада. Неудивительно поэтому, что когда они подошли къ логовищу Китта, люгеръ уже отчалилъ отъ берега, хотя былъ еще и близко отъ него. Надзиратель окликнулъ отъѣзжавшее судно. Въ отвѣтъ раздался съ судна голосъ, предупреждавшій его отойти въ тѣнь, если онъ не хочетъ, чтобы ему всадили пулю въ лобъ. Дѣйствительно, въ ту же секунду раздался выстрѣлъ,—и пуля просвистѣла около его плеча; люгеръ удвоилъ ходъ и скрылся изъ виду. По словамъ разсказывавшаго объ этомъ м-ра Дэнса, онъ стоялъ на берегу «точно рыба, выпутая изъ воды», и все, что онъ могъ сдѣ-

Пью былъ моментально смятъ...

лать,—это послать человѣка на ближайшую пристань, чтобы предупредить катеръ.

— Но это,—говорилъ онъ,—было все равно, что ничего не дѣлать, такъ какъ люгеръ, очевидно, успѣлъ убраться во-время. Единственно, что меня радуетъ, — прибавлялъ онъ, — это то, что мнѣ пришлось наступить на мозоли мистера Пью!

Говорилъ онъ это уже послѣ того, какъ слышалъ отъ меня всю исторію. Я вернулся вмѣстѣ съ нимъ въ «Адмирала Бен-

бой» и нашелъ тамъ, какъ вы можете себѣ представить, страшный хаосъ. Все было перерыто и валялось на полу, въ томъ числѣ и часы. Въ горячихъ поискахъ хозяевъ не пощадили ни одной вещи, и, хотя ничего не было взято, кромѣ мѣшка съ деньгами капитана и серебра изъ выручки, я сейчасъ же понялъ, что мы были разорены.

— Они взяли деньги, вы говорите? — спросилъ м-ръ Дэнсъ.—Чего же они тогда доискивались, Гаукинсъ? Хотѣли еще больше денегъ?

— Нѣтъ, сэръ, не денегъ, я думаю!—отвѣчалъ я.—Собственно, я полагаю, сэръ, что та вещь, которую они искали, находится у меня на груди, въ карманѣ. И, если сказать правду, я бы хотѣлъ положить ее въ безопасное мѣсто!

— Разумѣется, мальчикъ!—сказалъ онъ.—Это совершенно правильно. Я возьму ее, если вамъ угодно!

— Я думалъ, что, можетъ быть, докторъ Лайвесей...—началъ я.

— Совершенно вѣрно! — прервалъ онъ меня. — Онъ—джентльменъ и должностное лицо. И,—какъ теперь я думаю,—я тоже долженъ поѣхать къ нему, доложить о томъ, что произошло здѣсь, такъ какъ, что бы тамъ ни было, но мистеръ Пью умеръ. Я, собственно, не сожалѣю объ этомъ, но, видите ли, народъ можетъ обвинить въ этомъ отрядъ его величества. И вотъ, если хотите, Гаукинсъ, я возьму васъ съ собой!

Я отъ души поблагодарилъ его за это предложеніе, и мы вернулись вмѣстѣ въ деревушку, гдѣ были оставлены лошади; пока я разговаривалъ съ матерью о своихъ планахъ, отрядъ вскочилъ на лошадей.

— Доггеръ,—сказалъ м-ръ Дэнсъ,—у васъ добрый конь, возьмите этого малаго къ себѣ на сѣдло!

Какъ только я усѣлся позади Доггера и взялся за его поясъ, инспекторъ далъ приказъ трогаться, и отрядъ поскакалъ рысью по дорогѣ по направленію къ дому доктора Лайвесея.

VI. Бумаги капитана.

Мы ѣхали все время безъ отдыха, пока не очутились передъ жильемъ доктора Лайвесея. Весь фасадъ дома былъ совершенно темный.

М-ръ Дэнсъ сказалъ, чтобы я соскочилъ съ лошади и постучалъ въ дверь, а Доггеръ подставилъ мнѣ стремя, чтобы я спустился. Почти въ ту же минуту служанка отворила дверь.

— Дома докторъ Лайвесей?—спросилъ я.

Служанка отвѣчала, что его нѣтъ дома: онъ вернулся послѣ полдня домой, но потомъ опять ушелъ въ замокъ, чтобы пообѣдать и провести вечеръ со сквайромъ.

— Такъ ѣдемъ туда, мальчикъ!—сказалъ м-ръ Дэнсъ.

На этотъ разъ я уже не взлѣзалъ на лошадь, такъ какъ разстояніе было очень небольшое, а бѣжалъ, держась за ременное стремя Доггера, до воротъ парка, и затѣмъ по длинной безлистной аллеѣ, освѣщенной луной. Въ концѣ ея бѣлыми линіями выступили очертанія замка. Здѣсь м-ръ Дэнсъ слѣзъ съ лошади и направился вмѣстѣ со мной къ дому. Служанка повела насъ по крытой галлереѣ и указала въ концѣ ея на большую библіотеку, всю заставленную книжными шкафами, съ бюстами наверху. Здѣсь, около пылающаго камина, сидѣли сквайръ и докторъ Лайвесей, съ трубками въ рукахъ.

Я никогда не видалъ сквайра вблизи. Это былъ высокій человѣкъ, болѣе шести футовъ росту, широкоплечій, съ толстымъ, красноватымъ лицомъ, загрубѣвшимъ и покрывшимся морщинками отъ долгихъ путешествій. У него были густыя черныя брови, очень подвижныя, что заставляло предполагать не дурной, но живой и надменный характеръ.

— Входите, м-ръ Дэнсъ!—сказалъ онъ снисходительнымъ и высокомѣрнымъ тономъ.

— Добрый вечеръ, Дэнсъ!—проговорилъ докторъ, кивая головой.—Добрый вечеръ и тебѣ, другъ Джимъ! Какой счастливый вѣтеръ занесъ васъ сюда?

Надзиратель, вытянувшись въ струнку, передалъ все случившееся, точно урокъ. Посмотрѣли бы вы, какъ оба джентльмена нагнулись впередъ и переглядывались между собой и даже забыли курить, такъ они были поражены и заинтересованы! Когда они услыхали про то, какъ моя мать вернулась назадъ на постоялый дворъ, докторъ Лайвесей хлопнулъ себя по колѣну, а сквайръ закричалъ: «браво!» и разбилъ свою длинную трубку о каменную рѣшетку. Еще задолго до конца разсказа м-ръ Трелоней (такъ, если вы помните, звали сквайра) всталъ со стула и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ,

а докторъ, точно для того, чтобы лучше слышать, снялъ свой напудренный парикъ и выглядѣлъ очень странно со своими собственными, коротко подстриженными черными волосами.

Наконецъ, м-ръ Дэнсъ окончилъ повѣствованіе.

— М-ръ Дэнсъ,—произнесъ сквайръ,—вы благородный человѣкъ! Что же касается того, что вы переѣхали то страшное чудовище, то я смотрю на это, какъ на своего рода добродѣтель, сэръ: все равно, какъ если бы раздавить ногой таракана. Этотъ Гаукинсъ, какъ я вижу, очень догадливый малый. Гаукинсъ, не позвоните-ли вы въ этотъ колокольчикъ? М-ру Дэнсу надо предложить элю!

— Итакъ, Джимъ,—сказалъ докторъ,—та вещь, которую они вездѣ искали, у васъ?

— Она здѣсь, сэръ!—отвѣчалъ я, подавая ему свертокъ въ клеенкѣ.

Докторъ оглядѣлъ свертокъ со всѣхъ сторонъ, сгорая, повидимому, желаніемъ вскрыть его; но вмѣсто этого спокойно положилъ его въ карманъ своего сюртука.

— Сквайръ,—сказалъ онъ, — когда Дэнсъ получитъ свой эль, онъ долженъ будетъ, конечно, вернуться къ своимъ служебнымъ обязанностямъ. Но Джима Гаукинса я думаю оставить ночевать въ моемъ домѣ и, съ вашего позволенія, предлагаю дать ему холоднаго пирога на ужинъ!

— Какъ желаете, Лайвесей!—отвѣчалъ сквайръ.—Гаукинсъ заслужилъ и большаго, чѣмъ пирогъ!

Большой паштетъ изъ голубей былъ принесенъ и поставленъ на маленькій столъ, и я чудесно поужиналъ, такъ какъ былъ голоденъ, какъ волкъ. Въ это время м-ръ Дэнсъ, послѣ новыхъ комплиментовъ, былъ, наконецъ, отпущенъ.

— А теперь, сквайръ?—произнесъ докторъ.

— А теперь, Лайвесей?..—проговорилъ сквайръ въ томъ же тонѣ.

— Ну,—сказалъ Лайвесей,—слышали вы объ этомъ Флинтѣ, я полагаю?

— Слышалъ ли я о немъ! — вскричалъ сквайръ. — Слышалъ ли о немъ, говорите вы! Это былъ самый кровожадный изъ морскихъ разбойниковъ, какіе только плавали по морю. Испанцы были такъ запуганы имъ, что, говорю вамъ, я иногда гордился тѣмъ, что онъ англичанинъ. Я собственными глазами,

сэръ, видѣлъ его паруса около Тринидада, и трусливый капитанъ, съ которымъ я плавалъ, повернулъ назадъ, сэръ!

— Хорошо, я самъ слышалъ о немъ въ Англіи!—сказалъ докторъ.—Но дѣло въ томъ, были ли у него деньги?

— Деньги! — вскричалъ сквайръ. — Развѣ вы не слышали сегодняшней исторіи? Чего же искали эти негодяи, какъ не денегъ? Ради чего готовы они рисковать своей шкурой, какъ не ради денегъ?

— Это мы сейчасъ узнаемъ!—отвѣчалъ докторъ.—Но вы такая горячая голова и такъ забросали меня словами, что я не могу вставить ни одного своего. Вотъ что хотѣлъ бы я знать: предположимъ, что у меня тутъ, въ карманѣ, ключъ отъ запрятаннаго Флинтомъ сокровища; станетъ ли оно намъ отъ этого доступнѣе?

— Станетъ ли доступнѣе!—вскричалъ сквайръ.—Да если только мы будемъ имѣть этотъ ключъ, про который вы говорите, я снаряжаю изъ Бристоля корабль, беру съ собой васъ и Гаукинса и ужъ добуду эти сокровища, хотя бы пришлось искать цѣлый годъ!

— Отлично! — сказалъ докторъ.—Въ такомъ случаѣ, если только Джимъ ничего не имѣетъ противъ, мы вскроемъ пакетъ!

И онъ положилъ его передъ собой на столъ. Свертокъ былъ зашитъ нитками, такъ что доктору пришлось прибѣгнуть къ своему ящику съ инструментами, чтобы разрѣзать хирургическимъ ножичкомъ стежки. Въ сверткѣ оказалась книга и запечатанная бумага.

— Прежде всего посмотримъ книгу!—предложилъ докторъ.

Сквайръ и я наклонились надъ его плечомъ, въ то время какъ онъ раскрывалъ книгу. Докторъ Лайвесей еще раньше привѣтливо подозвалъ меня изъ-за столика у стѣны, гдѣ я ужиналъ, къ себѣ, чтобы принять участіе въ открытіи тайны. На первой страницѣ были всевозможныя надписи, отдѣльныя слова, точно кто-нибудь пробовалъ перо или упражнялся въ письмѣ. Здѣсь между прочимъ было, какъ и на рукѣ,—«Мечта Билли Бонса». Затѣмъ можно было прочесть: «М-ръ Б. Бонсъ, штурманъ».—«Не надо больше рому».—«Онъ получилъ это на высотѣ Пальми Ки». Было много и другихъ изреченій, частью непонятныхъ.

Я напрасно ломалъ себѣ голову, чтобы догадаться, кто это былъ «онъ», и что такое «это» онъ получилъ. Можетъ быть, ударъ ножомъ въ спину?

— Не скажу, чтобы здѣсь было много разъясненій!—проговорилъ докторъ Лайвесей, перевертывая эту страницу. Слѣдующія десять или двѣнадцать страницъ наполнены были любопытными столбцами записей. Въ началѣ строчки стояло число, а въ концѣ—денежный итогъ, какъ и во всякой счетной книгѣ, но въ промежуткѣ, вмѣсто объясненія, стояло только различное число крестиковъ. Такъ, напримѣръ, 12-го іюня 1745 года было помѣчено 70 фунтовъ, происхожденіе которыхъ объяснялось только шестью крестиками. Иногда, впрочемъ, стояло и названіе мѣста, или обозначеніе широты и долготы его, такъ, напр., 62°17'20" и 19°2'40". Такой реестръ тянулся болѣе, чѣмъ за двадцать лѣтъ, сумма отдѣльныхъ столбцовъ все росла съ теченіемъ времени и выросла въ концѣ концовъ въ огромный общій итогъ, переправленный разъ пять или шесть. Внизу было написано: «Кладъ Бонса».

— Не могу разобраться въ этомъ!—сказалъ Лайвесей.

— А между тѣмъ это ясно, какъ Божій день!—вскричалъ сквайръ. — Это счетная книга. Крестики замѣняютъ имена кораблей или городовъ, которые они потопили или ограбили. Выставленныя суммы обозначаютъ долю этого негодяя, а гдѣ онъ боялся неясности, тамъ прибавлялъ подробное названіе, какъ здѣсь, напр.: тутъ обозначенъ берегъ, около котораго погибло, очевидно, судно со всѣмъ экипажемъ.

— Это вѣрно,—замѣтилъ докторъ.—Вотъ, что значитъ быть путешественникомъ! Совершенно вѣрно! И суммы все растутъ, вы видите, по мѣрѣ того, какъ онъ поднимался въ гору!

Около нѣкоторыхъ названій мѣстностей стояли выноски, а въ концѣ книги таблица перевода французскихъ, англійскихъ и испанскихъ денегъ въ ходячую монету.

— Этотъ человѣкъ былъ не промахъ! — вскричалъ докторъ.—Вотъ кого нельзя было, вѣроятно, надуть!

— А теперь примемся за бумагу!—сказалъ сквайръ.

Бумага была запечатана въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ помощью наперстка, игравшаго роль печати,—быть можетъ, того самаго, который я нашелъ въ карманѣ у капитана. Докторъ съ величайшей осторожностью вскрылъ печати, и изъ бумаги вы-

— Не могу разобраться въ этомъ,—сказалъ Лайвесей.

пала карта острова съ обозначеніями широты и долготы мѣста, глубины моря, съ названіями мысовъ, бухтъ, заливовъ, вообще, здѣсь было все, что только могло понадобиться кораблю, который бы захотѣлъ попасть на берега этого острова. Онъ былъ около девяти миль въ длину и пяти въ ширину и походилъ по формѣ на толстаго дракона. На островѣ были двѣ прекрасныя гавани и гора по серединѣ, обозначенная именемъ «Подзор-

ной трубы». На картѣ были различныя добавленія, внесенныя позже. Но больше всего бросались въ глаза три крестика, сдѣланные красными чернилами, два на сѣверѣ и одинъ на юго-западѣ острова, и около послѣдняго мелкимъ, четкимъ почеркомъ, сильно отличавшимся отъ нетвердой руки капитана, была надпись: «Главная часть клада».

На оборотной сторонѣ той же рукой написано было:

«Высокое дерево на гребнѣ «Подзорной трубы», на немъ мѣтка къ С отъ ССВ.

«Островъ Скелета ВЮВ черезъ В.

«Десять футовъ.

«Серебро въ слиткахъ въ сѣверной ямѣ. Его можно найти, слѣдуя по восточной лѣсной заросли десять саженъ къ югу отъ черной скалы.

«Оружіе легко найти въ песчаномъ холмѣ, пунктъ С на сѣверномъ мысѣ, у пролива, направленіе на В и отчасти къ С.

Д. Ф.».

Это было все. Но, несмотря на свою краткость и туманность, какъ мнѣ показалось, это привело сквайра и доктора Лайвесея въ восторгъ.

— Лайвесей,—сказалъ сквайръ,—вы сейчасъ же передадите вашу несчастную практику. Завтра я ѣду въ Бристоль. Черезъ три недѣли, или двѣ недѣли, или десять дней, у насъ будетъ самый лучшій корабль, сэръ, и лучшая команда въ Англіи. Гаукинсъ отправится въ качествѣ юнги. Вы сдѣлаетесь знаменитымъ юнгой, Гаукинсъ! Вы, Лайвесей, будете докторомъ на суднѣ, а я буду адмираломъ. Мы возьмемъ Редрута, Джойса и Гунтера. При благопріятномъ вѣтрѣ мы живо будемъ подвигаться впередъ и безъ труда отыщемъ то, что намъ надо; тогда у насъ будутъ деньги не только для пропитанія, но и для того, чтобы сорить ими, сколько угодно!

— Трелоней,—сказалъ докторъ,—я поѣду съ вами. Но есть одинъ человѣкъ, который внушаетъ мнѣ опасеніе!

— Кто же это такой?—вскричалъ сквайръ.—Назовите мнѣ эту собаку, сэръ!

— Этотъ человѣкъ — вы, — отвѣчалъ докторъ,—такъ какъ вы не умѣете держать языкъ на привязи. Мы не одни знаемъ объ этой бумагѣ. Тѣ молодцы, которые дѣлали сегодня нападеніе на постоялый дворъ, очевидно, отчаянные и нахальные не-

годяи, а также и тѣ, которые оставались на люгерѣ, всѣ они такъ или иначе имѣютъ отношеніе къ этимъ деньгамъ. Поэтому никто изъ насъ не долженъ показываться на улицѣ въ одиночку, пока мы не будемъ на морѣ. Джимъ и я—мы будемъ держаться вмѣстѣ, а вы возьмете Джойса и Гунтера, когда отправитесь въ Бристоль. И—самое главное—ни одинъ изъ насъ не долженъ промолвить ни словечка о нашей находкѣ!

— Лайвесей,—сказалъ сквайръ,—вы всегда правы. Я буду нѣмъ, какъ могила!

ЧАСТЬ II.

СУДОВЫЙ ПОВАРЪ.

VII. Я ѣду въ Бристоль.

Прошло больше времени, чѣмъ предполагалъ сквайръ, прежде чѣмъ могло состояться наше путешествіе. Кромѣ того, планъ доктора относительно того, чтобы я ѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ, не удался: онъ долженъ былъ ѣхать въ Лондонъ искать себѣ замѣстителя врача, которому бы могъ передать свою медицинскую практику. У сквайра было много дѣла въ Бристолѣ, и я былъ оставленъ въ замкѣ на попеченіе старика Редрута, доѣзжачаго. Я жилъ настоящимъ отшельникомъ и только и бредилъ о морѣ, морскихъ приключеніяхъ и загадочныхъ островахъ, полныхъ таинственной прелести. Цѣлыми часами просиживалъ я, наклонившись надъ картой, которую скоро изучилъ во всѣхъ подробностяхъ. Сидя около огня въ комнатѣ экономки, я мысленно представлялъ себѣ, что подплываю къ острову; въ моемъ воображеніи я изслѣдовалъ каждый акръ его земли, влѣзалъ тысячу разъ на ту высокую гору, которая называлась «Подзорной трубой», и любовался съ ея вершины все новыми, чудесными видами. Иногда на насъ нападали дикари, отъ которыхъ мы должны были отбиваться, или насъ преслѣдовали дикіе звѣри. Но, какъ я увидѣлъ послѣ, всѣ эти воображаемыя опасности и приключенія были пустяками въ сравненіи съ тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ случилось съ нами на этомъ островѣ.

Такъ проходила одна недѣля за другой, пока въ одинъ прекрасный день не пришло письмо, адресованное на имя д-ра

Лайвесея. Внизу на конвертѣ стояло: «Въ случаѣ его отсутствія можетъ быть вскрыто Томомъ Редрутомъ или молодымъ Гаукинсомъ».

Распечатавъ конвертъ, мы прочли (или вѣрнѣе я прочелъ, такъ какъ доѣзжачій умѣлъ разбирать только печатныя буквы) слѣдующія важныя новости:

Гостиница «Стараго Якоря», Бристоль,

1-го марта 17...

Дорогой Лайвесей, не зная, гдѣ вы теперь находитесь—въ замкѣ или еще въ Лондонѣ—я пишу одновременно въ оба эти мѣста. Корабль пріобрѣтенъ, снаряженъ и стоитъ на якорѣ, готовый къ отплытію. Нельзя и представить себѣ болѣе прелестнаго судна; управлять имъ могъ бы ребенокъ. Вмѣстимость — 200 тоннъ, имя — «Испаньола». Я купилъ его черезъ моего стариннаго пріятеля Блэндли, который выказалъ при этомъ посредничествѣ свою удивительную изобрѣтательность и ловкость. Онъ работалъ буквально, какъ волъ, дѣйствуя только въ моихъ интересахъ, какъ, впрочемъ, дѣлаютъ въ Бристолѣ всѣ, кто только узнаетъ о цѣли нашего плаванія и о томъ кладѣ, который мы собираемся отыскивать».

— Редрутъ,—сказалъ я, прерывая чтеніе,—а вѣдь доктору Лайвесею не понравится то, что сквайръ болтаетъ вездѣ объ этомъ кладѣ!

— А почему бы ему и не болтать?—проворчалъ доѣзжачій.—Какъ знать, кто изъ нихъ поступаетъ лучше?

Послѣ этого замѣчанія я сталъ читать уже безъ остановокъ:

«Блэндли самъ разыскалъ «Испаньолу» и сосваталъ ее мнѣ за чистѣйшій пустякъ. Но въ Бристолѣ многіе предубѣждены почему-то противъ Блэндли; увѣряютъ даже, будто этотъ честнѣйшій малый сдѣлалъ все это изъ корысти и перепродалъ мнѣ принадлежавшую ему «Испаньолу» за страшно высокую цѣну. Но это ужъ слишкомъ очевидная клевета. Всѣ эти слухи не могутъ, конечно, умалить достоинствъ корабля. Остальное все идетъ, какъ слѣдуетъ. Правда, рабочіе на суднѣ дѣлали свое дѣло очень медленно, но теперь все это уже кончено. Что меня безпокоило—такъ это наборъ экипажа. Я хотѣлъ, чтобы было не меньше двадцати человѣкъ—на случай дикарей, разбойниковъ, проклятыхъ французовъ. Съ невѣроятнымъ трудомъ уда-

лось мнѣ, наконецъ, набрать полдюжины, но затѣмъ милостивая судьба послала мнѣ какъ разъ такого человѣка, котораго мнѣ было надо. Насъ свелъ съ нимъ чистый случай: разговорившись съ нимъ какъ-то на докахъ, я узналъ, что онъ старый морякъ, держитъ гостиницу для матросовъ и знаетъ ихъ всѣхъ до одного въ Бристолѣ. Онъ сказалъ мнѣ также, что здоровье его стало плохо съ тѣхъ поръ, какъ онъ живетъ на берегу, и что онъ желалъ бы отправиться въ плаваніе въ качествѣ корабельнаго повара; на докъ онъ пришелъ для того только, чтобы подышать морскимъ соленымъ воздухомъ. Я былъ тронутъ его разсказомъ—это, навѣрное, подѣйствовало бы точно также и на васъ — и тутъ же, изъ состраданія, нанялъ его къ намъ на судно поваромъ. Его зовутъ Долговязымъ Джономъ Сильверомъ, и у него нѣтъ одной ноги; но послѣднее можетъ служить ему только прекрасной рекомендаціей, такъ какъ онъ потерялъ ногу, сражаясь за родину, подъ начальствомъ знаменитаго Гока. И онъ не получаетъ пенсіи, Лайвесей! Представить себѣ только, какое ужасное время мы переживаемъ! Судьба, видимо, благопріятствовала мнѣ: найдя повара, я тѣмъ самымъ обезпечилъ себя и весь экипажъ, такъ какъ мы съ Сильверомъ, шутя, набрали въ нѣсколько дней цѣлую компанію истыхъ матросовъ,— правда, не очень-то привлекательныхъ на видъ, но зато отчаянныхъ смѣльчаковъ, такъ что намъ нечего бояться никакихъ нападеній. Джонъ посовѣтовалъ мнѣ даже отпустить двухъ изъ тѣхъ шести матросовъ, которыхъ я набралъ раньше: онъ моментально доказалъ мнѣ, что они не годятся для моря и будутъ только тормозить дѣло. Я чувствую себя прекрасно, ѣмъ за четверыхъ, сплю, какъ убитый, но все же не могу дождаться той минуты, когда буду на морѣ. Скорѣе бы отплыть! Я только и брежу моремъ и морскими приключеніями! Не мѣшкайте, Лайвесей, не теряйте ни одного часа, если вамъ дорого мое спокойствіе! Отпустите молодого Гаукинса повидаться съ его матерью; пускай Редрутъ сопровождаетъ его. А затѣмъ, пріѣзжайте немедля въ Бристоль.

Джонъ Трелоней.

PS. Я еще не сказалъ вамъ, что Блэндли (кстати, онъ собирается отправить вслѣдъ за нами судно, если мы не вернемся къ концу августа) нашелъ отличнаго боцмана—правда, нѣсколько несговорчиваго, о чемъ я очень сожалѣю, но въ

остальныхъ отношеніяхъ настоящій кладъ. А Джонъ Сильверъ рекомендовалъ знающаго штурмана, по имени Арро. Наконецъ, у меня есть еще боцманъ, который играетъ на рожкѣ. Итакъ, на нашей «Испаньолѣ» все будетъ какъ на военномъ суднѣ. Я забылъ сказать вамъ, что Сильверъ — человѣкъ со средствами: я узналъ, что у него текущій счетъ въ банкѣ. Жена его остается хозяйничать въ гостиницѣ; она не бѣлой расы, такъ что намъ съ вами ясно, что не одно здоровье побуждаетъ Сильвера пускаться въ морское путешествіе. Дж. Т.

PS. Гаукинсъ можетъ остаться на одну ночь у своей матери. Дж. Т.»

Можете себѣ представить, въ какое волненіе я пришелъ послѣ этого письма. Я совсѣмъ потерялъ голову отъ радости. Если я кого-нибудь ненавидѣлъ въ моей жизни, такъ это стараго Тома Редрута, который только и умѣлъ ворчать и жаловаться на судьбу. Многіе изъ помощниковъ его охотно помѣнялись бы съ нимъ ролями, но желаніе сквайра было для всѣхъ закономъ, а сквайръ хотѣлъ, чтобы меня сопровождалъ Редрутъ. Никому другому не позволялось ворчать постоянно, кромѣ Редрута.

На слѣдующее утро мы отправились съ нимъ въ «Адмирала Бенбоу». Я нашелъ свою мать здоровой и довольной: со смертью капитана кончились ея заботы и непріятности, которыя онъ такъ долго причинялъ ей. Сквайръ велѣлъ исправить въ домѣ всѣ изъяны, выкрасить заново комнаты и вывѣску и прибавить кое-что изъ мебели; въ буфетѣ, между прочимъ, появилось прекрасное кресло, на которомъ могла отдыхать моя мать. Онъ отыскалъ и мальчика, который бы могъ помогать ей въ мое отсутствіе. При видѣ послѣдняго я въ первый разъ понялъ мое положеніе: до сихъ поръ я думалъ только о тѣхъ приключеніяхъ, какія ожидали меня впереди, и совсѣмъ забылъ про свой домъ, который долженъ былъ оставить надолго. Но когда я увидѣлъ этого чужого мальчика, который долженъ былъ замѣнить мое мѣсто около матери, я въ первый разъ залился слезами. Боюсь, что онъ обязанъ мнѣ тяжелыми минутами своей жизни: я видѣлъ промахи, которые онъ дѣлалъ по неопытности, и имѣлъ тысячу случаевъ наставить его на путь истины, но не пользовался ими.

Прошла ночь, и на слѣдующій день, въ послѣобѣденное

время, мы съ Редрутомъ уже снова отправились въ путь. Я попрощался съ матерью и съ заливомъ, на берегу котораго жилъ съ самаго рожденія, и съ милой старой гостиницей «Адмиралъ Бенбоу», которая, впрочемъ, стала мнѣ немного чуждой съ тѣхъ поръ, какъ ее выкрасили въ новую краску. Вспомнился мнѣ и капитанъ, какъ онъ разгуливалъ по берегу въ своей шляпѣ на бекрень, со шрамомъ на щекѣ и старой мѣдной подзорной трубой. Но черезъ минуту мы свернули за уголъ, и мой домъ скрылся изъ виду.

Подъ вечеръ мы сѣли въ почтовую карету. Меня втиснули между Редрутомъ и какимъ-то толстымъ старымъ джентльменомъ, и я, несмотря на быструю ѣзду и холодный ночной воздухъ, проспалъ, какъ барсукъ, всѣ станціи. Когда я, наконецъ, проснулся отъ сильнаго толчка и открылъ глаза, то увидѣлъ, что почтовая карета стоитъ передъ большимъ домомъ на городской улицѣ, и что уже давно разсвѣло.

— Куда мы пріѣхали?—спросилъ я.

— Въ Бристоль,—сказалъ Томъ.—Надо слѣзать!

М-ръ Трелоней остановился въ гостиницѣ около доковъ, чтобы наблюдать за работами на его суднѣ. Поэтому намъ пришлось сдѣлать пѣшкомъ порядочный конецъ, но дорога, къ моему величайшему удовольствію, шла по набережной, мимо массы всевозможныхъ кораблей всѣхъ націй. На одномъ суднѣ матросы пѣли за работой, на другомъ раскачивались высоко надъ моей головой на канатахъ, которые казались издали не толще паутинки. Хотя я всю жизнь провелъ на берегу моря, но мнѣ казалось, точно теперь я вижу море въ первый разъ. Въ соленомъ воздухѣ стоялъ запахъ дегтя. Кругомъ виднѣлись старые матросы, побывавшіе въ разныхъ моряхъ; въ ушахъ у нихъ были серьги, и они прогуливались особой походкой, хвастливо раскачиваясь на ходу. Я такъ восхищался ихъ видомъ, точно это были какіе-нибудь принцы чистѣйшей крови. И мнѣ предстояло самому пуститься въ море на шкунѣ, съ боцманомъ, который игралъ на рожкѣ, и съ матросами; затѣмъ отправиться на таинственный островъ, чтобы отыскать погребенныя на немъ сокровища!

Я еще весь былъ погруженъ въ эти сладостныя мечты, когда мы очутились передъ большой гостиницей и встрѣтились лицомъ къ лицу со сквайромъ Трелонеемъ, одѣтымъ въ широкое

синее платье морского офицера. Онъ выходилъ изъ двери съ улыбкой на лицѣ и раскачивался изъ стороны въ сторону, подражая походкѣ матросовъ.

— А, это вы! — вскричалъ онъ. — Докторъ уже пріѣхалъ сюда прошлою ночью прямо изъ Лондона. Ура! Теперь вся корабельная компанія въ сборѣ!

— О, сэръ,—вскричалъ я,—когда же мы выѣзжаемъ?

— Завтра мы отправимся въ путь!—сказалъ онъ.

VIII. Подъ вывѣской «Подзорная труба».

Когда я покончилъ съ завтракомъ, сквайръ далъ мнѣ письмо къ Джону Сильверу, въ гостиницу «Подзорная труба». Онъ сказалъ, что я легко найду ее, если буду все время держаться доковъ. Я съ радостью взялся исполнить это порученіе, такъ какъ это былъ новый случай поглядѣть на корабли и матросовъ, и пробирался сквозь толпу народа, толкавшагося на докахъ, пока не увидѣлъ таверну съ мѣдной подзорной трубой вмѣсто вывѣски. Въ большой низкой комнатѣ, въ которую я вошелъ, было довольно свѣтло, несмотря на клубы табачнаго дыма, такъ какъ двѣ двери, выходившія въ разныя стороны, были отворены настежь. На окнахъ висѣли чистыя красныя занавѣсочки, а полъ былъ усыпанъ свѣжимъ пескомъ. Посѣтители были по большей части матросы и такъ громко говорили всѣ разомъ, что я испуганно остановился въ дверяхъ, не рѣшаясь войти. Въ это время изъ боковой комнаты вышелъ человѣкъ, въ которомъ я сейчасъ же узналъ Долговязаго Джона. Вся лѣвая нога его была отнята, и подъ лѣвой рукой былъ костыль, которымъ онъ управлялъ съ удивительной ловкостью, подпрыгивая на ходу, точно птица. Онъ былъ высокъ ростомъ и широкоплечъ, съ лицомъ, большимъ, какъ окорокъ ветчины, и съ маленькими сверкающими глазами, похожими на осколки стекла. Казалось, онъ находился въ самомъ веселомъ настроеніи духа и насвистывалъ, передвигаясь между столами и похлопывая по плечу или перекидываясь веселымъ словечкомъ съ тѣми изъ посѣтителей, которые пользовались особеннымъ его расположеніемъ. Правду сказать, когда я прочелъ въ письмѣ сквайра Трелонея о Длинномъ Джонѣ, у меня мелькнула въ головѣ мысль, не тотъ ли это матросъ съ одной ногой, котораго я такъ долго ждалъ въ «Адмиралѣ Бенбоу». Но первый же

взглядъ на этого человѣка разсѣялъ всѣ мои опасенія. Судя по капитану, Черному Псу и слѣпому Пью, я думалъ, что уже составилъ себѣ понятіе о томъ, какъ долженъ выглядѣть морской разбойникъ, а пріятное и веселое лицо трактирщика совсѣмъ не походило на этотъ типъ людей.

Я набрался, наконецъ, храбрости и, перейдя черезъ всю комнату, прямо подошелъ къ нему.

— Вы м-ръ Сильверъ, сэръ?—спросилъ я, протягивая ему письмо.

— Да, мальчикъ,—отвѣчалъ онъ,—такъ меня зовутъ, это правда. А вы кто же такой?

Но, увидѣвъ письмо отъ сквайра, онъ перемѣнилъ тонъ.

— О,—вскричалъ онъ громко, протягивая мнѣ руку,—вы—нашъ новый юнга. Очень радъ васъ видѣть!

И онъ взялъ мою руку въ свою огромную ладонь.

Въ ту же секунду одинъ изъ посѣтителей таверны, сидѣвшій въ противоположномъ концѣ комнаты, моментально вскочилъ и бросился къ двери. Быстрота, съ которой онъ исчезъ на улицу, привлекла къ нему мое вниманіе, и я тотчасъ же узналъ его: это былъ тотъ человѣкъ съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица и безъ двухъ пальцевъ на рукѣ, который приходилъ въ «Адмирала Бенбоу».

— О,—вскричалъ я,—остановите его! Это—Черный Песъ!

— Мнѣ все равно, кто бы онъ ни былъ,—сказалъ Сильверъ,—но онъ не заплатилъ мнѣ, что слѣдуетъ. Гарри, бѣги за нимъ въ догонку!

Одинъ изъ сидѣвшихъ ближе къ двери всталъ и бросился за бѣглецомъ.

— Будь онъ самъ адмиралъ Гокъ, и тогда я спросилъ бы съ него деньги!—кричалъ Сильверъ.

— Какъ его зовутъ, вы сказали?—спросилъ онъ, беря меня за руку.—Черный?..

— Черный Песъ, сэръ,—отвѣчалъ я.—Развѣ м-ръ Трелоней не говорилъ вамъ про пиратовъ? Это одинъ изъ нихъ!

— Въ самомъ дѣлѣ?—вскричалъ Сильверъ.—И въ моемъ домѣ! Бенъ, бѣги и помоги Гарри догнать его. Такъ это одинъ изъ этихъ негодяевъ? Что вы тамъ пили съ нимъ, Морганъ? Подойдите-ка сюда!

Человѣкъ, котораго онъ назвалъ Морганомъ, высокій сѣдой

матросъ съ лицомъ, точно изъ краснаго дерева, подошелъ ближе характерной морской походкой, пережевывая свой табакъ.

— Ну, Морганъ, — сказалъ Сильверъ строго, — видали вы когда-нибудь прежде этого Чернаго... Чернаго Пса?

— Никогда, сэръ!—отвѣчалъ Морганъ, кланяясь.

— Знали вы, какъ его зовутъ?

— Нѣтъ, сэръ!

— И это ваше счастье, Томъ Морганъ!—воскликнулъ хозяинъ.—Если бы вы знались съ подобными людьми, ваша нога не была бы въ моемъ домѣ, можете быть увѣрены въ этомъ. А что онъ говорилъ вамъ?

— Не знаю хорошенько, сэръ!—отвѣчалъ Морганъ.

— И вы можете называть послѣ этого головой то, что у васъ сидитъ на плечахъ?—кричалъ Джонъ.—Не знаете хорошенько! Можетъ, вы лучше знаете, о чемъ вы съ нимъ толковали? Ну-ка, выкладывайте живѣе, о чемъ онъ вамъ болталъ— о путешествіяхъ, корабляхъ?

— Мы говорили о тягѣ снастей!—отвѣчалъ Морганъ.

— О тягѣ снастей? Подходящее для васъ занятіе. Ну, отправляйся на свое мѣсто, Томъ!

Когда Морганъ вернулся къ своему столу, Сильверъ откровенно шепнулъ мнѣ, что показалось мнѣ очень лестнымъ.

— Честнѣйшій малый, этотъ Томъ Морганъ, хотя страшно глупъ! А теперь,—продолжалъ онъ громко,—я хочу припомнить, кто такой этотъ Черный Песъ! Нѣтъ, имя его мнѣ незнакомо, хотя я и видалъ его. Да, еще онъ обыкновенно приходилъ со слѣпымъ нищимъ.

— Тогда это навѣрное онъ!—сказалъ я.—И я зналъ этого слѣпого. Его звали Пью!

— Онъ самый!—возбужденно вскричалъ Сильверъ.—Имя его было Пью. О, онъ выглядѣлъ чистымъ мошенникомъ! Если бы намъ удалось поймать этого Чернаго Пса, то это были бы славныя новости для Трелонея! Бенъ отлично бѣгаетъ: мало кто изъ матросовъ можетъ сравняться съ нимъ въ быстротѣ ногъ. Онъ навѣрное догонитъ его.

Говоря это, онъ все время перебѣгалъ на своемъ костылѣ изъ одного конца комнаты на другой, стучалъ рукой по столу и выказывалъ сильнѣйшее возбужденіе. Но мои старыя подозрѣнія снова проснулись послѣ того, какъ я нашелъ Чернаго

Пса въ тавернѣ «Подзорной трубы», и я сталъ внимательнѣе приглядываться къ нашему будущему повару. Однако, онъ былъ слишкомъ непроницаемъ и хитеръ для меня.

Тѣмъ временемъ вернулись тѣ двое, которые посланы были въ догонку за бѣглецомъ, и, запыхавшись, доложили, что потеряли его изъ виду въ толпѣ народа.

— Не легко это для меня, Гаукинсъ, — сказалъ Длинный Джонъ такимъ тономъ, что я готовъ былъ бы поручиться за его невинность;—что подумаетъ обо мнѣ капитанъ Трелоней? Этотъ проклятый мошенникъ сидѣлъ тутъ, въ моей тавернѣ пилъ мой ромъ! И я далъ ему улизнуть отъ насъ! Придется вамъ оправдывать меня въ глазахъ Трелонея. Хотя вы и мальчикъ, Гаукинсъ, но стоите взрослаго!

Вдругъ онъ остановился и потомъ вскрикнулъ, точно только теперь вспомнивъ что-то:

— А деньги-то! Три кружки рому! Ахъ, чортъ возьми, какъ онъ ловко это сдѣлалъ! Славную штуку сыгралъ онъ со мной!

И, упавъ на скамью, онъ принялся неудержимо хохотать, пока изъ глазъ его не полились слезы. Это было такъ заразительно, что и я тоже захохоталъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Вотъ какимъ теленкомъ оказался я, старый морякъ!— проговорилъ онъ, наконецъ, вытирая глаза.—А теперь, Гаукинсъ, идемте отсюда! Что сдѣлано, того не воротишь! Я только надѣну свою шляпу, и мы отправимся къ капитану Трелонею, чтобы донести ему о случившемся. Вѣдь, это очень важно, Гаукинсъ, и никогда не надо терять своего, какъ бы мало оно ни было. Славно надулъ онъ меня!

И онъ снова началъ хохотать и такъ искренно, что я не могъ не вторить ему.

Пока мы шли съ нимъ по набережной, онъ разсказывалъ мнѣ про разные корабли, мимо которыхъ мы проходили, говорилъ, во сколько они тоннъ, какой національности принадлежатъ; объяснялъ работы, которыя производились на судахъ— какъ одно судно разгружалось, другое нагружалось, третье готовилось уже къ отплытію въ море. Въ свои разсказы и поясненія онъ вставлялъ мѣстами анекдоты изъ морской жизни или нѣсколько разъ повторялъ морскія выраженія и словечки, такъ что я легко запомнилъ ихъ. Словомъ, я могъ вполнѣ оцѣнить его, какъ прекраснаго корабельнаго товарища.

Когда мы прошли въ гостиницу, сквайръ и д-ръ Лайвесей сидѣли за столомъ, оканчивая кварту эля и заѣдая его поджаренными ломтиками хлѣба, прежде чѣмъ отправиться осматривать шкуну. Долговязый Джонъ разсказалъ о случившемся въ тавернѣ очень толково и нисколько не исказивъ истины.

— Такъ вѣдь это было, Гаукинсъ, не правда ли?—спрашивалъ онъ меня то и дѣло, и я всегда подтверждалъ его слова. Оба джентльмена очень сожалѣли, что Черный Песъ успѣлъ скрыться; но мы всѣ были того мнѣнія, что этому горю нельзя было помочь, и Джонъ, взявъ свой костыль, отправился, наконецъ, къ себѣ.

— Весь экипажъ долженъ быть завтра къ четыремъ часамъ пополудни на суднѣ!—крикнулъ ему вслѣдъ сквайръ.

— Будетъ исполнено, сэръ!—отвѣтилъ поваръ.

— Откровенно говоря, сквайръ,—сказалъ докторъ,—я многаго не одобряю въ вашихъ находкахъ, но долженъ сознаться, что Джонъ Сильверъ мнѣ нравится!

— Это—чудесный малый!—замѣтилъ сквайръ.

— А теперь,—сказалъ докторъ,—можетъ быть, Джимъ отправится вмѣстѣ съ нами на шкуну, не правда ли?

— Разумѣется, — отвѣчалъ сквайръ. — Бери свою шляпу, Гаукинсъ, и идемте смотрѣть нашъ корабль!

IX. Порохъ и оружіе.

«Испаньола» стояла недалеко отъ берега, и мы скоро добрались до нея въ лодкѣ, лавируя между судами, канаты которыхъ скрипѣли по временамъ подъ нашимъ рулемъ, или раскачивались надъ нашими головами. Насъ встрѣтилъ штурманъ, м-ръ Арро, загорѣлый старый морякъ, съ косыми глазами и серьгами въ ушахъ. Между нимъ и сквайромъ были, очевидно, близкія и дружескія отношенія. Далеко не такъ благополучно обстояли дѣла капитана, какъ я скоро убѣдился. Послѣдній обладалъ проницательнымъ взглядомъ и, казалось, былъ раздраженъ всѣмъ на кораблѣ. Причину этого мы скоро узнали, такъ какъ, едва вошли мы въ каюту, явился туда матросъ и сказалъ:

— Сэръ, капитанъ Смоллетъ желаетъ говорить съ вами!

— Я всегда готовъ его слушать. Введи его сюда! — сказалъ сквайръ.

Капитанъ вышелъ вслѣдъ за матросомъ и плотно заперъ за собой дверь.

— Ну, капитанъ Смоллетъ, что вы имѣете сказать мнѣ? Надѣюсь, что все обстоитъ благополучно на шкунѣ?

— Я полагаю, сэръ,—сказалъ капитанъ,—что всегда лучше говорить откровенно, даже рискуя обидѣть другого. Мнѣ не по душѣ ваша экспедиція и не нравятся матросы, а также мой помощникъ!

— Можетъ быть, сэръ, вамъ не нравится и шкуна?—раздраженно спросилъ сквайръ.

— Я не могу судить о ней раньше, чѣмъ увижу ее въ плаваніи!—спокойно отвѣтилъ капитанъ.—Повидимому, она недурно сдѣлана; вотъ все, что я могу сказать о ней!

— Возможно, сэръ, что вы не одобряете и самого хозяина шкуны?—освѣдомился сквайръ.

Но тутъ вмѣшался уже докторъ.

— Довольно!—сказалъ онъ.—Не надо затрагивать вопросовъ, которые оставляютъ послѣ себя только чувство горечи. Капитанъ и то уже сказалъ слишкомъ много, или же, напротивъ, слишкомъ мало, и я имѣю право спросить у него объясненія его словъ. Вы говорите, что вамъ не нравится наша экспедиція; могу я узнать, почему?

— Меня приглашали, сэръ, вести шкуну туда, куда прикажетъ этотъ джентльменъ, и не называли цѣли путешествія!—отвѣчалъ капитанъ.—Прекрасно! Теперь же я вижу, что послѣдній матросъ на суднѣ знаетъ въ этомъ отношеніи больше моего. Находите ли вы такой поступокъ красивымъ по отношенію ко мнѣ?

— Конечно, нѣтъ!—замѣтилъ д-ръ Лайвесей.

— Я узнаю,—продолжалъ капитанъ судна,—что мы отправляемся искать кладъ, узнаю это, замѣтьте, отъ своихъ подчиненныхъ. Такого рода путешествія вообще не по моей части, и я не чувствую къ нимъ склонности. Но особенно не по душѣ мнѣ то, что объ этомъ болтаютъ всѣ, даже попугай!

— Попугай Сильвера?—спросилъ сквайръ.

— Да!—сказалъ капитанъ.—И я полагаю, что вы не подозрѣваете многаго изъ того, что васъ окружаетъ. Я обязанъ

предупредить васъ, что вы рискуете своей жизнью, пускаясь въ такое плаванье!

— Совершенно вѣрно!—замѣтилъ докторъ Лайвесей.—И, увѣряю васъ, что мы и сами знаемъ о томъ рискѣ, которому подвергаемъ себя. Вы сказали, кромѣ того, что вамъ не нравится набранный экипажъ. Развѣ матросы оказались такъ ужъ плохи?

— Они не нравятся мнѣ!—сказалъ капитанъ.—И, ужъ если говорить все на чистоту, я полагаю, что наборъ экипажа слѣдовало бы предоставить мнѣ!

— Можетъ быть, вы и правы! — согласился докторъ.— Моему товарищу слѣдовало бы спросить въ этомъ дѣлѣ и вашего совѣта. Но, во всякомъ случаѣ, тутъ не было намѣреннаго пренебреженія къ вамъ. Кромѣ того, вы не одобряете и м-ра Арро?

— Совершенно вѣрно, сэръ! Я убѣжденъ, что онъ хорошій морякъ, но онъ слишкомъ свободно держитъ себя съ командой, чтобы быть хорошимъ штурманомъ. Штурманъ не долженъ пить вмѣстѣ со своими подчиненными!

— Развѣ вы полагаете, что онъ пьетъ? — вскричалъ сквайръ.

— Нѣтъ, сэръ! — отвѣтилъ капитанъ. — Я говорю только, что онъ слишкомъ фамильяренъ съ матросами!

— Какіе же выводы хотите вы сдѣлать изъ всего этого, капитанъ?—спросилъ докторъ.—Изложите намъ все, чего вы желаете!

— Хорошо, джентльмены! Окончательно вы рѣшили отправиться въ вашу экскурсію?

— Мы рѣшили это безповоротно!—отвѣтилъ сквайръ.

— Прекрасно!—продолжалъ капитанъ.—Въ такомъ случаѣ, если ужъ вы имѣли терпѣніе слушать до сихъ поръ мои слова, которыхъ я не могъ не сказать, то выслушайте меня и дальше. Вы помѣстили порохъ и оружіе въ носовую часть судна, а между тѣмъ есть прекрасное мѣсто для этого подъ каютой. Почему бы не положить ихъ туда? Это первый пунктъ. Затѣмъ, у васъ есть четверо матросовъ, которыхъ вы знаете уже давно, и вы хотите поселить ихъ вмѣстѣ съ прочими въ переднюю часть шкуны; почему не устроить ихъ около каюты? Это—второй пунктъ!

— Есть у васъ и еще другіе пункты?—освѣдомился м-ръ Трелоней.

— Еще только одинъ,—сказалъ капитанъ.—Здѣсь очень много болтаютъ о всемъ!

— Даже слишкомъ много!—согласился докторъ.

— Я разскажу вамъ о томъ, что слышалъ собственными ушами!—продолжалъ капитанъ.—Говорятъ, что у васъ имѣется карта какого-то острова, и что на ней крестиками обозначено мѣсто клада, и что островъ этотъ лежитъ...

Тутъ онъ точно указалъ широту и долготу острова.

— Я не говорилъ объ этомъ ни одной живой душѣ!—вскричалъ сквайръ.

— Люди экипажа знаютъ объ этомъ, сэръ! — сказалъ капитанъ.

— Лайвесей, это, навѣрное, вы разболтали объ этомъ, или Гаукинсъ!—закричалъ сквайръ.

— Не въ томъ дѣло, кто бъ могъ открыть эту тайну!—сказалъ докторъ.

Я видѣлъ, что ни докторъ, ни капитанъ не придаютъ большого значенія увѣреніямъ сквайра, будто онъ не говорилъ объ островѣ: онъ былъ извѣстный болтунъ. Но, несмотря на это, мнѣ казалось, что сквайръ на этотъ разъ былъ правъ, и что никто изъ насъ не говорилъ о томъ, гдѣ находится островъ.

— Хорошо, джентльмены,—продолжалъ капитанъ,—во всякомъ случаѣ, я требую, чтобы оффиціально не говорили объ этой картѣ ни мнѣ, ни м-ру Арро. Въ противномъ случаѣ, я принужденъ буду просить объ увольненіи меня отъ должности!

— Я вижу,—замѣтилъ докторъ,—что вы желаете помѣстить въ кормовой части судна слугъ моего друга и снабдить ихъ оружіемъ. Другими словами, вы опасаетесь бунта матросовъ!

— Сэръ,—началъ капитанъ Смоллетъ,—прошу извиненія, но я не желаю, чтобы моимъ словамъ придавали невѣрный смыслъ. Тотъ капитанъ, сэръ, который отправляется въ плаваніе, не принявъ всѣхъ мѣръ предосторожности, не заслуживаетъ оправданія. Что касается до м-ра Арро, то я считаю его безусловно честнымъ человѣкомъ; то же самое я могу сказать и про нѣкоторыхъ изъ команды. Но я отвѣчаю за безопасность судна и за жизнь каждаго человѣка на немъ. Я вижу, съ другой сто-

роны, что дѣла обстоятъ не такъ хорошо, какъ бы должно, и прошу васъ принять нѣкоторыя мѣры предосторожности. Это все, чего я добиваюсь!

— Капитанъ Смоллетъ,—началъ докторъ съ улыбкой,—слышали вы басню о горѣ, которая родила мышь? Простите мою смѣлость, но вы напомнили мнѣ эту басню. Бьюсь объ закладъ, что вы желали большаго, когда шли сюда!

— Докторъ, — отвѣчалъ капитанъ, — вы очень проницательны. Когда я входилъ сюда, я предполагалъ просить отставки. Я не думалъ, что м-ръ Трелоней захочетъ выслушать меня!

— Не только не сталъ бы слушать, но и послалъ бы васъ къ чорту, не будь здѣсь Лайвесея!—вскричалъ сквайръ.—Но теперь, разъ ужъ я выслушалъ васъ, я исполню ваши желанія. Не думайте только, чтобы я сталъ лучшаго мнѣнія о васъ!

— Какъ вамъ угодно, сэръ!—сказалъ капитанъ.—Послѣ вы сами согласитесь съ тѣмъ, что я только исполняю свою обязанность.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ каюты.

— Трелоней,—сказалъ докторъ,—противъ моего ожиданія, я убѣдился, что вы взяли къ себѣ на шкуну двухъ честныхъ людей—этого капитана и Джона Сильвера!

— Относительно Сильвера я съ вами согласенъ,—отвѣтилъ сквайръ,—что же касается до этого невыносимаго хвастуна, я нахожу его поведеніе недостойнымъ мужчины, моряка и англичанина!

— Посмотримъ!—сказалъ докторъ.—Дальше будетъ виднѣе, что онъ за человѣкъ.

Когда мы поднялись на палубу, то увидѣли, что матросы уже начали перетаскивать оружіе и порохъ, облегчая себѣ работу протяжными возгласами. Капитанъ и м-ръ Арро наблюдали за перестановкой.

Новое устройство очень нравилось мнѣ. Въ кормовой части судна помѣщалось шесть каютъ, соединявшихся съ кухней и носовой частью только узкимъ корридоромъ на лѣвой сторонѣ судна. Прежде эти каюты предназначались для капитана, м-ра Арро, Гунтера, Джойса, доктора и сквайра, теперь же туда помѣстили меня и Редрута вмѣсто капитана и м-ра Арро, которые должны были спать наверху, на палубѣ, въ низкой комнатѣ, но достаточныхъ размѣровъ, чтобы вмѣстить двѣ койки. Штурманъ,

повидимому, былъ доволенъ этимъ перемѣщеніемъ. Быть можетъ, и онъ также сомнѣвался насчетъ команды? Впрочемъ, это было только одно предположеніе съ моей стороны, такъ какъ мы недолго пользовались его услугами.

Работа была въ самомъ разгарѣ, когда явились на судно послѣдніе матросы и съ ними Долговязый Джонъ. Поваръ выскочилъ изъ лодки съ ловкостью обезьяны и, увидѣвъ перестановку, вскричалъ:

— Эй, товарищи! Съ чѣмъ вы тутъ возитесь?

— Переставляемъ бочки съ порохомъ, Джекъ!—отвѣчалъ кто-то.

— Но, вѣдь, такъ мы пропустимъ, чего добраго, утренній отливъ!—вскричалъ Джонъ.

— Это мой приказъ!—вмѣшался капитанъ.—Можете отправляться внизъ, въ кухню. Матросы должны поужинать въ свое время!

— Слушаю, сэръ!—отвѣчалъ поваръ. И, отдавъ честь, моментально скрылся по направленію къ своей кухнѣ.

— Это хорошій человѣкъ, капитанъ!—замолвилъ за него словечко докторъ.

— Очень возможно, сэръ!—отвѣчалъ капитанъ Смоллетъ.—Осторожнѣе съ этимъ, люди, осторожнѣе!—крикнулъ онъ матросамъ, которые тащили бочку съ порохомъ. Вдругъ онъ увидѣлъ, что я стою въ сторонкѣ и съ интересомъ смотрю на всю эту суетню.

— Прочь отсюда, юнга!—крикнулъ онъ мнѣ.—Отправляйтесь къ повару и спросите у него какой-нибудь работы для себя!

Я бросился бѣгомъ внизъ и слышалъ, какъ онъ громко сказалъ доктору:

— Я не потерплю любимцевъ на своемъ суднѣ.

Я совершенно раздѣлялъ мнѣніе сквайра о капитанѣ, котораго возненавидѣлъ отъ всей души.

X. Путешествіе

Вся эта ночь прошла въ суетѣ и хлопотахъ, такъ какъ мы устраивались на шкунѣ и принимали друзей сквайра, между прочимъ и Блэндли, которые пріѣзжали пожелать ему счастли-

ваго пути и благополучнаго возвращенія. Никогда раньше въ «Адмиралѣ Бенбоу» не выпадало на мою долю столько работы, и я былъ страшно утомленъ, когда передъ разсвѣтомъ боцманъ затрубилъ въ рогъ, и команда принялась за послѣднія приготовленія къ отплытію. Но если бы я чувствовалъ и вдвое большую усталость, то и тогда не ушелъ бы съ палубы: все было для меня такъ ново и интересно: и эти отрывистыя приказанія, и рѣзкій звукъ рога, и матросы, мелькавшіе по палубѣ при свѣтѣ корабельныхъ фонарей.

— Ну, Джонъ, затяни-ка пѣсню!—крикнулъ кто-то.

— Да только старую!—сказалъ другой.

— Ладно, ладно!—отвѣчалъ Долговязый Джонъ, стоявшій на палубѣ, опершись на костыль, и вдругъ запѣлъ пѣсню, которая была мнѣ такъ хорошо извѣстна:

«Пятнадцать человѣкъ на ящикѣ мертвеца»...

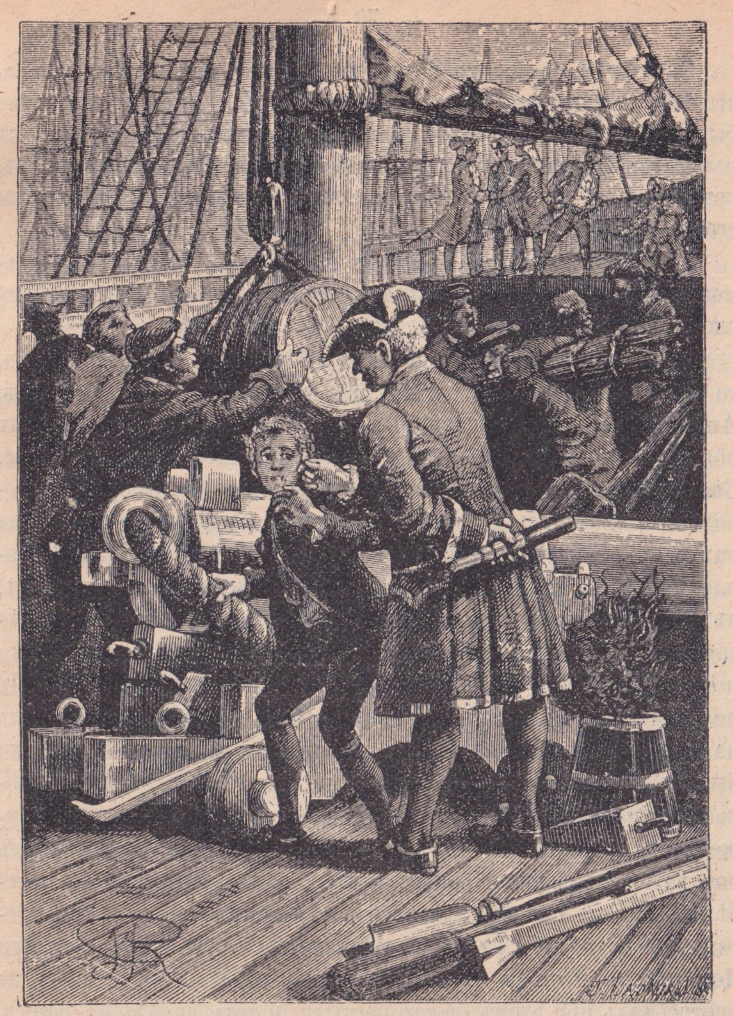
Вся команда подтянула хоромъ:

«Іо-хо-хо, и бутылка рому!»

Я перенесся мысленно въ нашу старую гостиницу «Адмиралъ Бенбоу» и мнѣ почудился голосъ покойнаго капитана. Но это продолжалось не дольше секунды. Шкуна снялась съ якоря, паруса начали надуваться, и берегъ вмѣстѣ со стоящими около него кораблями сталъ постепенно удаляться отъ насъ. Раньше, чѣмъ я успѣлъ поспать въ каютѣ какой-нибудь часокъ, «Испаньола» была уже въ открытомъ морѣ на пути къ островy Сокровищъ.

Не стану подробно описывать всего путешествія. Оно было вполнѣ благополучно. Корабль нашъ оказался отличнымъ, команда—искусной въ морскомъ дѣлѣ, а капитанъ прекрасно исполнялъ свои обязанности. Но раньше, чѣмъ мы добрались до Острова Сокровищъ, произошли событія, которыя стоитъ передать.

Во-первыхъ, м-ръ Арро оказался даже хуже, чѣмъ о немъ думалъ капитанъ. Онъ не пользовался никакимъ авторитетомъ среди матросовъ, и послѣдніе дѣлали все, что имъ было угодно. Но хуже всего было то, что со второго или третьяго дня плаванья онъ сталъ показываться на палубѣ съ мутнымъ взглядомъ, раскраснѣвшимися щеками, заплетающимся языкомъ и другими признаками злоупотребленія виномъ. Съ каждымъ днемъ онъ опускался все ниже и ниже и, случилось, проводилъ цѣлый день въ каютѣ, лежа на своей койкѣ. Но иногда онъ отрезвлялся

— Прочь отсюда, юнга!—крикнулъ онъ мнѣ.

на одинъ или два дня и тогда исполнялъ свое дѣло довольно сносно. Откуда онъ получалъ водку—это было тайной, которую мы никакъ не могли открыть, какъ ни ломали себѣ голову. Мы терялись въ догадкахъ, и всѣ наши подкарауливанія не привели ни къ чему. Когда же его спрашивали объ этомъ, онъ или отвѣчалъ только смѣхомъ, если былъ пьянъ, или же, если бывалъ трезвъ, торжественно увѣрялъ, что не пьетъ ничего, кромѣ воды.

Онъ былъ не только безполезенъ, какъ штурманъ, но оказывалъ даже дурное вліяніе на матросовъ. Кромѣ того, ясно было, что онъ можетъ дорого поплатиться за свою страсть къ пьянству. Поэтому никто не былъ удивленъ и даже огорченъ, когда въ одну темную ночь онъ исчезъ безслѣдно, и больше мы его не видѣли.

— Упалъ въ море!—рѣшилъ капитанъ.—Что-жъ, джентльмены, это избавляетъ насъ отъ хлопотъ, а его—отъ желѣзныхъ оковъ, которыя пришлось бы ему, пожалуй, одѣть.

Но такъ какъ неудобно было обходиться безъ штурмана, то пришлось повысить одного изъ матросовъ. Нашъ боцманъ, Андерсонъ, самый симпатичный изъ людей на суднѣ, исполнялъ обязанности штурмана, хотя и сохранилъ свое прежнее званіе. Знанія морского дѣла м-ра Трелонея, такъ много путешествовавшаго, оказались также очень кстати, и онъ часто стоялъ на вахтѣ въ хорошую погоду. Кромѣ того, и другой боцманъ, Израиль Гандсъ, старый, опытный и добросовѣстный морякъ, могъ, въ случаѣ нужды, исполнять какую угодно работу. Онъ пользовался большимъ довѣріемъ и дружбой нашего корабельнаго повара, почему я кстати скажу нѣсколько словъ и объ этомъ послѣднемъ. Разгуливая по палубѣ, онъ подвязывалъ костыль на ремнѣ къ шеѣ, чтобы имѣть свободными обѣ руки. Интересно было смотрѣть, какъ онъ бѣгалъ со своимъ костылемъ по кораблю, хватаясь иногда за переборку и приспособляясь къ движеніямъ судна. Особенно любопытное зрѣлище представлялъ онъ во время сильной качки: быстро, какъ никто другой, перебѣгалъ онъ по палубѣ, хватаясь по временамъ за веревки, протянутыя ради него въ наиболѣе широкихъ частяхъ,—«серьги Долговязаго Джона», какъ ихъ называли. Часто онъ даже не употреблялъ при этомъ своего костыля, и тотъ висѣлъ на ремнѣ, повязанномъ кругомъ шеи. Но, несмотря на всю его ловкость и проворство, тѣ изъ матросовъ, которые плавали съ нимъ раньше, часто выражали сожалѣніе, что онъ уже не тотъ, какимъ былъ когда-то.

— Это необыкновенный человѣкъ!—говорилъ мнѣ боцманъ Гандсъ.—Онъ прошелъ хорошую школу въ молодости и, если захочетъ, то можетъ говорить, какъ книга. Къ тому же, какъ онъ смѣлъ! Левъ не можетъ сравниться въ храбрости съ Долговязымъ

Джономъ. Я видѣлъ разъ, какъ на него, безоружнаго, напало четверо человѣкъ, и онъ стукнулъ ихъ другъ о друга головами!

Вся команда уважала и даже слушалась его. Онъ имѣлъ особенную способность попадать каждому въ тонъ и оказывать всѣмъ разныя услуги.

Ко мнѣ онъ былъ необыкновенно добръ и всегда радовался, если я заходилъ къ нему въ кухню, которую онъ держалъ въ удивительной чистотѣ: на стѣнѣ висѣла сверкавшая посуда, а въ одномъ углу помѣщалась клѣтка съ попугаемъ.

— Входите, входите, Гаукинсъ! — говорилъ онъ обыкновенно.—Поболтайте съ Джономъ! Ни съ кѣмъ не болтаетъ онъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ съ вами. Садитесь сюда и слушайте новости. А вотъ и мой «капитанъ Флинтъ», я прозвалъ такъ моего попугая по имени одного знаменитаго пирата. Капитанъ Флинтъ предсказываетъ намъ успѣшное путешествіе. Не такъ ли, капитанъ?

Попугай начиналъ съ невѣроятной быстротой выкрикивать: «Червонцы, червонцы, червонцы!» Можно было только удивляться, какъ не захватывало у него духъ. Тогда Джонъ набрасывалъ платокъ на клѣтку и продолжалъ свой разсказъ:

— Этой птицѣ, Гаукинсъ, пожалуй, ужъ всѣ двѣсти лѣтъ: вѣдь, попугаи живутъ очень долго. И это, навѣрное, самый замѣчательный попугай на свѣтѣ. Подумайте только, онъ плавалъ вмѣстѣ съ Инглэндомъ, со знаменитымъ капитаномъ Инглэндомъ, пиратомъ. Онъ побывалъ и на Мадагаскарѣ, и на Малабарѣ, и въ Суринамѣ, и въ Портобелло. Онъ присутствовалъ при поднятіи со дна морского затопленныхъ судовъ; тутъ-то онъ и научился кричать: «Червонцы»! И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что ихъ достали тамъ цѣлыхъ триста пятьдесятъ тысячъ, подумайте только, Гаукинсъ! Онъ былъ при абордажѣ судна «Вице-король Индіи», въ Гоа. А вѣдь если посмотрѣть на него, такъ можно подумать, что онъ еще настоящее дитя. Между тѣмъ не мало онъ понюхалъ пороху—такъ вѣдь, капитанъ?

— Дружно! Поворачивай на другой галсъ!—выкрикивалъ попугай.

— О, это лихой матросъ! — говорилъ поваръ и давалъ попугаю сахаръ изъ своего кармана. Затѣмъ попугай прини-

мался долбить клювомъ перекладину въ клѣткѣ и выкрикивалъ самыя ужасныя ругательства.

— Вотъ вамъ доказательство,—говаривалъ тогда Джонъ,— что дурное общество не проходитъ даромъ. Взять хоть эту старую, ни въ чемъ неповинную птицу, которая сама не понимаетъ, что говоритъ. Вѣдь, она ругалась бы точно также, будь здѣсь хоть самъ капелланъ!

При этихъ словахъ Джонъ дотрогивался до своихъ переднихъ волосъ съ такимъ торжественнымъ видомъ, что я принималъ его за лучшаго человѣка въ мірѣ.

Между тѣмъ сквайръ и капитанъ Смоллетъ продолжали держаться другъ отъ друга на почтительномъ разстояніи. Сквайръ, не стѣсняясь, выражалъ капитану свое презрѣніе, капитанъ же, съ своей стороны, вступалъ въ разговоры только тогда, когда его вызывали на это, и говорилъ всегда рѣзкимъ и сухимъ тономъ, безъ лишнихъ словъ. Онъ сознался, когда отъ него потребовали прямого отвѣта, что ошибался относительно команды, и что нѣкоторые матросы не оставляли желать ничего лучшаго, и всѣ вообще исполняли свое дѣло вполнѣ исправно. Что касается шкуны, то онъ откровенно восхищался ею, находя, что она такъ же слушается руля, какъ и примѣрная жена своего мужа.

— Но,—прибавлялъ онъ обыкновенно,— я все же знаю, что мы не вернемся назадъ, и не одобряю этого путешествія!

Сквайръ поворачивался при этихъ словахъ спиной къ капитану и говорилъ, шагая взадъ и впередъ по палубѣ:

— Еще немного и этотъ человѣкъ выведетъ меня, наконецъ, изъ терпѣнія!

Бывала во время нашего плаванія и свѣжая погода, но это только яснѣе обнаружило достоинства нашей «Испаньолы». Всѣ на кораблѣ казались довольными своей судьбой, да иначе и не могло быть, такъ какъ, я думаю, еще ни одну команду въ мірѣ не баловали больше нашей. По малѣйшему поводу матросовъ угощали двойной порціей грога, а также во всѣ праздники, и каждый разъ, какъ только сквайръ узнавалъ о днѣ рожденія кого-нибудь изъ своихъ подчиненныхъ; на палубѣ постоянно стоялъ открытый боченокъ съ яблоками, такъ что каждый желающій могъ брать оттуда, сколько ему было угодно.

— Ничего хорошаго не выйдетъ изъ этого,—говорилъ ка-

питанъ доктору Лайвесею.—Такъ баловать подчиненныхъ, значитъ, только портить ихъ, и они послѣ сядутъ вамъ на шею. Я убѣжденъ въ этомъ!

Но боченокъ съ яблоками сослужилъ намъ службу, какъ вы скоро увидите, и не будь его, мы всѣ погибли бы отъ руки измѣнниковъ.

Мы были уже недалеко отъ острова (гдѣ, именно, я умолчу объ этомъ) и съ часу на часъ ждали, что онъ покажется на горизонтѣ. По вычисленіямъ, это былъ послѣдній день нашего пути, и въ эту ночь или, самое позднее, утромъ, на слѣдующій день, долженъ былъ показаться «Островъ Сокровищъ». Мы держали на Ю. Ю. З.; вѣтеръ былъ благопріятный. «Испаньола» быстро неслась по спокойному морю, ныряя по временамъ бушпритомъ въ воду и поднимая кругомъ себя облако брызгъ. Всѣ были въ самомъ отличномъ настроеніи духа, предвкушая скорый конецъ первой половины нашего путешествія.

Послѣ захода солнца, окончивъ всѣ свои работы, я направился было въ свою каюту, но мнѣ захотѣлось полакомиться яблокомъ, и я свернулъ на палубу. Люди, стоявшіе на вахтѣ, смотрѣли впередъ, не покажется ли островъ. Рулевой, стоя передъ парусомъ, тихонько посвистывалъ себѣ подъ носъ; кромѣ этихъ звуковъ да легкаго плеска волнъ, ничто не нарушало окружающей тишины.

Я прыгнулъ въ бочку, на днѣ которой оказалось всего одно яблоко, и, сидя здѣсь въ темнотѣ, едва не заснулъ подъ мѣрный плескъ воды и покачиванія судна. Очнулся я отъ дремоты только тогда, когда кто-то грузно опустился на палубу около бочки и облокотился о нее спиной, такъ что она покачнулась. Только что я собирался выскочить изъ бочки, какъ этотъ человѣкъ заговорилъ, и я узналъ голосъ Сильвера.

Не успѣлъ онъ произнести и дюжину словъ, какъ я перемѣнилъ свое намѣреніе вылѣзать изъ бочки и остался лежать въ ней, прислушиваясь къ разговору и весь дрожа отъ страха: изъ первыхъ же словъ я понялъ, что спасеніе всѣхъ порядочныхъ людей на суднѣ находилось въ моихъ рукахъ.

XI. Что я услышалъ изъ бочки съ яблоками.

— Нѣтъ, не я,—говорилъ Сильверъ,—а Флинтъ былъ капитаномъ, я же только помощникомъ! Ногу свою я потерялъ въ томъ же дѣлѣ, гдѣ и старый Пью—свои глаза. Искусный былъ хирургъ, который ампутировалъ мнѣ ногу,—ученый изъ колледжа, а все же не отвертѣлся отъ висѣлицы, какъ и всѣ остальные на «Корсо-Кэстлѣ». То были люди Робертса, и случилось все это изъ-за того, что мѣняли произвище своего судна — то назавалось оно «Королевское счастье», то еще иначе. Нѣтъ, ужъ какъ окрестили корабль, такимъ онъ и долженъ оставаться, по моему. Вотъ «Кассандра», напримѣръ, довезла насъ въ цѣлости домой изъ Малабара послѣ того, какъ Инглэндъ взялъ «Вицекороля Индіи». То же самое было и со старымъ кораблемъ Флинта. Зато я видѣлъ на немъ не мало золота.

— О! — вскричалъ съ восхищеніемъ самый молодой изъ матросовъ.—Вотъ такъ удалецъ былъ этотъ Флинтъ!

— Дэвисъ тоже былъ хоть куда, по общему мнѣнію,—продолжалъ Сильверъ,—но я никогда не плавалъ съ нимъ, а только съ Инглэндомъ, да потомъ съ Флинтомъ—вотъ и вся моя исторія. Послѣ плаванія съ Инглэндомъ я скопилъ 900 фунтовъ стерлинговъ, а съ Флинтомъ 2.000. Это вѣдь недурно для простого матроса? Деньги лежатъ въ надежномъ мѣстѣ, можете положиться на это. Куда дѣвались всѣ люди Инглэнда? Неизвѣстно. А гдѣ матросы Флинта?—Большая часть изъ нихъ здѣсь, и они не нарадуются этому; раньше-то пришлось нѣкоторымъ поголодать. Старый Пью, напримѣръ, какъ потерялъ зрѣніе, тратилъ по 1.200 фунтовъ въ годъ, точно какой-нибудь лордъ, засѣдающій въ парламентѣ. А что онъ теперь? Положимъ, теперь-то онъ умеръ уже, но два года передъ тѣмъ онъ просто голодалъ: просилъ милостыню, воровалъ, перерѣзалъ глотки при случаѣ, а все-таки голодалъ!

— Да, можно бы умнѣе истратить деньги!—сказалъ молодой матросъ.

— Можно бы, да только не дуракамъ!—вскричалъ Сильверъ.—А теперь, разсудите сами: правда, вы молоды, но умнѣе другого взрослаго. Я сразу же понялъ это, какъ только увидѣлъ васъ, и буду съ вами говорить, какъ со взрослымъ мужчиной

Можете себѣ представить мое негодованіе, когда я услышалъ

тѣ же самыя льстивыя слова, которыя этотъ старый негодяй говорилъ и мнѣ. Если бы только это было возможно, я убилъ бы его на мѣстѣ. Между тѣмъ Сильверъ продолжалъ дальше, не подозрѣвая, что его подслушиваютъ.

— Вотъ, напр., «джентльмены удачи». Жизнь ихъ, конечно, не легкая, и они рискуютъ своей жизнью, но зато ѣдятъ и пьютъ сладко, а послѣ плаванія фартинги *) въ ихъ карманахъ превращаются въ фунты. Но большая часть изъ нихъ скоро все пропиваетъ и затѣмъ снова ни съ чѣмъ отправляется въ море. Но это не въ моемъ вкусѣ. Я никогда не сорю деньгами. Мнѣ уже пятьдесятъ лѣтъ, замѣтьте. Еще это плаваніе, и тогда можно будетъ и отдохнуть. Но, хотя я и не моталъ деньги, я всегда жилъ всласть и никогда не отказывалъ себѣ въ завѣтныхъ желаніяхъ: и спалъ мягко, и ѣлъ сладко. А съ чего я началъ? Былъ такимъ же простымъ матросомъ, какъ и вы!

— Недурно!—сказалъ матросъ.—Только вѣдь теперь ужъ ваши денежки пропали, поди? Вѣдь, вы не рѣшитесь вернуться въ Бристоль послѣ этого плаванія?

— А гдѣ же, вы думаете, лежатъ мои деньги?—насмѣшливо спросилъ Сильверъ.

— Конечно, въ Бристольскомъ банкѣ!—отвѣтилъ его товарищъ.

— Онѣ еще были тамъ, когда мы снимались съ якоря!—сказалъ поваръ.—Но моя старуха уже взяла ихъ теперь оттуда. «Подзорная труба» продана со всѣмъ, что въ ней было, и старуха моя встрѣтитъ меня... Я бы сказалъ вамъ, гдѣ, такъ какъ довѣряю вамъ, но товарищи, пожалуй, станутъ завидовать.

— И вы вполнѣ довѣряете вашей женѣ? — спросилъ матросъ.

— «Джентльмены удачи»,—отвѣтилъ поваръ,—обыкновенно вѣрятъ другъ другу до нѣкоторой степени, и они правы, можете положиться на это. Впрочемъ, я не изъ такихъ, которые дали бы продѣлать съ собой такую штуку; а если бы и нашелся такой охотникъ, ему недолго пришлось бы наслаждаться въ одномъ мірѣ со старымъ Джономъ. Были люди, которые боялись Пью, другіе трепетали передъ Флинтомъ, а Флинтъ самъ боялся меня. Команда Флинта была изъ самыхъ дикихъ и разнузданныхъ, и самъ чортъ побоялся бы пускаться съ ними въ море. Ну, а между

*) Мелкая англійская монета—полушка.

тѣмъ, хотя завзятыхъ пиратовъ Флинта и нельзя было назвать овечками, я справлялся съ ними, говорю, не хвастаясь!

— Ну, скажу вамъ откровенно,—сказалъ молодой матросъ,— прежде мнѣ ваше дѣло было не по душѣ, а теперь, послѣ этого разговора съ вами, Джонъ, я согласенъ ударить съ вами по рукамъ!

— Вы славный малый и съ головой,—отвѣчалъ Сильверъ, и такъ крѣпко потрясъ ему руку, что моя бочка задрожала.— Болѣе подходящаго человѣка для «джентльмена удачи» я въ жизнь свою не видывалъ!

Я сталъ понимать уже языкъ, на которомъ говорилъ Сильверъ. Подъ «джентльменами удачи» онъ, очевидно, разумѣлъ обыкновенныхъ пиратовъ, и та сцена, которая только что разыгралась передо мной, была просто-на-просто вербовкой въ пираты одного изъ честныхъ матросовъ, быть можетъ, послѣдняго честнаго матроса.

Между тѣмъ Сильверъ тихонько свистнулъ, и на палубѣ появился еще кто-то.

— Дикъ—нашъ!—сказалъ Сильверъ.

— О, я такъ и зналъ!—отвѣтилъ голосъ, въ которомъ я узналъ боцмана Израиля Гандса.—Онъ не глупъ, этотъ Дикъ!

Онъ нѣсколько секундъ молча жевалъ свой табакъ.

— А вотъ что я хотѣлъ бы знать, Джонъ!—продолжалъ онъ.—Сколько еще времени мы будемъ ждать у моря погоды? Мнѣ ужъ по горло надоѣлъ этотъ капитанъ Смоллетъ. Чортъ возьми, раздражаетъ онъ меня такъ, что не стерпѣть больше. Я хочу, наконецъ, спать въ ихъ каютѣ, угощаться ихъ пикулями и винами!

— Израиль,—проговорилъ Сильверъ,—ты никогда не отличался умомъ, но слышать-то ты можешь, для этого у тебя уши достаточно длинны. Ну, такъ слушай, что я скажу: ты будешь спать и ѣсть плохо, и не будешь напиваться, и будешь вѣжливъ, пока я не скажу, что пора дѣйствовать настала. Можешь положиться, что это будетъ такъ, мой милый!

— Что-жъ, я ничего и не говорю противъ этого!—заворчалъ боцманъ.—Что же я такое сказалъ? Но когда это будетъ, я спрашиваю?

— Когда? Чортъ возьми!—вскричалъ Сильверъ.—Хорошо, если вы желаете знать, я скажу вамъ, когда это будетъ: когда

я въ состоянiи буду управлять судномъ, вотъ когда. Вѣдь, у насъ на кораблѣ первостатейный морякъ, капитанъ Смоллетъ, и сквайръ, и докторъ; у кого хранится карта—я не знаю, и никто изъ васъ не знаетъ. Ну-съ, такъ вотъ, когда сквайръ и докторъ найдутъ кладъ и перетащатъ его на корабль, тогда мы посмотримъ. Если бы я былъ увѣренъ во всѣхъ васъ, то далъ бы капитану Смоллету довезти насъ до половины обратнаго пути, а ужъ потомъ бы покончилъ съ нимъ!

— Что-жъ, мы вѣдь то же моряки, я полагаю!—отозвался молодой Дикъ.

— Всѣ мы только умѣемъ исполнять чужiя приказанiя, а не управлять ходомъ корабля. Если бы я могъ сдѣлать по своему, то позволилъ бы капитану Смоллету довезти насъ назадъ, по крайней мѣрѣ, до пассатовъ. Потомъ мы справились бы и безъ него. Но я знаю, что вы всѣ за люди, поэтому покончу съ ними еще на островѣ, какъ только кладъ будетъ на кораблѣ. Но, вѣдь, ваше счастье только въ водкѣ. Честное слово, у меня сердце болитъ, какъ я подумаю, что надо плавать съ такими людьми, какъ вы!

— Потише, Долговязый Джонъ!—вскричалъ Израиль.—Кто же вамъ перечитъ?

— Ужъ я ли не видалъ кораблей?! И какъ много людей гибло изъ-за того, что слишкомъ спѣшили! Я видалъ на своемъ вѣку виды, и вы могли бы разъѣзжать въ собственныхъ каретахъ, если бы только захотѣли. Но куда вамъ! Знаю я васъ! Вы будете только напиваться своимъ ромомъ, а потомъ кончите висѣлицей!

— Всѣмъ извѣстно, что вы умѣете говорить, Джонъ!—сказалъ Израиль.—Но вѣдь и другiе найдутся, которые не хуже васъ командуютъ и правятъ рулемъ. Кричали-то они поменьше, чѣмъ вы, а дѣлали свое дѣло и были хорошими товарищами!

— Въ самомъ дѣлѣ!—замѣтилъ Сильверъ.—Ну, а гдѣ они теперь? Пью былъ изъ такихъ людей, а умеръ нищимъ. Флинтъ тоже, а погибъ отъ рома. О, это была славная шайка людей, только гдѣ она теперь?

— Но что же мы сдѣлаемъ съ нашими, когда настанетъ пора?—спросилъ, наконецъ, Дикъ.

— Вотъ это хвалю! — вскричалъ восторженно поваръ.— Этотъ малый въ моемъ вкусѣ! Да, что же съ ними сдѣлать? Бро-

сить на необитаемомъ островѣ? Такъ поступалъ Ингләндъ. Или прирѣзать ихъ, какъ свиней? Это была манера Флинта и Билли Бонса!

— Да, Билли былъ на это мастеръ!—замѣтилъ Израиль.— «Мертвые не кусаются», говаривалъ онъ. А вотъ теперь и самъ умеръ. Желѣзная рука былъ этотъ Билли!

— Это вѣрно, онъ былъ суровъ и ловокъ,—сказалъ Сильверъ. — Но замѣтьте: я человѣкъ мягкій вообще, настоящій джентльменъ, могу сказать, но теперь настало тяжелое время Дѣло надо дѣлать серьезно. И я прямо объявляю, что стою за смерть. Если я буду когда-нибудь въ парламентѣ и стану разъѣзжать въ каретѣ, то вовсе не желаю, чтобы эти господа явились ко мнѣ и вмѣшивались въ мои дѣла. Надо ждать, а когда настанетъ благопріятная минута, то не упускать случая!

— Джонъ!—вскричалъ боцманъ.—Вы настоящій мужчина!

— Вы скажете это, когда увидите меня въ дѣлѣ!—проговорилъ Сильверъ.—Я требую только одного, чтобы мнѣ отдали Трелонея. Я хочу самъ, вотъ этими руками свернуть шею этому теленку. Дикъ,—обратился онъ вдругъ къ молодому матросу,— будь-ка милымъ малымъ, и принесите мнѣ яблоко, чтобы смочить горло.

Можете себѣ представить, какія ужасныя секунды я переживалъ! Я хотѣлъ выскочить изъ бочки и спасаться бѣгствомъ, но не былъ въ силахъ: сердце у меня билось, а ноги отказывались служить. Я слышалъ, какъ Дикъ поднялся уже съ своего мѣста, но кто-то, должно быть, остановилъ его, и голосъ Гандса воскликнулъ:

— Ну ужъ, стоитъ сосать эту мерзость! Дайте-ка намъ лучше рому!

— Дикъ, — произнесъ Сильверъ, — я вѣрю вамъ! Вотъ ключъ. Тамъ есть у меня боченокъ рому, налейте жбанъ и тащите сюда.

Несмотря на мой страхъ, у меня мелькнула въ головѣ мысль, что это былъ тотъ путь, какимъ м-ръ Арро добывалъ себѣ ромъ, стоившій ему жизни.

Пока Дикъ ходилъ за ромомъ, Израиль шепталъ что-то на ухо повару. Я уловилъ всего нѣсколько словъ, но и то было важно; эти слова были:—«Больше ни одинъ не поддается».— Изъ этого я заключилъ, что еще были честные матросы на ко-

раблѣ, не сдававшіеся на увѣщанія разбойниковъ. Когда Дикъ вернулся, всѣ трое выпили по очереди изъ жбана, причемъ одинъ сказалъ: «За удачу!»—другой. «За старика Флинта!»—а Сильверъ произнесъ: «за наше здоровье и благоденствіе!»

Въ эту минуту въ бочку упалъ яркій лучъ свѣта, и, взглянувъ вверхъ, я увидѣлъ мѣсяцъ, серебрившій гротъ-мачту, и парусъ, сверкавшій ослѣпительной бѣлизной. Почти въ то же мгновеніе съ вахты раздался крикъ:

— Земля!

XII. Военный совѣтъ.

На палубѣ поднялась суматоха и бѣготня. Я слышалъ, какъ бѣжали люди изъ каютъ, и, выскочивъ незамѣтно изъ бочки, сбошелъ за парусами къ кормѣ, затѣмъ присоединился къ Гунгеру и д-ру Лайвесею. Весь экипажъ собрался уже на палубѣ. Почти одновремено съ появленіемъ съ луны поднялся поясомъ и туманъ, мѣшавшій разглядѣть очертанія острова. На юго-западѣ виднѣлись два невысокихъ холма, миляхъ въ двухъ другъ отъ друга, а позади одного изъ нихъ поднимался третій холмъ, выше первыхъ двухъ; вершина его была окутана туманомъ. Всѣ три горы казались крутыми и конической формы.

Я видѣлъ все это въ какомъ-то полуснѣ, еще не вполнѣ придя въ себя отъ ужаса, который только что пережилъ. Раздался голосъ капитана Смоллета, отдававшій приказанія. «Испаньола» измѣнила курсъ и плыла теперь такъ, чтобы островъ остался на востокъ отъ нея.

— А знаетъ ли кто-нибудь изъ васъ эту землю?—спросилъ капитанъ.

— Я видалъ этотъ островъ, сэръ!—откликнулся Сильверъ.—Я доставалъ на немъ водку, когда плавалъ поваромъ на купеческомъ суднѣ.

— Пристань для якоря вѣрно на югѣ, позади островка?—спросилъ капитанъ.

— Такъ точно, сэръ! И это мѣсто зовется Островомъ Скелета. Это было нѣкогда главное мѣсто стоянки пиратовъ, и одинъ матросъ на нашемъ суднѣ зналъ здѣсь всѣ названія. Вонъ тотъ холмъ къ сѣверу звали они Фокъ-мачтой. Эти три холма, круто спускающіеся къ югу,—Фокъ-мачта, Гротъ-мачта и Бизань. Но

Гротъ-мачту, вонъ тотъ холмъ, который окутанъ облакомъ тумана, они чаще называли «Подзорной трубой», такъ какъ смотрѣли оттуда за своими кораблями. А здѣсь обыкновенно останавливались ихъ корабли, прошу прощенія, сэръ!

— У меня тутъ есть карта!—сказалъ капитанъ Смолеттъ.— Посмотрите, обозначено ли здѣсь это мѣсто для якоря?

Глаза Долговязаго Джона вспыхнули, когда онъ взялъ карту. Но при видѣ новенькой бумаги, на которой она была нарисована, онъ, навѣрное, почувствовалъ разочарованіе. Это не была та карта, которую мы нашли въ сундукѣ Билли Бонса, а точная копія съ нея, со всѣми подробностями, т. е. съ названіями, обозначеніемъ высоты горъ и глубины моря, кромѣ красныхъ крестиковъ и написанныхъ замѣчаній. Но, какъ ни сильно было это разочарованіе, Сильверъ моментально овладѣлъ собой.

— Да, сэръ,—сказалъ онъ,—это, навѣрное, и есть то самое мѣсто. И прекрасно нарисовано. Удивляюсь только, кто бы могъ это сдѣлать? Пираты слишкомъ невѣжественны для этого, я полагаю. А вотъ она—«пристань капитана Кидда». Мой корабельный товарищъ какъ разъ называлъ мнѣ это имя. Здѣсь сильное береговое теченіе къ югу, а дальше оно заворачиваетъ къ сѣверу и къ западу. Вы правильно сдѣлали, сэръ, что повернули въ эту сторону, такъ какъ если только вы желаете подойти ближе и стать на якорь, не можетъ быть лучше мѣста для этой цѣли, какъ эта бухта!

— Спасибо, любезный!—сказалъ капитанъ Смоллетъ.—Можете идти теперь. Послѣ я обращусь къ вамъ за указаніями, если это понадобится!

Я былъ пораженъ тѣмъ хладнокровіемъ, съ какимъ Джонъ сознавался въ знакомствѣ съ островомъ и, признаюсь, испугался, когда онъ подошелъ ко мнѣ. Онъ не могъ, конечно, подозрѣвать, что я подслушалъ изъ бочки его разговоръ съ матросами, и все же я чувствовалъ теперь такой ужасъ передъ его жестокостью и коварствомъ, что едва сдержалъ содроганіе, когда онъ положилъ мнѣ руку на плечо.

— Вотъ ужъ гдѣ отлично погулять такому мальчику, какъ вы, такъ это на этомъ островѣ!—сказалъ онъ.—Можно вволю накупаться и полазать по деревьямъ, и поохотиться за дикими козами. Да и сами вы будете карабкаться по этимъ горамъ, словно молодая козочка. Я самъ молодѣю, когда думаю о всемъ

этомъ, и чуть не забылъ про свою деревянную ногу, право. Ужъ какъ хорошо быть молодымъ и имѣть обѣ ноги цѣлыми и невредимыми, можете быть увѣрены въ этомъ. Когда вздумаете отправиться на островъ на развѣдки, предупредите старика Джона: онъ дастъ вамъ на дорогу, чѣмъ закусить.

И, хлопнувъ меня дружески по плечу, онъ быстро заковылялъ по направленію къ кухнѣ.

Капитанъ Смоллетъ, сквайръ и д-ръ Лайвесей бесѣдовали на шканцахъ, и я не рѣшился потревожить ихъ бесѣду, хотя и горѣлъ нетерпѣніемъ разсказать то, что подслушалъ. Пока я придумывалъ благовидный предлогъ для того, чтобы вмѣшаться въ разговоръ, меня подозвалъ къ себѣ докторъ Лайвесей: онъ оставилъ свою трубку внизу, въ каютѣ, и просилъ принести ее. Тогда я, улучивъ удобную минуту, когда насъ не могли услышать, наклонился къ нему и шепнулъ на ухо:

— Докторъ, мнѣ надо поговорить съ вами. Пускай капитанъ и сквайръ сойдутъ вмѣстѣ съ вами въ каюту, а потомъ пошлите подъ какимъ-нибудь предлогомъ за мной. Я могу сообщить вамъ ужасныя новости!

Докторъ слегка измѣнился въ лицѣ, но сейчасъ же овладѣлъ собой.

— Спасибо, Джимъ!—сказалъ онъ громко.—Это все, что мнѣ нужно было знать!—прибавилъ онъ, дѣлая видъ, что спрашивалъ меня о чемъ-то.

Съ этими словами онъ отвернулся отъ меня и продолжалъ прерванный разговоръ. Нѣкоторое время они еще бесѣдовали между собой, и, хотя никто изъ нихъ не повышалъ голоса и не шепталъ и вообще ничѣмъ не выказалъ своего волненія,—я понялъ, что докторъ Лайвесей успѣлъ передать имъ мои слова. Вскорѣ я услышалъ, что капитанъ отдалъ приказанія Андерсону, и вся команда была созвана на палубу.

— Друзья,—обратился онъ къ собравшимся матросамъ,— я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ. Этотъ островъ, къ которому мы подъѣхали, и есть цѣль нашего плаванія. М-ръ Трелоней, щедрость котораго хорошо извѣстна всѣмъ вамъ, только что спрашивалъ меня о васъ, и я могъ сказать ему, что каждый служащій на кораблѣ дѣлалъ свое дѣло, какъ нельзя лучше. Вотъ почему мы съ нимъ и съ докторомъ спустимся въ каюту

выпить за ваше здоровье, а вы, съ своей стороны, получите грогъ, чтобы выпить за «наше» здоровье и успѣхъ. Если хотите знать мое мнѣніе, то я нахожу это со стороны сквайра очень любезнымъ. И, если вы раздѣляете мое мнѣніе, прокричите «ура» этому джентльмену.

Конечно, послѣ этого раздалось громкое «ура», и оно звучало такъ искренно и сердечно, что, признаюсь, я бы съ трудомъ повѣрилъ, что эти самые люди затѣваютъ убить насъ такъ измѣннически.

— «Ура» капитану Смоллету! — прокричалъ Долговязый Джонъ, когда голоса смолкли. И это «ура» было подхвачено такъ же дружно, какъ и первое.

Затѣмъ джентльмены сошли внизъ, а немного погодя прислали сказать, что Джима Гаукинса требуютъ въ каюту.

Я засталъ ихъ всѣхъ троихъ сидящими кругомъ стола; передъ ними стояла бутылка испанскаго вина и лежалъ изюмъ. Докторъ курилъ; парикъ лежалъ у него на колѣняхъ, что, какъ я уже зналъ, служило признакомъ его волненія. Окно въ каютѣ было отворено, такъ какъ ночь была очень теплая, и луна освѣщала зыбкую поверхность моря.

— Такъ вы желаете что-то разсказать намъ, Гаукинсъ? — обратился ко мнѣ сквайръ. — Говорите, мы слушаемъ!

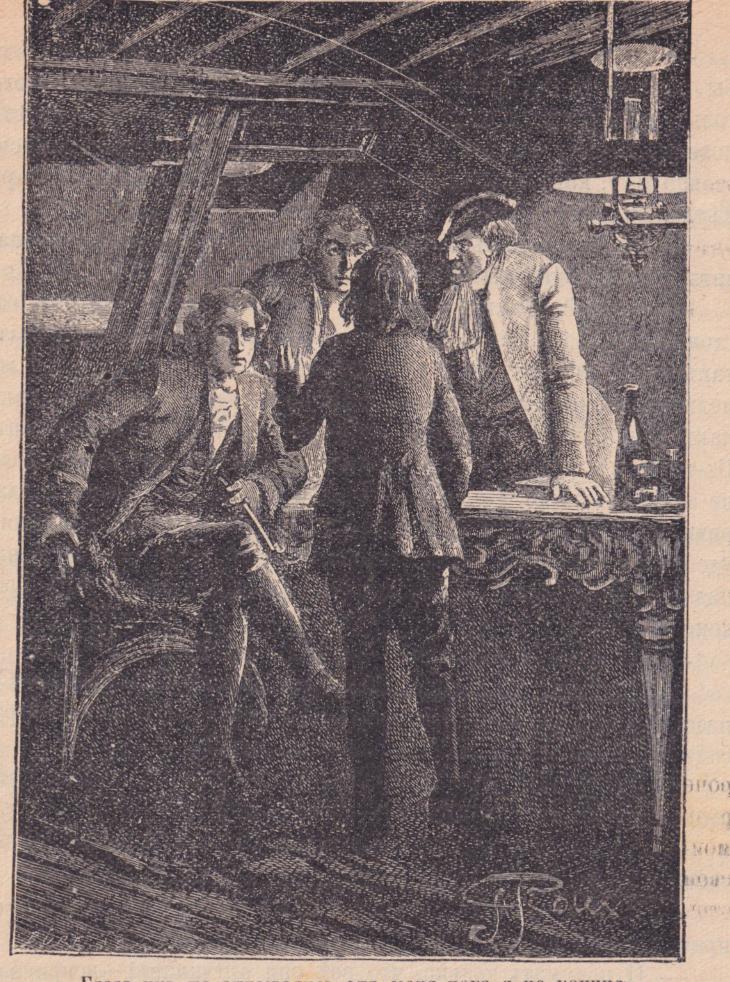
Я исполнилъ его приказаніе и разсказалъ, какъ можно короче, но не опуская ничего важнаго, то, что подслушалъ изъ разговора Сильвера съ матросами. Пока я говорилъ, никто изъ моихъ слушателей не перебивалъ меня и даже не выражалъ своихъ чувствъ какимъ-либо движеніемъ, но зато глаза ихъ не отрывались отъ моего лица, пока я не кончилъ.

— Джимъ, — сказалъ докторъ Лайвесей, когда я умолкъ наконецъ, — садись къ столу!

Они усадили меня за столъ, налили мнѣ стаканъ вина, дали горсть изюму, затѣмъ всѣ трое, одинъ за другимъ, выпили за мое здоровье, поблагодаривъ поклономъ за ту услугу, которую я имъ оказалъ, благодаря счастливому случаю и моему мужеству.

— А теперь, капитанъ, — сказалъ сквайръ, — я долженъ сознаться, что вы были правы, а я ошибался, какъ недальновидный глупецъ. Теперь я жду вашихъ распоряженій!

— Я оказался не меньшимъ глупцомъ, чѣмъ вы! — отвѣтилъ капитанъ. — Никогда раньше не видалъ я, чтобы команда затѣ-

Глаза ихъ не отрывались отъ меня пока я не кончилъ...

вала бунтъ безъ всякихъ признаковъ, по которымъ можно было бы догадаться о положенiи дѣла и принять во время соотвѣтственныя мѣры. Поступки нашихъ матросовъ приводятъ меня въ полное недоумѣнiе!

— Капитанъ,—замѣтилъ докторъ,—если позволите, я выясню вамъ положенiе дѣла. Зачинщикъ всего этого—Джонъ Сильверъ, а, вѣдь, онъ не заурядный человѣкъ, съ этимъ нельзя не согласиться!

— Этотъ необыкновенный человѣкъ прекрасно выглядѣлъ бы висящимъ на реѣ, сэръ!—возразилъ капитанъ.—Но это только одни пустыя слова, которыя никому не могутъ принести пользы. Я могу намѣтить пока три или четыре пункта относительно того, какъ мы должны дѣйствовать, и, съ позволенія м-ра Трелонея, укажу ихъ!

— Вы, сэръ, какъ капитанъ, должны прежде всего высказать ваше мнѣніе!—великодушно отозвался м-ръ Трелоней.

— Первый пунктъ, — началъ м-ръ Смоллетъ, — будетъ состоять въ слѣдующемъ: мы непремѣнно должны плыть впередъ, такъ какъ, если только я велю повернуть назадъ, они сразу же поднимутъ бунтъ. Во-вторыхъ, намъ не къ чему торопиться, такъ какъ у насъ еще есть время впереди—пока кладъ не найденъ. Въ-третьихъ, у насъ есть и честные люди среди матросовъ, надо не забывать этого. Но, конечно, рано или поздно придется ударить на злодѣевъ, и я предлагаю воспользоваться для этого удобнымъ случаемъ, когда они менѣе всего будутъ ожидать нападенія. Можемъ ли мы положиться на вашихъ слугъ, м-ръ Трелоней?

— Какъ на самого меня!—сказалъ сквайръ.

— Значитъ, трое уже есть!—продолжалъ капитанъ.—Съ нами это составитъ семеро, считая Гаукинса. Ну, а изъ матросовъ? Есть ли между ними порядочные люди?

— Да, тѣ, которыхъ Трелоней нанялъ раньше, чѣмъ судьба столкнула его съ Сильверомъ!—сказалъ докторъ.

— Къ сожалѣнію, къ нимъ принадлежитъ и Гандсъ!—замѣтилъ сквайръ.

— Я тоже думалъ, что на Гандса можно положиться!—прибавилъ капитанъ.

— И подумать только, что всѣ они англичане!—вскричалъ сквайръ.—Сэръ, я, кажется, нашелъ бы въ себѣ силы взорвать весь корабль на воздухъ!

— Да, господа,—проговорилъ капитанъ,—я тоже могу сказать вамъ мало утѣшительнаго. Надо быть насторожѣ и выжидать пока. Это не легко, я знаю, гораздо пріятнѣе дѣйствовать, но этому горю нельзя помочь, пока мы не познакомимся поближе съ нашими людьми. Итакъ, приходится лечь въ дрейфъ и ждать вѣтра. Таково мое мнѣніе!

— Джимъ при нашихъ теперешнихъ обстоятельствахъ мо-

жетъ помочь намъ больше, чѣмъ кто-нибудь другой!—сказалъ докторъ.—Матросы довѣряютъ ему, а онъ мальчикъ наблюдательный и зоркій!

— Гаукинсъ,—прибавилъ сквайръ,—я вполнѣ вѣрю вамъ и разсчитываю на вашу помощь!

Я чувствовалъ себя слишкомъ безсильнымъ и неопытнымъ, чтобы оправдать довѣріе къ себѣ, но обстоятельства такъ сложились, что я дѣйствительно явился орудіемъ нашего спасенія.

ЧАСТЬ III.

МОИ ПРИКЛЮЧЕНІЯ НА БЕРЕГУ.

XIII. Я начинаю свои приключенія.

Видъ на островъ былъ совсѣмъ другой, когда я на слѣдующее утро вышелъ на палубу. Хотя вѣтеръ почти стихъ, мы все же подвинулись за ночь на значительное разстояніе и легли теперь въ дрейфъ въ полумилѣ отъ восточнаго берега острова. Большая часть его поверхности была покрыта темнымъ лѣсомъ, сѣроватый колоритъ котораго прерывался по временамъ полосами желтаго песку или высокими соснами, стоявшими по одиночкѣ или группами и поднимавшимися выше остального лѣса. Но общій тонъ красокъ былъ однообразный и мрачный. Холмы обнаженными утесами возвышались надъ лѣсомъ и отличались странной и оригинальной формой. «Подзорная труба» былъ выше другихъ на триста или четыреста футовъ и имѣлъ особенно своеобразную форму, круто обрываясь почти со всѣхъ сторонъ; вершина его была срѣзана и походила на пьедесталъ для какой-нибудь статуи.

Солнце ярко сіяло на небѣ, береговыя птицы ныряли въ водѣ и перекликались на разные голоса. Но, несмотря на веселую погоду, несмотря на то, что я скоро могъ сойти на землю послѣ такого долгаго плаванія, на сердцѣ у меня было тяжело, и я съ перваго взгляда возненавидѣлъ самую мысль объ Островѣ Сокровищъ. Можетъ быть, причиной этого былъ мрачный видъ острова, съ его темнымъ меланхоличнымъ лѣсомъ, дикими каменистыми утесами и морскимъ прибоемъ, который пѣнился и бурлилъ у береговъ. Всему экипажу предстояла тяжелая ра-

бота, такъ какъ вѣтеръ стихъ, и пришлось на шлюпкахъ тянуть шхуну на протяженіи трехъ или четырехъ миль, чтобы обогнуть островъ и по узкому проходу добраться до гавани позади Острова Скелета. Я по собственному желанію сѣлъ въ одну изъ шлюпокъ, не исполняя въ ней никакихъ обязанностей. Жара была невыносимая, и матросы ворчали и бранились, проклиная свою тяжелую работу. Андерсонъ, командовавшій въ лодкѣ, гдѣ я сидѣлъ, бранился больше другихъ, вмѣсто того, чтобы поддерживать среди матросовъ дисциплину.

— Ну, да ладно,—сказалъ онъ, наконецъ, прибавивъ ругательство,—не вѣкъ же будетъ такъ продолжаться! Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ!

Я принялъ эти слова за плохой знакъ, такъ какъ до сихъ поръ матросы всегда охотно и бодро исполняли свои обязанности. Повидимому, самый видъ острова ослабилъ дисциплину среди команды.

Во время всего этого пути Долговязый Джонъ стоялъ около рулевого и руководилъ его движеніями. Этотъ узкій проходъ, по которому надо было вести судно, онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ; и хотя человѣкъ, изслѣдовавшій глубину моря лотомъ, находилъ вездѣ большую глубину, чѣмъ сколько было показано на картѣ, Джонъ ничуть не смущался этимъ.

— Этотъ узкій проходъ—дѣло морского прилива!—сказалъ Джонъ.—Онъ вырылъ его точно лопатами!

Мы остановились какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ на картѣ стоялъ якорь, на разстояніи приблизительно трети мили отъ главнаго острова и отъ Острова Скелета. Дно состояло изъ чистаго песку. Шумъ отъ паденія якоря вспугнулъ цѣлыя тучи птицъ, которыя съ крикомъ закружились надъ лѣсомъ. Но черезъ минуту или даже меньше онѣ снова опустились на деревья, и опять все затихло кругомъ. Маленькій рейдъ, въ которомъ мы стояли, былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ лѣсомъ, и деревья спускались къ самой водѣ. Самое прибрежье было низкое, а дальше поднимались амфитеатромъ вершины холмовъ. Двѣ крошечныхъ рѣчки или лучше сказать—два ручейка впадали въ это небольшое пространство воды, которое можно было бы назвать прудомъ, и около котораго растительность имѣла особенно яркій цвѣтъ. Съ корабля не видно было хижины и частокола, скрывавшихся среди деревьевъ, и если бы у насъ не было въ

рукахъ карты, мы могли бы подумать, что еще никто не бросалъ якоря около этого острова съ тѣхъ поръ, какъ онъ показался на поверхности моря. Кругомъ была мертвая тишина: ни дуновенія вѣтерка, ни звука не слышно было въ этомъ тихомъ, точно притаившемся уголкѣ, и только въ полумилѣ разстоянія бурлилъ морской прибой, разбиваясь о скалистый берегъ. Воздухъ былъ какой-то застоявшійся; пахло лежалыми листьями и сгнившими стволами деревьевъ. Я замѣтилъ, что докторъ втянулъ въ себя воздухъ и поморщился, какъ отъ запаха гнилого яйца.

— Не знаю, есть ли тутъ кладъ,—сказалъ онъ,—но поручусь чѣмъ угодно, что здѣсь навѣрное есть лихорадка!

Настроеніе матросовъ, уже тревожное на лодкахъ, приняло прямо угрожающій характеръ, когда они снова очутились на кораблѣ. Они разгуливали по палубѣ, собираясь въ кучки и разговаривая. Самое невинное приказаніе встрѣчалось мрачными взорами и исполнялось нехотя и небрежно. Даже мирные матросы точно заразились общимъ враждебнымъ настроеніемъ. Было ясно, что бунтъ висѣлъ надъ нами, точно грозовая туча.

Не мы одни предчувствовали надвигавшуюся опасность. Долговязый Джонъ энергично дѣйствовалъ, переходя отъ одной группы матросовъ къ другой, подавая имъ совѣты, успокаивая ихъ и самъ служа лучшимъ примѣромъ порядка и довольства. Онъ распинался за другихъ, выражая всѣмъ своимъ существомъ доброжелательство и любезность и расточая улыбки направо и налѣво. При малѣйшемъ приказаніи онъ являлся на своемъ костылѣ въ одну секунду со своимъ неизмѣннымъ:—«Будетъ исполнено, сэръ!»—А когда нечего уже было дѣлать, онъ затягивалъ пѣсню и пѣлъ ихъ одну за другой, точно для того, чтобы замаскировать общее недовольство. Изъ всѣхъ зловѣщихъ признаковъ этого тяжелаго послѣ-обѣда, это безпокойство со стороны Долговязаго Джона показалось намъ всего знаменательнѣе и опаснѣе.

— Сэръ, — сказалъ капитанъ на совѣщаніи, которое мы устроили въ каютѣ,—я рискую первымъ неосторожнымъ приказаніемъ вызвать общій бунтъ. Вы слышите, что здѣсь происходитъ? Мнѣ уже грубо отвѣчаютъ. Если я отвѣчу тѣмъ же, произойдетъ взрывъ. Если же я не обращу на это вниманіе, то Сильверъ догадается, что тутъ что-то не спроста, и наша игра

проиграна. Теперь только один человѣкъ могъ бы усмирить матросовъ!

— Кто же это?—спросилъ сквайръ.

— Самъ Сильверъ, сэръ!—отвѣчалъ капитанъ.—Въ его интересахъ столько же, какъ и въ нашихъ, потушить начинающійся пожаръ. Пока это еще только легкая вспышка, и ему нетрудно будетъ успокоить волнующихся матросовъ, если только обстоятельства будутъ благопріятны. Вотъ я и предлагаю доставить ему эти благопріятныя обстоятельства и тѣмъ облегчить работу. Дадимъ позволеніе матросамъ провести послѣобѣденное время на берегу. Если они всѣ выйдутъ на берегъ, тогда корабль будетъ въ нашемъ полномъ распоряженіи; если никто не пойдетъ,—ну, что жъ, тогда мы запремся въ каютѣ и возложимъ всѣ надежды на то, что Богъ постоитъ за правыхъ. Если уѣдутъ только нѣкоторые, то могу увѣрить васъ, что Сильверъ доставитъ ихъ потомъ на корабль кроткими, какъ овечки.

Рѣшено было такъ и поступить. Всѣмъ надежнымъ людямъ розданы были заряженные пистолеты. Гунтера, Джойса и Редрута посвятили въ нашу тайну, но они не были особенно поражены тѣмъ, что имъ сообщили. Затѣмъ капитанъ отправился на палубу и обратился къ командѣ съ такими словами:

— Друзья мои, день былъ жаркій, и мы всѣ порядкомъ устали отъ тяжелыхъ работъ. Прогулка по берегу ни для кого не была бы лишней, къ тому же и лодки еще спущены. Кто пожелаетъ, можетъ отправиться на берегъ. За полчаса до заката солнца я выстрѣломъ дамъ знать о возвращеніи назадъ.

Вѣроятно, глупые матросы думали, что найдутъ кладъ сейчасъ же, какъ только ступятъ на землю. По крайней мѣрѣ лица ихъ сразу прояснились, и раздалось оглушительное «ура», разбудившее эхо въ далекомъ холмѣ и всполошившее птицъ, которыя стали съ крикомъ кружиться надъ гаванью.

Капитанъ былъ настолько догадливъ, что моментально скрылся, предоставивъ Сильверу набирать партію охотниковъ съѣхать на берегъ; и я думаю, что лучше этого онъ не могъ ничего сдѣлать. Если бы онъ остался на палубѣ, ему поневолѣ пришлось бы считаться съ очень нелестнымъ для него положеніемъ. Было ясно, какъ день, что настоящимъ капитаномъ былъ Сильверъ, но что команда у него была не изъ сговорчивыхъ. Порядочные матросы,—а я скоро убѣдился, что такіе были на

кораблѣ,—были особенно недогадливы. Вѣрнѣе, дѣло было въ томъ, что всѣ, болѣе или менѣе, были заражены примѣромъ зачинщиковъ бунта, но нѣкоторыхъ, болѣе честныхъ, не легко было подвинуть на болѣе серьезный шагъ: вѣдь, отъ лѣнтяйничанья и дерзостей еще далеко до убійства нѣсколькихъ невинныхъ людей.

Наконецъ, однако, партія составилась. Шесть человѣкъ должны были остаться на кораблѣ, а остальные тринадцать, въ томъ числѣ и Сильверъ, начали переправляться на берегъ. Вдругъ мнѣ въ голову пришла безумная мысль, которая, впрочемъ, впослѣдствіи много послужила нашему спасенію. Я разсуждалъ такъ: если Сильверъ оставилъ на суднѣ шесть человѣкъ, то ясно, что наша партія не могла завладѣть кораблемъ и отстаивать его противъ остальныхъ; съ другой стороны, такъ какъ ихъ было только шестеро, наша партія не нуждалась въ моемъ присутствіи. И вотъ мнѣ захотѣлось тоже съѣхать на островъ. Въ одно мгновеніе спустился я съ борта въ ближайшую лодку и забился въ носовую ея часть. Въ ту же секунду она отчалила отъ корабля.

Никто не замѣтилъ меня, кромѣ гребца, который сидѣлъ на носу лодки.

— Это ты, Джимъ?—спросилъ онъ.—Держи голову ниже!

Сильверъ, сидѣвшій въ другой лодкѣ, внимательно всмотрѣлся въ нашу и окликнулъ меня, чтобы убѣдиться, что это дѣйствительно я. Въ эту минуту я сильно пожалѣлъ о томъ, что сдѣлалъ такую неосторожность.

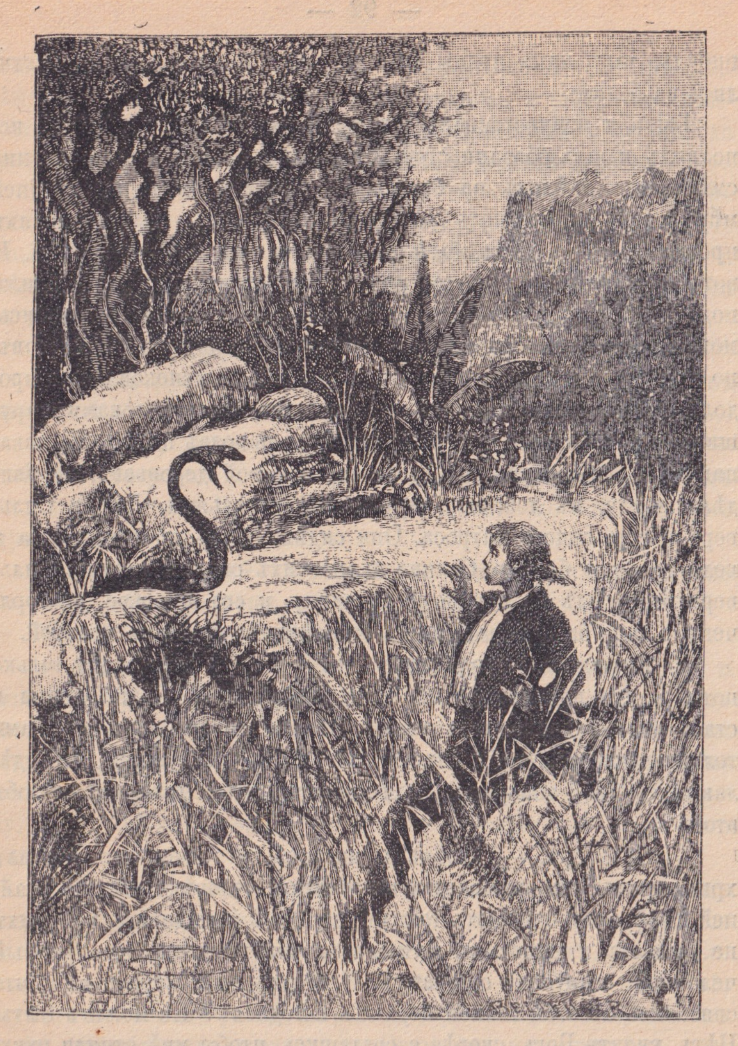
Матросы старались перегнать другъ друга, торопясь къ берегу. Но та лодка, въ которой сидѣлъ я, была легче и имѣла лучшихъ гребцовъ, а потому далеко опередила другую. Когда она врѣзалась въ берегъ между деревьями, я ухватился за вѣтку, выскочилъ на землю и скрылся въ ближайшей лѣсной чащѣ въ то время, какъ Сильверъ и остальные матросы остались ярдовъ на сто позади.

— Джимъ, Джимъ!—кричалъ мнѣ вслѣдъ Сильверъ, но я, конечно, не оглянулся на его зовъ. Перепрыгивая черезъ препятствія, ныряя въ травѣ и ломая вѣтки, я бѣжалъ все дальше и дальше, пока не выбился изъ силъ.

XIV. Первый ударъ.

Я былъ счастливъ, что мнѣ удалось ускользнуть отъ Долговязаго Джона и началъ съ удовольствіемъ и интересомъ разглядывать окружающій меня и совсѣмъ чуждый мнѣ міръ. Я попалъ сначала въ болотистое мѣсто, поросшее тростникомъ, ивами и какими-то незнакомыми мнѣ деревьями. Потомъ я вышелъ на открытое песчаное мѣсто, около мили въ длину, на которомъ мѣстами росли сосны и еще какія-то искривленныя деревья, напоминавшія дубы, но съ болѣе блѣдной листвой. Вдали виднѣлся одинъ изъ холмовъ съ двумя причудливыми, крутыми утесами, сверкавшими на солнцѣ.

Радостное волненіе охватило меня при мысли, что я буду одинъ изслѣдовать этотъ необитаемый островъ. Дѣйствительно, я оставилъ своихъ товарищей по кораблю далеко позади себя и могъ натолкнуться развѣ только на дикихъ звѣрей и птицъ. Пробираясь впередъ, я видѣлъ незнакомые мнѣ цвѣты, а иногда и змѣй; одна змѣя высунула голову изъ расщелины камня и зашипѣла на меня страннымъ звукомъ, похожимъ на жужжаніе волчка, такъ что я принялъ ее за ядовитую гремучую змѣю. Наконецъ, я вышелъ къ чащѣ низкорослыхъ деревьевъ—вѣчнозеленыхъ дубовъ, какъ я узналъ послѣ,—съ ихъ искривленными и оригинально раздвоенными сучьями и густой листвой. Эта рощица, начинаясь на верхушкѣ песчанаго холма, тянулась до края широкаго, поросшаго камышомъ болота, по которому медленно стекала рѣчка въ тотъ заливчикъ, гдѣ стояла наша шкуна. Отъ жаркихъ лучей солнца надъ болотомъ поднимались испаренія, и вершины «Подзорной трубы» точно дрожали въ легкой дымкѣ. Вдругъ въ тростникахъ послышалось движеніе; дикая утка съ крикомъ взлетѣла на воздухъ, и затѣмъ надъ болотомъ закружилась цѣлая туча птицъ, оглашая воздухъ своими криками. Изъ этого я заключилъ, что кто-нибудь изъ матросовъ подошелъ къ болоту. Мое предположеніе оправдалось: черезъ нѣсколько секундъ я могъ разобрать уже человѣческіе голоса, сначала едва слышные вдали, а затѣмъ какъ будто приближавшіеся ко мнѣ. Я испугался и спрятался за ближайшій дубъ, съежившись, притаивъ дыханіе и сидя тихонько, какъ мышь. Послышался другой голосъ, видимо, отвѣчавшій первому, а затѣмъ

Змѣя высунула голову изъ расщелины камня...

снова заговорилъ первый, и я узналъ въ немъ голосъ Джона Сильвера. Онъ говорилъ что-то съ жаромъ и долго, только изрѣдка прерываемый своимъ товарищемъ. Судя по звуку голосовъ, разговоръ былъ серьезный, и голоса повышались иногда почти съ азартомъ, но словъ я не могъ разобрать. Наконецъ, они замолчали. Очень можетъ быть, что собесѣдники присѣли гдѣ-

нибудь, такъ какъ птицы мало-по-малу успокоились и опустились на болото.

Тогда я почувствовалъ угрызенія совѣсти за то, что не исполнялъ своихъ обязанностей. Ужъ если я оказался такъ безумно смѣлъ, что съѣхалъ на берегъ, то долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, хоть подслушать разговоръ матросовъ, замышлявшихъ противъ насъ, и тѣмъ, быть можетъ, спасти насъ отъ бѣды. И вотъ я рѣшилъ, скрываясь за густымъ кустарникомъ, поближе подобраться къ говорившимъ. Направленіе, гдѣ они находились, можно было точно опредѣлить не только по звуку ихъ голосовъ, но и потому, что нѣкоторыя птицы все еще не успокоились и продолжали тревожно кружиться—очевидно, надъ головами нарушившихъ ихъ покой людей. Я тихонько поползъ на голоса, пока, наконецъ, просунувъ голову между листвой деревьевъ, не увидѣлъ внизу, въ лощинѣ, окруженной деревьями, Джона Сильвера и еще одного матроса. Они сидѣли другъ противъ друга и вели горячую бесѣду. Солнце палило ихъ своими лучами. Сильверъ отбросилъ на землю свою шляпу, и его широкое, разгоряченное лицо было обращено къ собесѣднику почти съ мольбой.

— Дружище,—продолжалъ онъ,—вѣдь я дѣлаю это только потому, что привязался къ вамъ всей душой. Развѣ иначе я сталъ бы предупреждать васъ? Вѣдь я говорю тутъ съ вами только для того, чтобы спасти васъ. Какъ вы думаете, что сдѣлаютъ со мной товарищи, если узнаютъ, что я говорю вамъ объ этомъ?

— Сильверъ, — отвѣчалъ матросъ, и голосъ его звучалъ хрипло,—вы уже не молоды, вы честный человѣкъ, или по крайней мѣрѣ, васъ считаютъ такимъ; и у васъ есть деньги, которыхъ не бываетъ у простыхъ матросовъ. Къ тому же, вы храбрый человѣкъ, если я не ошибаюсь. И вдругъ вы говорите мнѣ, что связались съ этой толпой подлыхъ негодяевъ? Не можетъ быть! Нѣтъ, видитъ Богъ, скорѣе я соглашусь, чтобы мнѣ отняли руку, чѣмъ пойду съ ними заодно! Если я забуду свой долгъ...

Онъ вдругъ замолкъ, потому что послышался шумъ. Итакъ, на островѣ былъ честный матросъ, и не одинъ, какъ я сейчасъ узналъ: до болота донесся издалека гнѣвный крикъ, затѣмъ еще и, наконецъ, ужасный, раздирающій душу вопль, разбудившій эхо въ утесахъ «Подзорной трубы». Вся стая болотныхъ птицъ, вспугнутая крикомъ, снова поднялась изъ тростниковъ, за-

темняя небо и оглашая воздухъ безчисленными голосами. Затѣмъ кругомъ снова настала мертвая тишина, и только въ камышахъ слышалось шуршаніе отъ успокаивавшихся птицъ, да волны съ глухимъ шумомъ разбивались о далекій берегъ.

Томъ, какъ ужаленный, вскочилъ съ земли, но Сильверъ остался неподвиженъ, и ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ. Онъ продолжалъ стоять, слегка опираясь о костыль и слѣдя за своимъ товарищемъ взглядомъ змѣи, готовой броситься на свою жертву.

— Джонъ!—вскричалъ матросъ, простирая къ нему руки.

— Прочь руки!—сказалъ Сильверъ, отскакивая назадъ съ быстротой и ловкостью акробата.

— Хорошо, пусть будетъ по твоему, Джонъ Сильверъ! — отвѣчалъ матросъ.—Это ваша нечистая совѣсть заставляетъ васъ бояться меня. Но, во имя Неба, скажите же мнѣ, что тамъ случилось?

— Что случилось?—переспросилъ Сильверъ, насмѣшливо улыбаясь.—О, я увѣренъ, что это кричалъ Аланъ.

Бѣдный Томъ весь вспыхнулъ и выпрямился.

— Аланъ!—вскричалъ онъ.—Да найдетъ его душа покой и миръ! Онъ былъ честнымъ малымъ! Что же касается васъ, Джонъ Сильверъ, то, хоть и долго вы были моимъ другомъ, больше я не намѣренъ дружить съ вами. Лучше умру, какъ собака, но не измѣню своему долгу. Вѣдь, это вы убили Алана, не такъ ли? Ну, такъ убейте и меня, если можете. Я презираю васъ всей душой!

Съ этими словами честный матросъ повернулся спиной къ повару и направился къ берегу. Но далеко отойти ему не удалось. Съ крикомъ ухватился Джонъ рукой за сукъ дерева, взмахнулъ своимъ костылемъ и съ такой силой ударилъ имъ Тома по спинѣ, что тотъ со стономъ упалъ на землю. Неизвѣстно, былъ ли этотъ ударъ смертельнымъ, такъ какъ Сильверъ, не дожидаясь развязки, въ одну секунду очутился около матроса и, съ ловкостью обезьяны, всадилъ ему ножъ въ спину. Я слышалъ, какъ тяжело онъ дышалъ, нанося удары.

На нѣсколько мгновеній все кругомъ завертѣлось у меня передъ глазами: и Сильверъ, и птицы, и вершина «Подзорной трубы», а въ ушахъ раздался звонъ колокольчиковъ и смутныхъ голосовъ. Когда я пришелъ въ себя, злодѣй стоялъ уже,

какъ ни въ чемъ не бывало, со своимъ костылемъ подъ мышкой и со шляпой на головѣ. Передъ нимъ лежалъ безъ движенія Томъ. Но убійца даже не взглянулъ на него, вытирая свой окровавленный ножъ о траву. Ничто кругомъ не измѣнилось: солнце также безпощадно жгло болото, поднимая изъ него испаренія, и высокіе обнаженные утесы холмовъ; трудно было повѣрить, что здѣсь только что совершилось гнусное убійство.

Затѣмъ Джонъ опустилъ руку въ карманъ, вытащилъ оттуда свистокъ и нѣсколько разъ громко свистнулъ. Въ раскаленномъ тихомъ воздухѣ далеко разнеслись эти звуки сигнала,—какого я не зналъ, но во всякомъ случаѣ это возбудило во мнѣ опасенія. По всей вѣроятности, онъ сзывалъ свою шайку, и тогда я легко могъ быть найденъ. Эти негодяи уже убили двухъ честныхъ людей, Алана и Тома; можетъ быть, мнѣ суждено было сдѣлаться ихъ третьей жертвой?

Въ одно мгновеніе поползъ я на четверенькахъ назадъ, такъ быстро и безшумно, какъ только могъ, и, выбравшись на открытое мѣсто, пустился бѣжать. Сзади я слышалъ голоса разбойниковъ, перекликавшихся другъ съ другомъ, и эти звуки точно придали мнѣ крылья: я несся съ быстротой вѣтра, едва замѣчая направленіе, куда бѣжалъ, и страхъ мой, все увеличиваясь, превратился въ какой-то безумный ужасъ. Дѣйствительно, положеніе мое было трагично. Если бы раздался призывный выстрѣлъ съ корабля, неужели я былъ бы въ силахъ сѣсть въ одну лодку съ этими убійцами, руки которыхъ были еще покрыты дымящеюся кровью? И неужели первый же изъ нихъ не свернулъ бы мнѣ шеи, какъ только увидѣлъ бы меня? Уже самое мое отсутствіе служило бы для нихъ доказательствомъ моего страха, а слѣдовательно, и того, что мнѣ все извѣстно. Итакъ, для меня все было кончено! Прощай навсегда, «Испаньола», прощайте вы всѣ, сквайръ, докторъ и капитанъ! Мнѣ оставалось только умереть отъ голода или отъ руки бунтовщиковъ!

Въ то время, какъ такія мысли мелькали въ моей головѣ, я продолжалъ бѣжать, пока не очутился у подножія небольшого холма съ двумя утесами на вершинѣ; въ этой части острова дубы росли не такой густой чащей и болѣе походили своими размѣрами на деревья; въ перемежку съ ними стояли и сосны, футовъ въ пятьдесятъ или семьдесятъ высоты. Воздухъ здѣсь былъ чище и свѣжѣе, чѣмъ около болота.

Но тутъ меня ожидала новая опасность, отъ которой кровь застыла въ жилахъ.

XV. Островитянинъ.

Съ холма посыпался мелкій булыжникъ. Я невольно взглянулъ вверхъ и увидѣлъ какое-то существо, быстро подкрадывавшееся ко мнѣ, прячась за сосны. Я не могъ разобрать, были ли это медвѣдь, обезьяна или человѣкъ, а видѣлъ только, что оно было черное и косматое. Итакъ, я находился, такъ сказать, между двухъ огней: сзади были убійцы, а спереди—это невѣдомое страшилище. Но извѣстную опасность я сейчасъ же предпочелъ неизвѣстной: даже самъ Сильверъ казался мнѣ менѣе страшнымъ, чѣмъ этотъ лѣсной житель, и я, повернувъ назадъ, пустился бѣжать по направленію къ лодкамъ. Но странное существо, отъ котораго я спасался бѣгствомъ, снова очутилось передо мной, сдѣлавъ большой обходъ. Я былъ утомленъ, правда, но чувствовалъ, что если бы даже у меня были свѣжія силы, то не могъ бы состязаться въ быстротѣ съ моимъ противникомъ: точно лань, перебѣгалъ онъ отъ ствола къ стволу, но на двухъ ногахъ, какъ и человѣкъ.

Впрочемъ, въ другихъ отношеніяхъ онъ не походилъ на человѣка, по крайней мѣрѣ, ни на одного изъ тѣхъ, кого я до сихъ поръ видѣлъ. И все же это былъ человѣкъ, я не могъ въ этомъ сомнѣваться.

Я старался припомнить все, что слышалъ о людоѣдахъ, и уже собирался позвать на помощь, но мысль о томъ, что передо мной все-таки человѣческое существо, хотя бы и дикое, нѣсколько успокоила меня и вернула прежній страхъ къ Сильверу. Я остановился, выискивая средство защиты, и вдругъ вспомнилъ про пистолетъ. Тогда я пріободрился и пошелъ навстрѣчу къ этому неизвѣстному дикарю. Между тѣмъ онъ спрятался за стволъ дерева, откуда, вѣроятно, наблюдалъ за мной. Замѣтивъ, что я двинулся по направленію къ нему, онъ вышелъ изъ-за дерева и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ко мнѣ навстрѣчу. Затѣмъ онъ нерѣшительно остановился, отступилъ назадъ, снова двинулся ко мнѣ и, наконецъ, къ великому моему удивленію и смущенію, бросился передо мной на колѣни, съ мольбой протягивая ко мнѣ руки.

— Кто вы такой?—спросилъ я, останавливаясь въ недоумѣніи.

— Я Бенъ Гуннъ,—отвѣчалъ онъ страннымъ и хриплымъ голосомъ, напоминавшимъ звукъ ключа въ заржавленномъ замкѣ.—Я бѣдный Бенъ Гуннъ, да! И я ужъ цѣлыхъ три года не разговаривалъ ни съ единой человѣческой душой.

Теперь я видѣлъ, что это бѣлый человѣкъ такой же, какъ и я, и что у него даже пріятное лицо. Кожа на всемъ тѣлѣ была сожжена солнцемъ, и даже губы были чернаго цвѣта; тѣмъ замѣтнѣе выдѣлялись на этомъ темномъ фонѣ его свѣтлые глаза. Никогда еще ни на одномъ нищемъ не видалъ я такихъ страшныхъ лохмотьевъ, какъ у него. На нёмъ висѣли клочьями обрывки парусины и матросскаго платья, скрѣпленныхъ между собой цѣлой системой всевозможныхъ застежекъ въ видѣ мѣдныхъ пуговицъ, деревяшекъ, просмоленной веревки. Сверхъ этого жалкаго костюма красовался старый кожаный поясъ съ мѣдной пряжкой—единственная цѣльная вещь во всемъ его нарядѣ.

— Три года!—вскричалъ я.—Вѣрно вашъ корабль потерпѣлъ крушеніе?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—я—марронъ!

Я зналъ, что это значитъ: марронами назывались тѣ несчастные, которыхъ пираты, въ видѣ наказанія, высаживали на необитаемомъ островѣ съ небольшимъ количествомъ пороха и пуль.

— Да,—продолжалъ онъ,—три года уже живу я здѣсь на островѣ и питаюсь дикими козами, ягодами и устрицами. Вѣдь, человѣкъ способенъ жить вездѣ, куда только не занесетъ его судьба. Но моя душа стосковалась по настоящей ѣдѣ. У васъ нѣтъ случайно съ собой кусочка сыра? Конечно, нѣтъ! Ну вотъ, а знаете, я не одну ночь видѣлъ во снѣ сыръ, отличный, огромный сыръ, и просыпался опять здѣсь, на этомъ дикомъ островѣ!

— Если я опять попаду на корабль, то ужъ, конечно, достану вамъ сыру, сколько хотите!—сказалъ я.

Между тѣмъ незнакомецъ все время щупалъ матерію моей куртки, гладилъ мои руки, разглядывалъ мои сапоги и вообще выражалъ чисто дѣтскую радость, что видитъ передъ собою человѣческое существо. Но при послѣднихъ моихъ словахъ на его лицѣ отразилось хвастливое лукавство.

Онъ бросился передо мной на колѣни...

— Если вы опять попадете на вашъ корабль?—повторилъ онъ.—Кто же, вы думаете, помѣшаетъ вамъ это сдѣлать?

— Конечно, не вы!—отвѣчалъ я.

— Ну, понятно, не я, вы правы!—вскричалъ онъ.—А какъ васъ самого зовутъ?

— Джимъ!—сказалъ я.

— Джимъ, Джимъ!—повторилъ онъ, видимо, довольный.— Да, Джимъ, долго я велъ грубую, скверную жизнь, такъ что вамъ совѣстно было бы и узнать о ней. А вѣдь, глядя на меня, нельзя подумать, что моя мать была прекрасная, святая женщина?

— Да, немножко трудно!—согласился я.

— Между тѣмъ это такъ, она была необыкновенно набожна. И я также былъ учтивымъ, примѣрнымъ ребенкомъ, и такъ бойко и быстро отвѣчалъ катехизисъ, что нельзя было отдѣлить одно слово отъ другого. А потомъ и началось «это»— началось съ самой невинной дѣтской игры на улицѣ, но пошло дальше и дальше. Какъ убѣждала меня моя мать, эта святая женщина! Какъ предостерегала меня отъ зла! Но сама судьба толкала меня на опасный путь. Я много думалъ объ этомъ теперь, за эти три года, и горько каялся. Ужъ больше не буду пить рому или развѣ чуть-чуть, съ наперстокъ, чтобы только пожелать счастья. Я рѣшилъ уже, что буду вести себя хорошо. А знаете, Джимъ, — прибавилъ онъ, понижая голосъ до шопота, — вѣдь, я богатъ!

Я подумалъ, что бѣдняга немного помѣшался, сидя три года одинъ на островѣ, и, должно быть, на моемъ лицѣ слишкомъ ясно выразилось мое недовѣріе, потому что онъ съ жаромъ повторилъ:

— Я богатъ, очень богатъ, говорю вамъ! И я скажу вамъ вотъ что: я сдѣлаю изъ васъ человѣка, Джимъ. Да, вы будете благословлять Небо за то, что вы первый нашли меня!

Но на лицо его неожиданно набѣжала легкая тѣнь и, схвативъ мою руку, онъ угрожающе поднялъ вверхъ указательный палецъ и спросилъ:

— Скажите чистую правду, Джимъ: это не корабль Флинта пріѣхалъ сюда?

Тогда мой умъ осѣнила мысль, что изъ этого одичавшаго человѣка мы можемъ сдѣлать себѣ союзника.

— Нѣтъ, это корабль не Флинта,—отвѣчалъ я,—и самъ Флинтъ уже умеръ. Но, сказать по правдѣ, у насъ на кораблѣ есть нѣсколько человѣкъ изъ его шайки, и это, можетъ быть, погубитъ насъ!

— А есть человѣкъ... съ одной ногой?—пробормоталъ онъ.

— Сильверъ?—спросилъ я.

— Сильверъ? Да, его звали Сильверомъ!

— Онъ у насъ корабельный поваръ и къ тому же главный зачинщикъ безпорядковъ!

Незнакомецъ все еще продолжалъ держать меня за руку и теперь сильно сжалъ ее.

— Если васъ послалъ Долговязый Джонъ, — проговорилъ онъ,—то я погибъ, я знаю это!

Я разсказалъ ему въ нѣсколькихъ словахъ всю исторію нашего плаванія и то положеніе, въ которомъ мы очутились. Онъ слушалъ меня съ живѣйшимъ интересомъ и по окончаніи разсказа погладилъ по головѣ.

— Вы славный малый, Джимъ,—сказалъ онъ,—и попали въ такое непріятное положеніе! Но можете довѣриться Бену Гунну. Какъ вы думаете, будетъ вашъ сквайръ великодушенъ съ человѣкомъ, который поможетъ ему выпутаться изъ бѣды, въ которую онъ теперь попалъ?

Я отвѣтилъ, что сквайръ вообще отличается замѣчательнымъ великодушіемъ и щедростью.

— А, видите ли,—продолжалъ Бенъ Гуннъ,—я подъ щедростью не подразумѣваю какого-нибудь лакейскаго мѣста. Нѣтъ, это не для меня, Джимъ. Я думаю, окажется ли онъ такъ щедръ, чтобы дать мнѣ, ну, скажемъ, тысячу фунтовъ стерлинговъ изъ тѣхъ денегъ, которыя я привыкъ считать своими?

— Я увѣренъ, что онъ сдѣлаетъ это, — сказалъ я. — Онъ собирался одѣлить всѣхъ матросовъ!

— А онъ доставитъ меня домой?—спросилъ онъ, пристально глядя на меня.

— Какъ же иначе!—вскричалъ я.—Вѣдь, сквайръ—настоящій джентльменъ. Да и если намъ удастся избавиться отъ остальныхъ матросовъ, то вы будете даже нужны намъ на кораблѣ!

— А, вы такъ думаете?—проговорилъ онъ, видимо, успокоившись.—А теперь я кое-что разскажу вамъ, — продолжалъ онъ.—Я былъ на кораблѣ Флинта, когда онъ пріѣзжалъ сюда зарывать свои сокровища. Съ нимъ было еще шесть человѣкъ— шесть завзятыхъ моряковъ. Они пробыли на этомъ островѣ около недѣли, а мы оставались на кораблѣ. Въ одинъ прекрасный день поданъ былъ сигналъ, и Флинтъ одинъ вернулся на корабль на маленькой лодочкѣ; голова его была повязана синимъ

платкомъ, и при заходящемъ солнцѣ онъ выглядѣлъ мертвенно блѣднымъ. Да, онъ вернулся одинъ, а остальные шестеро были, значитъ, убиты. Какъ ему удалось это—никто изъ насъ никогда не узналъ. Билли Бонсъ былъ тогда штурманомъ, Долговязый Джонъ—боцманомъ. Они добивались у него, гдѣ онъ спряталъ сокровища, а онъ отвѣчалъ:—«Можете сами отправляться на берегъ, если угодно, и искать тамъ, но корабль не станетъ дожидаться васъ, чортъ возьми!»—Вотъ, что онъ отвѣтилъ имъ. Да, и вотъ три года спустя послѣ этого я былъ на другомъ кораблѣ въ этихъ мѣстахъ и сказалъ товарищамъ, когда завидѣлъ издали этотъ островъ:—«Вотъ здѣсь Флинтъ зарылъ свои сокровища; сойдемъ-ка на берегъ и поищемъ ихъ».—Капитану не понравилось это, но всѣ мои корабельные товарищи были со мной заодно, и мы причалили таки сюда. Двѣнадцать дней искали мы клада, и все напрасно. На мнѣ остальные вымѣщали свою досаду, а въ одно прекрасное утро всѣ уѣхали на корабль, бросивъ меня здѣсь одного.

— Вотъ вамъ ружье, Бенъ Гуннъ,—сказали они,—и заступъ, и ломъ: можете оставаться тутъ и разыскивать себѣ на здоровье кладъ Флинта».—И вотъ, Джимъ, я живу здѣсь уже цѣлыхъ три год- и за все это время не видалъ настоящей человѣческой пищи. А теперь, взгляните-ка на меня хорошенько. Похожъ я на простого матроса? Нѣтъ, вы говорите? Ну да, и никогда не былъ похожъ на него, увѣряю васъ!

Говоря это, онъ кивнулъ головой и больно ущипнулъ меня за руку.

— Такъ передайте и вашему сквайру,—продолжалъ Бенъ Гуннъ,—что «онъ никогда не походилъ на простого матроса». И еще скажите ему: «Три года онъ былъ одинъ (на этомъ островѣ), видалъ и солнце, и ненастье, и дождь, и бурю. Случалось ему думать и о молитвѣ (да, такъ вы ему и скажите), и о своей старухѣ-матери, точно она еще жива (такъ и скажите), но чаще всего и больше всего занятъ былъ Бенъ Гуннъ совсѣмъ другимъ. И при этомъ вы ущипните его вотъ такъ, какъ я дѣлаю.

И онъ самымъ дружескимъ образомъ опять ущипнулъ мою руку.

— Затѣмъ, — продолжалъ онъ, — вы скажете еще такъ: «Гуннъ—добрый человѣкъ и понимаетъ, какая огромная разница

(такъ и скажите огромная разница) между настоящимъ джентльменомъ и «джентльменомъ удачи», какимъ я и былъ раньше!

— Хорошо,—сказалъ я,—но я не все понялъ изъ того, что вы сказали. Впрочемъ, это все равно, потому что, вѣдь, я не могу попасть на корабль!

— О, почему же не попасть на корабль? У меня есть лодка, которую я сдѣлалъ самъ вотъ этими руками. Я держу ее тутъ, за бѣлой скалой. Въ худшемъ случаѣ, мы можемъ отплыть, когда уже стемнѣетъ. Тс!—проговорилъ онъ вдругъ.—Что это такое?

Хотя до заката солнца оставалось еще около двухъ часовъ, раздался оглушительный пушечный выстрѣлъ, эхомъ отдавшійся по всему острову.

— Начали стрѣлять!—вскричалъ я.—Это битва! Идите за мной!

И я бросился къ мѣсту стоянки нашей шкуны, забывъ свой прежній страхъ. Около меня, не отставая ни на шагъ, бѣжалъ Бенъ Гуннъ.

Онъ все время болталъ на-бѣгу, не получая отъ меня отвѣтовъ, да и не дожидаясь ихъ.

Послѣ пушечнаго выстрѣла, спустя довольно долгое время, послышался залпъ изъ ружей, и затѣмъ снова все стихло. Вдругъ въ четверти мили разстоянія отъ насъ я увидѣлъ англійскій флагъ, развѣвавшійся надъ лѣсомъ.

ЧАСТЬ IV.

ЧАСТОКОЛЪ.

XVI. Какъ была покинута шкуна. (Разсказъ доктора).

Около половины второго двѣ шлюпки отчалили отъ «Испаньолы». Капитанъ, сквайръ и я сидѣли въ каютѣ и бесѣдовали. Если бы дулъ хоть легкій вѣтеръ, мы напали бы на тѣхъ шестерыхъ матросовъ, которые оставались на шкунѣ, снялись съ якоря и пустились бы въ открытое море. Но вѣтра не было, да и, къ довершенію несчастья. въ каюту явился Гунтеръ съ извѣстіемъ,

что Джимъ Гаукинсъ незамѣтно проскользнулъ въ одну изъ лодокъ и былъ, слѣдовательно, на берегу. Намъ и въ голову не пришло подозрѣвать его въ измѣнѣ, но насъ безпокоило, что съ нимъ будетъ. Отъ такихъ негодяевъ, съ какими онъ отправился на островъ, можно было ожидать всего, и мы почти не надѣялись снова увидѣть бѣднаго мальчика.

Мы поспѣшили на палубу. Жара стояла такая, что смола между досками растапливалась. Отъ дурного болотнаго воздуха мнѣ стало почти дурно. Здѣсь, очевидно, было гнѣздо лихорадки. Шестеро оставленныхъ на шкунѣ матросовъ сидѣли подъ парусомъ, въ носовой части палубы, ворча себѣ что-то подъ носъ. Около берега, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ море впадалъ ручей, стояли двѣ шлюпки и въ каждой было по матросу; одинъ изъ нихъ напѣвалъ пѣсню.

Ждать стало невыносимо. И вотъ рѣшено было, что я съ Гунтеромъ съѣздимъ на островъ на лодкѣ, чтобы разузнать о положенiи дѣлъ. Мы направились прямо къ форту, обозначенному на картѣ; шлюпки остались влѣво отъ насъ. Матросы, сидѣвшiе въ нихъ, видимо, встревожились при видѣ насъ; пѣсня смолкла, и они стали о чемъ-то совѣщаться. Если бы они побѣжали предупредить о насъ Сильвера, все могло бы выйти иначе; но, должно быть, они получили строгiй приказъ не оставлять лодокъ, потому что не тронулись съ мѣста, и даже одинъ снова затянулъ пѣсню.

На берегу былъ небольшой мысъ, и я причалилъ такъ, чтобы онъ какъ разъ пришелся между нашей лодкой и шлюпками. Выскочивъ на землю, я обвязалъ голову шелковымъ платкомъ во избѣжанiе солнечнаго удара и, съ заряженными пистолетами въ рукахъ, быстро пошелъ вглубь острова. Мнѣ не пришлось пройти и сто ярдовъ, какъ уже я очутился передъ фортомъ. Онъ стоялъ на вершинѣ небольшого холма, съ котораго сбѣгалъ чистый ручей. Это была прочная бревенчатая постройка, въ которой могло помѣститься человѣкъ сорокъ. Съ каждой стороны находились бойницы, черезъ которыя можно было стрѣлять изъ ружей. Кругомъ расчищено было нѣкоторое пространство, и кромѣ того фортъ былъ окруженъ частоколомъ въ шесть футовъ вышины и безъ калитки или какого-нибудь отверстiя; требовалось не мало труда и времени, чтобы перелѣзть черезъ него, и съ другой стороны осаждающiе не могли спрятаться за нимъ. Итакъ,

тѣ, которые находились въ фортѣ, могли прекрасно видѣть приближавшагося непріятеля и стрѣлять въ него, оставаясь въ то же время подъ защитою. Можно было бы выдержать такимъ образомъ нападеніе хотя бы цѣлаго полка, если бы только запастись достаточнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ и превосходныхъ винъ; но недоставало одного—у насъ не было воды.

Пока я соображалъ все это, на островѣ раздался раздирающій крикъ предсмертной агоніи. Хотя мнѣ много разъ приходилось видѣть, какъ умираютъ люди (я служилъ подъ начальствомъ герцога Кумберлэндскаго и самъ былъ раненъ при Фонтенуа), но отъ этого крика кровь застыла у меня въ тѣлѣ.

— Это умираетъ Джимъ Гаукинсъ!—мелькнуло у меня въ головѣ.

Но не даромъ же я былъ старымъ солдатомъ, а къ тому же еще и докторомъ: въ нашемъ дѣлѣ поневолѣ пріучаешься дорожить каждой секундой. Вотъ почему въ моей головѣ моментально созрѣлъ планъ дѣйствій, и я, не теряя времени, вернулся къ берегу и вскочилъ въ лодку. На мое счастье Гунтеръ былъ отличнымъ гребцомъ. Лодка такъ и неслась по водѣ, и мы очень скоро были уже опять на шкунѣ. Я нашелъ всѣхъ въ сильномъ волненіи, что было вполнѣ естественно. Добрый сквайръ сидѣлъ блѣдный, какъ мѣлъ, негодуя на себя за то, что онъ подвергъ насъ такой опасности. Одинъ изъ шести матросовъ тоже почувствовалъ себя, повидимому, очень скверно.

— Вотъ этому молодцу,—сказалъ капитанъ Смоллетъ, кивая на него головой,—еще въ диковинку такія вещи. Съ нимъ едва не сдѣлался обморокъ, когда онъ услыхалъ крикъ. Еще немного, докторъ, и онъ будетъ нашъ!

Я сообщилъ капитану планъ, и мы вдвоемъ стали обсуждать всѣ подробности его выполненія.

Мы поставили старика Редрута въ проходѣ между каютой и носовой частью и снабдили его четырьмя заряженными ружьями и матрасомъ, чтобы загородить входъ. Гунтеръ подвелъ лодку къ кормовому окну, и я съ Джойсомъ принялись за работу, нагружая ее порохомъ, ружьями, сухарями, ветчиной, боченкомъ коньяку и моимъ драгоцѣннымъ ящикомъ съ лекарствами.

Въ это время сквайръ и капитанъ оставались на палубѣ.

— М-ръ Гандсъ,—обратился капитанъ къ боцману, который былъ старшимъ среди матросовъ.—Насъ здѣсь двое и у

каждаго по парѣ пистолетовъ. Если кто-нибудь изъ васъ подастъ сигналъ на островъ, онъ будетъ убитъ на мѣстѣ.

Матросы нѣкоторое время пошептались между собою, затѣмъ, одинъ за другимъ, бросились къ переднему люку, собираясь, вѣроятно, напасть на насъ сзади. Но, когда они увидѣли въ проходѣ Редрута, изъ люка снова показалась голова одного изъ нихъ.

— Прочь, собака!—крикнулъ капитанъ. Голова скрылась, и на нѣкоторое время мы избавились отъ этихъ трусливыхъ моряковъ.

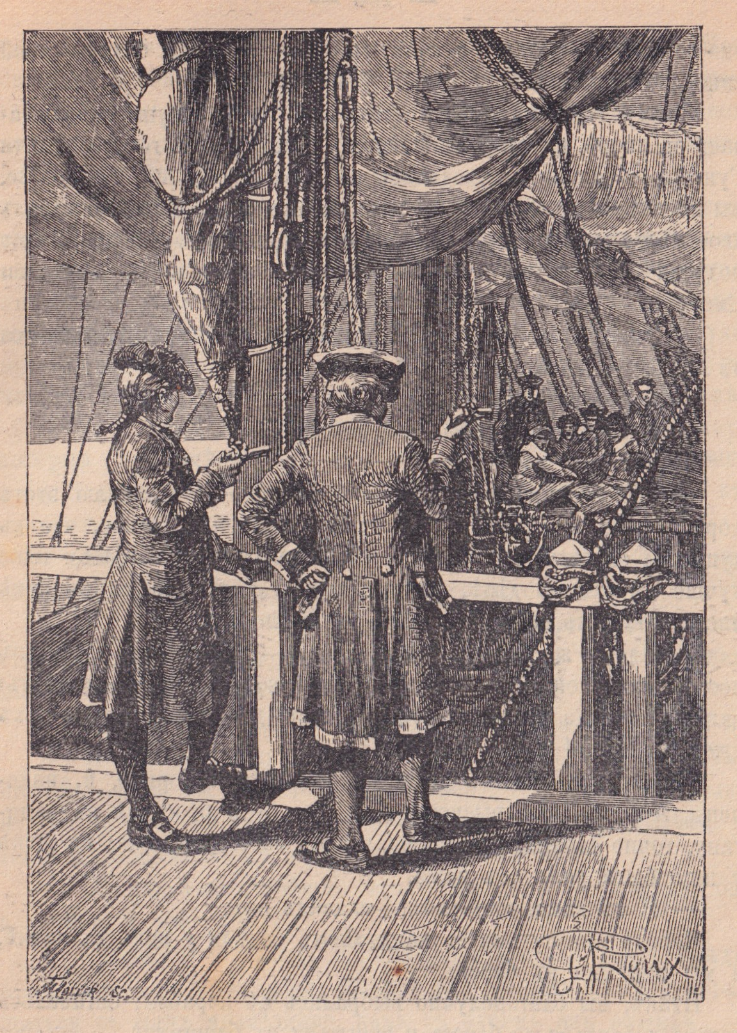
Между тѣмъ лодка была нагружена такимъ количествомъ вещей, какое только могло въ нее помѣститься. Затѣмъ мы съ Джойсомъ и Гунтеромъ спустились въ нее и поплыли къ берегу такъ быстро, какъ только могли.

Это второе путешествіе обратило еще больше вниманія матросовъ, сторожившихъ шлюпки. Пѣсня снова прервалась, и раньше, чѣмъ шлюпки скрылись изъ виду за маленькимъ мыскомъ на берегу, одинъ изъ матросовъ выскочилъ на берегъ. Одну секунду я колебался, не уничтожить ли мнѣ лодки, но побоялся, что Сильверъ, пожалуй, недалеко отъ берега, и что промедленіе обойдется намъ слишкомъ дорого.

Мы причалили къ тому же мѣсту, какъ и прежде, и стали перетаскивать запасы къ дому. Первую порцію мы только перебросили черезъ заборъ и оставили Джойса стеречь вещи, снабдивъ его полдюжиной ружей. Я же съ Гунтеромъ снова вернулись къ лодкѣ и взвалили себѣ на плечи столько вещей, сколько только могли снести. Такъ перебѣгали мы отъ берега къ дому и обратно, пока не перетаскали подъ крышу всѣхъ вещей. Тогда я оставилъ въ домѣ Джойса и Гунтера, а самъ вернулся на «Испаньолу».

Мнѣ хотѣлось нагрузить лодку второй разъ. На самомъ дѣлѣ это не было такимъ рискомъ, какъ казалось на первый взглядъ, такъ какъ, хотя насъ было немного, но зато у насъ было оружіе, и это давало намъ преимущество передъ нашими противниками. Ни у одного матроса на берегу не было ружья, а только пистолеты, и раньше, чѣмъ они подошли бы къ намъ на разстояніе пистолетнаго выстрѣла, мы успѣли бы убить нѣсколько человѣкъ выстрѣлами изъ ружей.

Сквайръ поджидалъ меня у кормового окна. Къ нему вер-

— Если кто-нибудь изъ васъ подастъ сигналъ, онъ будетъ убитъ...

нулась его всегдашняя бодрость. Притянувъ брошенный мною канатъ, онъ привязалъ лодку, и мы стали нагружать ее припасами: ветчиной, сухарями и порохомъ; захватили также по одному ружью и кортику для меня, сквайра, Редрута и капитана. Остальное оружіе мы бросили въ воду, на глубинѣ двухъ съ половиной саженъ; сквозь прозрачную воду видно было, какъ

оно лежало на чистомъ песчаномъ днѣ, сверкая на солнцѣ своей синеватой сталью.

Между тѣмъ начинался отливъ, и наша шкуна заколыхалась на якорѣ. Со стороны шлюпокъ послышались голоса, и хотя Гунтеръ и Джойсъ находились въ другой сторонѣ, восточнѣе, мы поспѣшили двинуться къ нимъ на помощь. Редрутъ оставилъ свое мѣсто въ проходѣ и вскочилъ въ лодку, которую мы затѣмъ подвели къ другой сторонѣ судна, чтобы взять капитана Смоллета.

— Эй, ребята!—обратился онъ къ матросамъ, спрятавшимся въ люкъ.—Слышите вы меня?

Изъ люка не было отвѣта.

— Я говорю это вамъ, Абрамъ Грей!

Опять все было тихо.

— Грей!—крикнулъ капитанъ громче.—Я оставляю этотъ корабль и приказываю вамъ ѣхать со мной. Я знаю, что въ душѣ вы славный малый, да и остальные ваши товарищи тоже лучше на самомъ дѣлѣ, чѣмъ кажутся. Вотъ у меня въ рукѣ часы: даю вамъ на размышленіе тридцать секундъ!

— Идемъ же скорѣе, другъ мой! — продолжалъ капитанъ послѣ небольшой паузы.—Не заставляйте насъ такъ долго ждать: каждая секунда увеличиваетъ опасность для жизни моей и тѣхъ джентльменовъ!

Тогда подъ люкомъ послышалась глухая борьба, и, наконецъ, Абрамъ Грей выскочилъ на палубу и бросился къ капитану, точно собака, услышавшая зовъ своего хозяина; на щекѣ у него была рана отъ ножа.

— Я съ вами, капитанъ!—сказалъ онъ.

Черезъ минуту они съ капитаномъ сидѣли у насъ въ лодкѣ, и мы поплыли къ берегу.

Итакъ, мы благополучно выбрались съ корабля; оставалось только добраться до берега и скрыться въ блокгаузѣ.

XVII. Въ лодкѣ (Разсказъ доктора).

Лодка была слишкомъ нагружена: въ ней сидѣло пятеро человѣкъ—изъ нихъ трое (сквайръ, Редрутъ и капитанъ) больше шести футовъ росту; кромѣ того, много всякаго груза, какъ-то: окорока, мѣшки съ сухарями, порохъ. Поэтому она сидѣла очень

глубоко въ водѣ, и насъ по временамъ заливало водою. Мои башмаки и концы сюртука скоро стали совсѣмъ мокрые. Капитанъ распредѣлилъ грузъ нѣсколько иначе, и тогда стало лучше, хотя мы все же боялись не только шевелиться, но и дышать, чтобы не потопить лодку.

Съ другой стороны, начинался отливъ, и сильное теченіе направлялось къ западу черезъ тотъ узкій проливъ, по которому мы вошли утромъ въ бухту. Уже не говоря о томъ, что самая ничтожная зыбь могла опрокинуть нашу неустойчивую лодку, теченіе относило насъ въ сторону отъ того мѣста на берегу, куда мы собирались пристать, и гнало къ самымъ шлюпкамъ, гдѣ съ минуты на минуту могли появиться пираты. Я сидѣлъ на рулѣ.

— Я не могу держать на блокгаузъ!—сказалъ я капитану, который гребъ вмѣстѣ съ Редрутомъ.—Руль не слушается меня, и лодку относитъ отливомъ. Не можете ли вы грести сильнѣе въ одну сторону?

— Нѣтъ, это невозможно!—отвѣчалъ капитанъ.—Тогда мы потопимъ лодку. Правьте, пока не пересилите теченія!

Я изо всѣхъ силъ налегъ на руль, направляя лодку къ востоку, но ее продолжало относить къ западу, и въ концѣ концовъ мы поплыли параллельно берегу.

— Мы такъ никогда не попадемъ на островъ!—сказалъ я.

— Но иначе мы ничего не можемъ сдѣлать!—отвѣтилъ капитанъ.—Если мы отклонимся въ сторону, то рискуемъ натолкнуться на шлюпки. Теченіе должно скоро сдѣлаться слабѣе, и тогда мы причалимъ къ берегу, повернувъ назадъ!

— Теченіе уже слабѣетъ, сэръ,—сказалъ Грей,—можно бы и повернуть уже лодку!

— Спасибо!—отвѣчалъ я спокойно и ласково, точно между нами ничего не произошло: мы всѣ еще раньше рѣшили обращаться съ нимъ привѣтливо, какъ съ однимъ изъ нашихъ.

Вдругъ капитанъ обернулся и сказалъ слегка измѣнившимся голосомъ:

— Пушка!

— Я уже имѣлъ это въ виду,—замѣтилъ я, думая, что онъ говоритъ о бомбардировкѣ форта.—Но вѣдь они не могутъ переправить пушку на берегъ, а если бы даже и доставили ее на островъ, то имъ не перетащить ее черезъ лѣсъ!

— Взгляните на корму шкуны, докторъ!—коротко сказалъ капитанъ.

Мы совсѣмъ забыли про пушку и теперь съ ужасомъ увидѣли, что шестеро матросовъ суетились около нея, снимая съ нея «куртку», какъ они называютъ ея просмоленный парусинный чехолъ, который надѣвается во время плаванья. Въ моей головѣ съ быстротою молніи мелькнула мысль, что мы оставили тамъ же и порохъ, такъ что негодяямъ легко будетъ зарядить пушку.

— Израиль былъ пушкаремъ у Флинта!—хрипло произнесъ Грей.

Я направилъ лодку къ тому мѣсту на берегу, куда уже два раза причаливалъ раньше: это было нетрудно сдѣлать, такъ какъ теченіе значительно ослабѣло. Но за то мы были обращены теперь къ «Испаньолѣ» не кормой, а бортомъ, такъ что представляли очень удобную мишень для стрѣльбы. Я могъ не только видѣть, но и слышать, какъ широколицый негодяй, Израиль Гандсъ, катилъ по палубѣ ядро.

— Кто изъ васъ лучше стрѣляетъ?—спросилъ капитанъ.

— Трелоней, безъ всякаго сомнѣнія!—отвѣтилъ я.

— Въ такомъ случаѣ, не желаете ли вы, сэръ, подстрѣлить одного изъ тѣхъ матросовъ на палубѣ? Если можно, то Гандса!—сказалъ капитанъ.

Трелоней, сохраняя полное присутствіе духа, хладнокровно осмотрѣлъ курокъ своего ружья.

— Только осторожнѣе, сэръ,—вскричалъ капитанъ,—а то вы перевернете лодку. И вы всѣ, господа, будьте наготовѣ, чтобы поддержать равновѣсіе лодки!

Сквайръ прицѣлился, гребцы оставили весла, и всѣ мы отклонились, чтобы поддержать равновѣсіе; все это было сдѣлано осторожно и предусмотрительно, такъ что лодка не зачерпнула ни капли воды.

Между тѣмъ матросы уже повернули пушку на оси, и Гандсъ, стоявшій около жерла ея, съ банникомъ въ рукахъ, выступалъ впереди болѣе другихъ. Но когда Трелоней выстрѣлилъ, онъ въ эту секунду нагнулся, такъ что пуля просвистѣла надъ его головой и попала въ одного изъ его товарищей. Раздался крикъ, которому вторили не только съ палубы, но и много голосовъ на берегу.

Сквайръ прицѣлился...

Оглянувшись въ ту сторону, я увидѣлъ толпу пиратовъ, которые торопились къ своимъ лодкамъ.

— Шлюпки сейчасъ отчалятъ, капитанъ!— вскричалъ я.

— Правьте къ берегу,—отвѣчалъ онъ. — Все равно, пристанемъ и къ болоту. Если не причалимъ, то навѣрное погибнемъ!

— Одна изъ лодокъ плыветъ сюда,—сказалъ я,—а матросы

съ другой лодки, вѣроятно, хотятъ отрѣзать намъ отступленіе и бѣгутъ по берегу.

— Ну, въ такомъ случаѣ имъ не мало придется потрудиться,—замѣтилъ капитанъ,—потому что матросъ на землѣ не отличается проворствомъ, это всѣмъ извѣстно. Я не этого боюсь, а пушки. Скажите намъ, сквайръ, когда они поднесутъ къ ней фитиль: тогда мы дадимъ лодкѣ другое направленіе!

Между тѣмъ мы довольно быстро приближались къ берегу, несмотря на огромный грузъ лодки, и оставалось до него какихъ-нибудь тридцать или сорокъ взмаховъ веслами. Шлюпка же не представляла для насъ опасности, потому что насъ раздѣлялъ небольшой мысокъ. Отливъ, замедлявшій ходъ нашей лодки, представлялъ теперь неудобство только для нашихъ противниковъ. Единственное, чего можно было опасаться,—это была пушка.

— Хорошо бы остановиться и подстрѣлить еще одного изъ нихъ,—проговорилъ капитанъ.—Но это было бы слишкомъ неосторожно и рискованно!

Было очевидно, что ничто не остановитъ негодяевъ отъ исполненія ихъ намѣренія и не помѣшаетъ имъ выстрѣлить изъ пушки. Они даже не обращали никакого вниманія на ихъ раненаго товарища. Онъ не былъ убитъ наповалъ, и я видѣлъ, какъ онъ пытался отползти отъ пушки.

— Они стрѣляютъ!—вскричалъ сквайръ.

— Назадъ!—сейчасъ же, какъ эхо, воскликнулъ капитанъ.

И они съ Редрутомъ такъ сильно затабанили веслами, что корма лодки погрузилась въ воду. Въ ту же секунду грянулъ выстрѣлъ. Это былъ первый выстрѣлъ, который услышалъ Джимъ такъ какъ до него не донесся звукъ выстрѣла сквайра. Куда упало ядро, этого никто изъ насъ точно не видѣлъ, но я думаю, что оно пронеслось надъ нашими головами, произведя сильное сотрясеніе воздуха, что насъ и погубило. Во всякомъ случаѣ, наша лодка погрузилась въ воду. Глубина въ этомъ мѣстѣ равнялась всего тремъ футамъ, и я съ капитаномъ прямо встали на ноги, остальные же нырнули и выбрались изъ воды совсѣмъ мокрые съ ногъ до головы.

Особеннаго несчастья въ этомъ еще не было, и мы цѣлыми и невредимыми добрались до берега. Но всѣ наши припасы лежали на днѣ моря, и самое главное—изъ пяти ружей остались всего два: я поднялъ свое ружье въ минуту опасности съ колѣнъ,

гдѣ оно лежало, и держалъ надъ головой, а капитанъ, какъ предусмотрительный человѣкъ, держалъ свое ружье за плечами на ремнѣ, замкомъ вверхъ. Остальныя три ружья затонули вмѣстѣ съ лодкой.

Къ довершенію бѣды, мы слышали, какъ голоса въ лѣсу становились все болѣе и болѣе слышными. Можно было опасаться какъ того, что насъ отрѣжутъ отъ форта, такъ и нападенія на Джойса и Гунтера, которые могли не выдержать натиска превышавшаго ихъ своею численностью непріятеля. На Гунтера можно было вполнѣ положиться, такъ какъ это былъ твердый и смѣлый человѣкъ, но Джойсъ—этотъ типичный лакей, съ пріятными и учтивыми манерами, искусно чистившій платье,—мало походилъ на храбраго воина, умѣющаго выдержать натискъ.

Съ такими невеселыми и безпокойными мыслями въ головѣ мы торопливо пробирались по водѣ къ берегу, оставляя позади себя нашу бѣдную лодку съ доброй половиной всего нашего пороха и съѣстныхъ припасовъ.

XVIII. Конецъ перваго дня схватки (Разсказъ доктора).

Выйдя на берегъ, мы поспѣшили опушкой лѣса къ форту. Съ каждымъ шагомъ голоса разбойниковъ слышались громче, и, наконецъ, можно было разслышать топотъ бѣгущихъ ногъ и трескъ вѣтвей. Я понялъ, что намъ предстоитъ нешуточное дѣло, и обратился къ капитану:

— Капитанъ, у Трелонея ружье разряжено. Дайте ему ваше!

Они обмѣнялись ружьями, и Трелоней, спокойный и хладнокровный, остановился на секунду, чтобы осмотрѣть, все ли въ порядкѣ у новаго ружья. Замѣтивъ, что Грей безоруженъ, я отдалъ ему свой кортикъ, и весело было смотрѣть, какъ онъ радостно схватилъ его, поплевалъ на руки и, нахмуривъ брови, взмахнулъ клинкомъ по воздуху. Видно было, что онъ собирался не посрамить себя.

Вскорѣ лѣсъ кончился, и передъ нами открылся фортъ. Мы бросились къ южной сторонѣ частокола, и въ ту же секунду изъ-за юго-западнаго угла его съ громкими криками выскочило семь бунтовщиковъ съ Андерсономъ во главѣ. Увидѣвъ насъ, они на мгновеніе остановились, точно застигнутые врасплохъ, такъ что не только мы со сквайромъ, но и Гунтеръ, и Джойсъ

изъ блокгауза успѣли выстрѣлить. Раздался цѣлый залпъ изъ четырехъ ружей, и одинъ изъ разбойниковъ упалъ, а остальные обратили тылъ и скрылись въ лѣсу. Зарядивъ ружья, мы обошли палисадъ, чтобы взглянуть на упавшаго человѣка. Онъ былъ убилъ наповалъ: пуля попала прямо въ сердце. Мы уже начали радоваться нашему успѣху, какъ вдругъ изъ- кустовъ раздался пистолетный выстрѣлъ, пуля просвистѣла около самаго моего уха, и Томъ Редрутъ, пошатнувшись, упалъ на землю. Мы со сквайромъ сейчасъ же отвѣтили выстрѣлами, но такъ какъ въ кустахъ ничего нельзя было разобрать, то мы, по всей вѣроятности, только даромъ потратили порохъ. Тогда, снова зарядивъ ружья, мы обернулись къ бѣдному Тому. Капитанъ и Грей осматривали его рану, и я издали уже увидѣлъ, что дѣло было плохо.

Должно быть, второй залпъ нашихъ ружей устрашилъ мятежниковъ, потому что намъ удалось безъ дальнѣйшихъ помѣхъ съ ихъ стороны донести раненаго доѣзжачаго до блокгауза и положить въ домъ. Бѣдный старый товарищъ! Онъ ни разу не произнесъ ни одной жалобы съ тѣхъ поръ, какъ начались наши смуты, и до этой минуты, когда мы положили его въ домъ умирать. Онъ держалъ себя, какъ герой, въ корридорѣ шкуны, позади матраца, загораживавшаго проходъ. Каждое приказанiе исполнялъ онъ вѣрой и правдой, не противорѣча ни однимъ словомъ. Онъ былъ лѣтъ на двадцать старше самаго стараго изъ насъ. И вотъ теперь этотъ вѣрный слуга долженъ былъ умереть!

Сквайръ опустился около него на колѣни, поцѣловалъ его руку и заплакалъ, какъ ребенокъ.

— Докторъ, я умру?—спросилъ Томъ.

— Да, дорогой мой,—отвѣтилъ я,—вамъ не поправиться!

— Хотѣлось бы мнѣ пустить имъ еще одну пулю!—прошепталъ умирающiй.

— Томъ,—со слезами проговорилъ сквайръ, — можете вы простить мнѣ, что я былъ невольной причиной вашей смерти?

— Что вы, что вы, сквайръ, за что вамъ просить у меня прощенiя? Но ужъ если непремѣнно хотите, то пусть будетъ по вашему! Аминь!

Черезъ нѣсколько минутъ онъ попросилъ, чтобы кто-нибудь прочелъ молитву.

— Такъ ужъ обыкновенно дѣлается!—сказалъ онъ, точно извиняясь.

А немного спустя послѣ этого, онъ тихо скончался, не проговоривъ болѣе ни одного слова.

За это время капитанъ, у котораго, какъ я давно замѣтилъ, грудь и карманы подозрительно оттопыривались, вытащилъ оттуда цѣлую массу вещей. Здѣсь были англійскіе флаги, библія, клубокъ крѣпкой веревки, перо, чернила, корабельный журналъ, свертки табаку. Отыскавъ на дворѣ длинный шестъ, онъ, при помощи Гунтера, укрѣпилъ его на домѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ бревна скрещивались, образуя уголъ. Затѣмъ онъ влѣзъ на крышу и собственными руками привязалъ и расправилъ англійскій флагъ. Сдѣлавъ это, онъ, видимо, успокоился, вернулся въ домъ и началъ разбирать вещи, точно для него не существовало ничего болѣе важнаго. Впрочемъ, это не мѣшало ему наблюдать издали и за умиравшимъ Редрутомъ, и, какъ только тотъ скончался, капитанъ принесъ другой флагъ и покрылъ имъ тѣло.

— Не горюйте такъ, сэръ, — сказалъ онъ, пожимая руку сквайру.—Ему теперь хорошо. Кто умираетъ, исполняя свой долгъ по отношенію къ другимъ, за того нечего бояться. Эта смерть—святая!

Затѣмъ онъ отвелъ меня въ сторону.

— Докторъ Лайвесей,—сказалъ онъ,—черезъ сколько недѣль вы и сквайръ ожидаете вспомогательный корабль?

Я отвѣтилъ, что пріѣзда этого судна нужно ожидать не только недѣли, но и цѣлые мѣсяцы, такъ какъ Блэнди собирался посылать за нами только въ томъ случаѣ, если бы мы не вернулись къ августу; раньше же нечего и надѣяться.

— Вы можете сами разсчитать, на какой ближайшій срокъ можемъ мы надѣяться!—прибавилъ я.

— Ну, такъ я вамъ скажу,—проговорилъ капитанъ, почесывая у себя за ухомъ,—что мы поставлены въ очень затруднительное положеніе, и намъ придется очень туго, сэръ!

— Въ какомъ отношеніи?—спросилъ я.

— Очень жаль, сэръ, что мы потеряли второй грузъ,—вотъ что я разумѣю,—отвѣчалъ капитанъ.—Въ порохѣ и пуляхъ у насъ не будетъ недостатка, но относительно провизіи—очень скудно. Да, такъ скудно, докторъ Лайвесей, что, быть можетъ, не приходится жалѣть о томъ, что мы лишились еще одного рта!

И онъ указалъ на тѣло Редрута, лежавшее подъ флагомъ.

Въ это мгновеніе съ ревомъ и свистомъ пронеслось надъ крышей ядро и упало далеко отъ блокгауза въ лѣсу.

— Ого!—сказалъ капитанъ.—Снова стрѣляютъ! Не довольно еще, видно, сожгли пороху!

При слѣдующемъ выстрѣлѣ прицѣлъ былъ вѣрнѣе, и ядро упало около блокгауза, поднявъ цѣлое облако песку.

— Капитанъ,—сказалъ сквайръ.—Фортъ совсѣмъ не виденъ съ корабля. Должно быть, негодяи мѣтятъ въ нашъ флагъ. Не благоразумнѣе ли взять его внутрь.

— Сорвать флагъ!—вскричалъ капитанъ.—Ну, нѣтъ, сэръ, я этого не сдѣлаю!

Кончилось тѣмъ, что мы всѣ вполнѣ согласились съ нимъ. Дѣйствительно, имъ руководило не только чувство долга и чести, но и дипломатическія соображенія: намъ важно было показать своимъ противникамъ, что мы не боимся ихъ.

Весь вечеръ стрѣльба изъ пушки не прекращалась. Ядра или перелетали черезъ фортъ, или падали передъ нимъ, или взрывали песокъ на дворѣ. Но такъ какъ пиратамъ приходилось цѣлиться очень высоко, то ядра уже по дорогѣ теряли свою силу и зарывались въ мягкій песокъ, не причиняя особеннаго вреда. Рикошета нечего было опасаться и, хотя одинъ разъ ядро прошло насквозь черезъ крышу и вышло наружу, мы скоро совсѣмъ перестали думать о нихъ.

— Нѣтъ худа безъ добра! — замѣтилъ капитанъ. — Эта стрѣльба тѣмъ хороша, что, навѣрное, очистила лѣсъ отъ разбойниковъ. Отливъ, конечно, сдѣлалъ уже свое дѣло, и наши затопленные припасы показались изъ-подъ воды. Пускай бы желающіе отправились за ветчиной!

Грей и Гунтеръ первые пошли на берегъ. Хорошо вооружившись, они выбрались изъ блокгауза и направились къ лѣсу. Но разсчеты наши не оправдались: мятежники оказались смѣлѣе, чѣмъ мы ожидали, или же они больше довѣряли искусству пушкаря Гандса. Во всякомъ случаѣ, пятеро изъ нихъ занимались уже тѣмъ, что перетаскивали наши припасы изъ воды въ одну изъ шлюпокъ, которая находилась тутъ же около. Сильверъ, стоя на кормѣ, отдавалъ приказанія. Всѣ люди были теперь вооружены ружьями, которыя они, вѣроятно, достали изъ какого-нибудь потайного мѣста на островѣ.

Между тѣмъ капитанъ сидѣлъ передъ корабельной книгой и вписывалъ въ нее слѣдующее:

«Александръ Смоллетъ, капитанъ. Давидъ Лайвесей, корабельный докторъ. Абрамъ Грей, матросъ-плотникъ. Джонъ Трелоней, собственникъ шхуны. Джонъ Гунтеръ и Ричардъ Джойсъ, слуги хозяина, его земляки. Эти лица — единственныя, оставшіяся изъ всего экипажа корабля, — высадились сегодня на Островъ Сокровищъ, имѣя съ собой провизіи на десять дней, и подняли британскій флагъ надъ блокгаузомъ. Томасъ Редрутъ, слуга и землякъ хозяина, убитъ мятежниками. Джемсъ Гаукинсъ, корабельный юнга...»

Я задумался надъ судьбой бѣднаго Джима Гаукинса. Вдругъ изъ лѣсу раздался голосъ.

— Кто-то кличетъ насъ! — сказалъ Гунтеръ, стоявшій на часахъ.

— Докторъ! Сквайръ! Капитанъ! Гунтеръ, это вы?—кричалъ кто-то.

Я бросился къ двери и увидѣлъ, что Джимъ Гаукинсъ, цѣлый и невредимый, перелѣзаетъ черезъ палисадъ.

XIX. Гарнизонъ въ блокгаузѣ (Разсказъ Гаукинса).

Какъ только Бенъ Гуннъ увидѣлъ флагъ, онъ остановился, взялъ меня за руку и усадилъ на землю.

— Ну,—сказалъ онъ,—это, навѣрное, ваши друзья выставили этотъ флагъ.

— Напротивъ,—отвѣчалъ я,—гораздо болѣе похоже на то, что это сдѣлали бунтовщики!

— Какъ!—вскричалъ онъ.—Неужели въ такомъ-то мѣстѣ, какъ это, гдѣ никто не бываетъ, кромѣ «джентльменовъ удачи», Сильверъ сталъ бы вывѣшивать британскій флагъ! Нѣтъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: это ваши друзья. Навѣрное, схватка уже была, ваши друзья одержали верхъ и вотъ теперь заперлись въ старомъ фортѣ, который много лѣтъ тому назадъ былъ построенъ Флинтомъ. О, это былъ человѣкъ съ головой! Осилить его могъ развѣ только ромъ. И ужъ онъ-то никого на свѣтѣ не боялся—вотъ развѣ только Сильвера!

— Ну, хорошо, можетъ быть вы и правы,—замѣтилъ я.— Тогда мнѣ тѣмъ скорѣе хочется вернуться къ своимъ!

— Нѣтъ, дружище,—сказалъ Бенъ, — подождите еще. Вы хорошій мальчикъ, если я не ошибаюсь, но вы все-таки еще только ребенокъ, не болѣе. Да, а Бенъ Гуннъ не промахъ, это всякій скажетъ. И онъ не пойдетъ туда съ вами, его не заманишь даже ромомъ. Да, онъ не польстится даже на ромъ, пока не увидитъ вашего джентльмена, и тотъ не дастъ ему своего честнаго слова. Не забудьте же моихъ словъ! «Бену Гунну нужно ручательство (такъ вы и скажете), безъ этого онъ не можетъ придти». И затѣмъ вы ущипните его за руку.

Онъ въ третій разъ съ самымъ лукавымъ видомъ ущипнулъ мою руку.

— А если Бенъ Гуннъ понадобится, вы знаете, Джимъ, гдѣ его найти: какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы встрѣтились съ вами сегодня. И тотъ, кто придетъ къ нему, долженъ держать въ рукѣ бѣлый платокъ и долженъ придти одинъ. «У Бена Гунна—скажете вы—есть на то свои причины».

— Хорошо,—сказалъ я,—кажется, я понялъ васъ. Вы желаете что-то предложить намъ и хотите видѣть сквайра или доктора. И найти васъ можно тамъ, гдѣ я увидѣлъ васъ сегодня. Это все?

— Но въ какое время?—прибавилъ онъ.—Ну, скажемъ, отъ полдня и часовъ до шести вечера!

— Хорошо,—сказалъ я.—А теперь я могу итти?

— Такъ вы ничего не забудете?—спросилъ онъ тревожно.— «Ручательство и важныя причины»—скажете вы. «На то есть у него свои собственныя причины»—это самое главное. А теперь, Джимъ,—прибавилъ онъ, все еще удерживая меня,—я думаю, что вы можете итти. Но если вы встрѣтите Джона Сильвера, вѣдь вы не выдадите ему Бена Гунна, Джимъ? Эти негодяи не выпытаютъ у васъ чего-нибудь про него? Нѣтъ, говорите вы?

Слова эти были прерваны пушечнымъ выстрѣломъ, и ядро, пролетѣвъ надъ деревьями, упало на песокъ, шагахъ въ ста отъ насъ. Послѣ этого мы оба пустились бѣжать въ разныя стороны.

Около часу продолжалась пушечная стрѣльба, и ядра со свистомъ проносились надъ лѣсомъ. Я перебѣгалъ съ одного укромнаго мѣста въ другое, и мнѣ казалось, точно ядра упорно преслѣдовали меня и гнались за мной по пятамъ. Итти прямо на фортъ я не рѣшился, такъ какъ въ томъ направленіи чаще сы-

пались ядра, но подъ конецъ бомбардировки я уже немного успокоился и, послѣ большого обхода на востокъ, сталъ пробираться береговымъ лѣсомъ.

Солнце уже сѣло, и вѣтеръ съ моря шелестилъ листвой въ лѣсу и рябилъ сѣроватую поверхность бухты. Отливъ давно кончился, и большія пространства песку у берега вышли изъ-подъ воды. Воздухъ теперь, послѣ жаркаго дня, сталъ такимъ холоднымъ, что я озябъ въ одной курткѣ.

«Испаньола» все еще стояла на прежнемъ мѣстѣ, и на ней развѣвался, какъ и можно было ожидать, черный флагъ пиратовъ. Въ ту минуту, когда я глядѣлъ на нее, тамъ вспыхнулъ красный огонекъ, и раздался выстрѣлъ, отдавшись эхомъ въ горахъ. Затѣмъ еще одно ядро, послѣднее, просвистѣло въ воздухѣ,—и канонада кончилась.

Я остался еще нѣкоторое время въ своемъ убѣжищѣ, дожидаясь, чѣмъ кончится аттака. Пираты рубили что-то топорами на берегу, недалеко отъ форта—бѣдную маленькую лодочку, какъ я узналъ послѣ. Дальше, около устья ручья, былъ разведенъ подъ деревьями костеръ, и между этимъ мѣстомъ и шкуной разъѣзжала одна изъ шлюпокъ. Гребцы ея—тѣ самые матросы, которые утромъ имѣли такой мрачный видъ,—распѣвали теперь такъ весело и беззаботно, точно дѣти; но по голосамъ ихъ можно было догадаться, что дѣло не обошлось безъ большого количества рому.

Наконецъ, я рѣшился направиться прямо къ форту. По дорогѣ, за низкой песчаной косой, замыкавшей бухту съ востока и идущей къ Острову Скелета, я увидѣлъ скалу; довольно высокая и совсѣмъ бѣлаго цвѣта, она одиноко возвышалась среди низкаго кустарника. Должно быть, это и была та бѣлая скала, о которой упоминалъ Бенъ Гуннъ, и гдѣ была спрятана его лодка; теперь я зналъ, гдѣ можно найти ее, въ случаѣ надобности. Наконецъ, я благополучно добрался лѣсомъ до форта и былъ радушно встрѣченъ своими.

Разсказавъ все, что со мной случилось на островѣ, я занялся осмотромъ форта. Весь домъ—крыша, стѣны и полъ—построены были изъ неотесанныхъ сосновыхъ бревенъ. Полъ поднимался на футъ или полтора надъ поверхностью земли. Около двери было крыльцо, а подъ нимъ выбивался изъ-подъ земли родникъ, наполняя искусственный бассейнъ; послѣдній представлялъ просто

на просто желѣзный корабельный котелъ съ выбитымъ дномъ, врытый въ песокъ. Внутри дома не было никакого убранства, и только въ одномъ углу стояла плита, сложенная изъ камней, и заржавленная желѣзная жаровня для огня.

Деревья по склонамъ холма и около него были вырублены для постройки дома, а раньше—судя по пнямъ—здѣсь, должно быть, росла прекрасная рощица. Благодаря порубкѣ, песчаная почва, размытая дождями, осыпалась во многихъ мѣстахъ. Среди песку зеленѣло только ложе ручья, вытекавшаго изъ бассейна, и по берегу его виднѣлся мохъ, папоротникъ и низкорослый ползучій кустарникъ. Сейчасъ за палисадомъ, къ сожалѣнію, не дальше—начинался высокій, густой сосновый лѣсъ; ближе къ берегу къ соснамъ примѣшивались и вѣчнозеленые дубы.

Холодный вечерній вѣтеръ дулъ во всѣ щели нашего первобытнаго жилья и усыпалъ полъ цѣлымъ дождемъ мелкихъ песчинокъ. Песокъ забивался намъ въ глаза, уши, ротъ, попадалъ въ нашъ ужинъ и въ бассейнъ, вода котораго, съ прыгающими въ ней песчинками, походила на закипающую похлебку. Трубу въ печкѣ замѣняло четырехугольное отверстіе въ крышѣ, но черезъ него выходила только небольшая часть дыма, а остальная ѣла намъ глаза и заставляла чихать и кашлять. Прибавьте къ этому, что у Грея была обвязана голова, такъ какъ онъ ранилъ себѣ щеку, убѣгая отъ товарищей, а бѣдный старикъ Редрутъ все еще лежалъ непогребенный около стѣны, покрытый флагомъ. Все это, конечно, не могло дѣйствовать на насъ всѣхъ особенно ободряющимъ образомъ, и мы навѣрное пришли бы въ полное уныніе, если бы не капитанъ Смоллетъ. Этотъ дѣятельный и энергичный человѣкъ созвалъ насъ всѣхъ къ себѣ и раздѣлилъ на два отряда: въ одномъ были докторъ, Грей и я, въ другомъ—сквайръ, Гунтеръ и Джойсъ. Затѣмъ, несмотря на общую усталость, онъ послалъ двухъ человѣкъ въ лѣсъ за дровами, двумъ другимъ велѣлъ рыть могилу для Редрута; докторъ долженъ былъ исполнять обязанности повара, я былъ поставленъ у дверей на часахъ, а самъ капитанъ ходилъ отъ одного къ другому, ободрялъ насъ и помогалъ, если это было нужно.

По временамъ докторъ выходилъ за дверь, чтобы немного подышать воздухомъ и освѣжить глаза, которые немилосердно ѣлъ дымъ около печки. И каждый разъ онъ заговаривалъ со мной.

— Этотъ капитанъ Смоллетъ, — сказалъ онъ разъ,—куда

лучше меня, какъ человѣкъ. А это что-нибудь да значитъ, если это говорю «я», Джимъ!

Въ другой разъ онъ молча постоялъ нѣкоторое время. Затѣмъ, наклонивъ голову на бокъ, взглянулъ на меня и спросилъ:

— А что этотъ Бенъ Гуннъ за человѣкъ?

— Не знаю навѣрное, сэръ, — отвѣчалъ я.—Во всякомъ случаѣ, я не вполнѣ увѣренъ, все ли у него въ порядкѣ въ головѣ!

— Не удивительно, если бы это было и такъ,—замѣтилъ докторъ.—Отъ человѣка, который провелъ три года на необитаемомъ островѣ, нельзя ожидать, чтобы онъ былъ въ здравомъ умѣ, какъ мы съ вами, Джимъ. Это больше того, что можетъ выдержать человѣческая натура. Кажется, вы говорили, что ему очень хотѣлось сыру?

— Да, сыру!—сказалъ я.

— Отлично. Вотъ вы увидите сейчасъ, что иногда хорошо быть лакомкой. Видали вы мою табакерку, Джимъ? И никогда не видали, чтобы я нюхалъ табакъ, такъ вѣдь? Это потому, что въ моей табакеркѣ я ношу всегда кусочекъ пармезанскаго сыру, вмѣсто табаку,—очень питательный итальянскій сыръ. Ну, вотъ теперь онъ и пригодится для Бена Гунна!

До ужина мы похоронили стараго Тома въ пескѣ и нѣсколько минутъ постояли надъ его могилой, обнаживъ головы на холодномъ вѣтру. Изъ лѣсу принесено было много валежнику, но капитану показалось это мало и, покачавъ головой, онъ выразилъ надежду, что на слѣдующій день «дѣло пойдетъ живѣе». Затѣмъ мы поужинали ветчиной и горячимъ грогомъ, и послѣ этого наши старшіе стали совѣщаться о томъ, что дѣлать дальше. Оказывалось, что припасовъ у насъ было очень мало, такъ что они должны были окончиться задолго до прибытія помощи. Главная задача была въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе справиться съ мятежниками и выйти изъ осаднаго положенія. Пиратовъ оставалось теперь всего пятнадцать изъ девятнадцати, да еще двое изъ нихъ были ранены, а одинъ, въ котораго сквайръ выстрѣлилъ изъ лодки, можетъ быть, даже умеръ уже отъ раны. Каждый удачный выстрѣлъ съ нашей стороны сберегалъ такимъ образомъ наши припасы. Кромѣ того, съ нами заодно дѣйствовали такіе сильные союзники, какъ ромъ и климатъ. Дѣйствіе перваго уже давало себя знать: хотя мы были въ полумилѣ разстоянія отъ мѣста стоянки пиратовъ, до насъ ясно доносились ихъ крики и

дикія пѣсни до глубокой ночи. Что же касается до климата, то докторъ увѣрялъ, что не пройдетъ и недѣли, какъ половина пиратовъ погибнетъ отъ злокачественной лихорадки, оставаясь безъ медицинской помощи въ томъ болотистомъ мѣстѣ, гдѣ они расположились лагеремъ.

— Да,—прибавилъ онъ, — если только они не перестрѣляютъ насъ всѣхъ, то не прочь будутъ вернуться на шкуну. Вѣдь на ней они могутъ продолжать разбойничать по морю, сколько ихъ душѣ угодно!

— Это первый корабль, который я теряю!—сказалъ капитанъ Смоллетъ.

Я чувствовалъ смертельную усталость, но долго не могъ заснуть, кашляя отъ дыма. Впрочемъ, потомъ я спалъ, какъ убитый, и такъ долго, что остальные успѣли уже позавтракать и значительно увеличить запасъ дровъ, когда я, наконецъ, проснулся. Меня разбудилъ шумъ и громкіе голоса. Я слышалъ, какъ кто-то воскликнулъ:

— Флагъ перемирія! Самъ Сильверъ идетъ сюда!

Тогда я вскочилъ и, протирая сонные глаза, бросился къ отверстію въ стѣнѣ.

XX. Сильверъ въ роли парламентера.

Дѣйствительно, сейчасъ за полисадомъ стояло два человѣка, и одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ бѣлый флагъ. Другой—и это былъ никто иной, какъ самъ Сильверъ—съ самымъ невозмутимымъ видомъ стоялъ возлѣ него.

Было еще очень рано, и холодный утренній воздухъ пронизывалъ до костей. На ясномъ небѣ не было ни облачка, и верхушки деревьевъ краснѣли въ лучахъ восходящаго солнца. Но на окраину лѣса, гдѣ стояли пираты, еще не заглянули солнечные лучи, и они были по колѣна въ бѣломъ туманѣ, поднявшемся за ночь надъ болотомъ. Очевидно, островъ не могъ похвалиться здоровымъ климатомъ.

— Не выходите изъ дому!—сказалъ намъ капитанъ.—Судя по всему, здѣсь кроется какая-нибудь хитрая уловка!

Затѣмъ онъ окликнулъ пиратовъ:

— Кто идетъ? Ни шагу ближе, или мы будемъ стрѣлять!

— Парламентерскій флагъ!—крикнулъ Сильверъ

Капитанъ осторожно вышелъ на крыльцо, опасаясь предательскаго выстрѣла. Обернувшись къ намъ, онъ отдалъ распоряженія.

— Отрядъ доктора на часахъ у амбразуръ; докторъ Лайвесей смотритъ на сѣверъ, Джимъ на востокъ, Грей на западъ. Другой отрядъ заряжаетъ и передаетъ ружья. Живо, и смотрѣть въ оба, друзья!

Затѣмъ онъ снова обернулся къ пиратамъ.

— Зачѣмъ вы пришли сюда съ этимъ флагомъ? — крикнулъ онъ.

На этотъ разъ отвѣтилъ не Сильверъ, а другой пиратъ:

— Капитанъ Сильверъ, сэръ, предлагаетъ перемиріе!

— Капитанъ Сильверъ? Не знаю его! Кто это такой?— вскричалъ капитанъ Смоллетъ.—Мы слышали, какъ онъ пробормоталъ себѣ подъ носъ:

— Вотъ какъ, уже капитанъ! Скоро же его произвели въ этотъ чинъ!

Долговязый Джонъ самъ отвѣтилъ за себя:

— Это я, сэръ. Матросы выбрали меня капитаномъ послѣ... послѣ вашего «дезертирства» (на послѣднемъ словѣ онъ сдѣлалъ особенное удареніе). Мы согласны подчиниться вамъ, если условія мира будутъ сносныя. Дайте мнѣ только слово, капитанъ Смоллетъ, что я выберусь цѣлымъ и невредимымъ изъ этого форта, и что мнѣ дадутъ уйти изъ-подъ вашихъ выстрѣловъ!

— Я не чувствую, любезный, ни малѣйшаго желанія разговаривать съ вами,—отвѣчалъ капитанъ Смоллетъ. — Но если вамъ надо что-нибудь сказать мнѣ, то можете подойти сюда. Предупреждаю только, что если тутъ кроется какое-нибудь предательство, то вамъ не сдобровать. Пеняйте тогда на самого себя!

— Съ меня вполнѣ достаточно одного вашего слова, капитанъ!—галантно отозвался Долговязый Джонъ.—Я знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло, и вы можете положиться на меня!

Видно было, что спутникъ Джона пытался удержать его. Но Сильверъ только разсмѣялся ему въ лицо и хлопнулъ его по плечу, точно самая мысль объ опасности казалась ему нелѣпой. Затѣмъ онъ подошелъ къ палисаду, перебросилъ сначала свой костыль, а потомъ съ необыкновенной ловкостью перелѣзъ черезъ него самъ.

Откровенно сознаюсь, я съ живымъ интересомъ слѣдилъ за тѣмъ, что происходило около блокгауза, и совсѣмъ забылъ о своихъ обязанностяхъ часового. Оставивъ отверстіе въ стѣнѣ, выходившее на востокъ, я незамѣтно проскользнулъ за капитаномъ, который сидѣлъ теперь на порогѣ, опершись головой на руки и не спуская глазъ съ бассейна, въ которомъ била ключемъ вода. Я слышалъ даже, какъ онъ насвистывалъ какую-то пѣсенку.

Сильверу не легко было взобраться на холмъ: песокъ сыпался изъ-подъ костыля на крутомъ подъемѣ, а низкіе пни, срубленныхъ деревьевъ не могли служить опорой. Но онъ выдержалъ свой искусъ съ мужествомъ истаго мужчины и, подойдя къ капитану, отвѣсилъ ему самый вѣжливый поклонъ. На немъ одѣтъ былъ лучшій его костюмъ: широкій синій камзолъ съ мѣдными пуговицами доходилъ до самыхъ колѣнъ, а великолѣпная шляпа съ галунами сдвинута была на затылокъ.

— А вотъ и вы, любезный,—сказалъ капитанъ, поднимая голову.—Ну, что жъ, садитесь!

— А не лучше ли войти въ домъ?—проговорилъ жалобнымъ голосомъ Долговязый Джонъ. — Очень ужъ холодно сегодня, сэръ, чтобы сидѣть на пескѣ!

— Вотъ что, Сильверъ, — сказалъ капитанъ, — если бы вы оставались честнымъ человѣкомъ, то преспокойно сидѣли бы теперь въ вашей теплой кухнѣ. Пеняйте сами на себя, если все вышло иначе. Во всякомъ случаѣ, вы для меня или мой корабельный поваръ—и тогда я обращаюсь съ вами достаточно вѣжливо—или же капитанъ Сильверъ, бунтовщикъ и пиратъ, а тогда вы стоите только висѣлицы и ничего лучшаго!

— Ладно, ладно, капитанъ,—продолжалъ поваръ, усаживаясь безъ дальнѣйшихъ разговоровъ на песокъ.—Послѣ вы только дадите мнѣ руку, чтобы помочь встать съ земли, вотъ и все. А славное у васъ тутъ мѣстечко! А, и Джимъ тутъ! Съ добрымъ утромъ, дружище Джимъ! Докторъ, наше вамъ почтеніе! Да у васъ тутъ отличная семейка, если можно такъ выразиться!

— Если у васъ есть что-нибудь сказать мнѣ, любезный, такъ выкладывайте живѣе!—сказалъ капитанъ.

— Совершенно правильно, капитанъ Смоллетъ,—замѣтилъ Сильверъ. — Долгъ прежде всего, ничего не подѣлаешь. Ну, что жъ, это вы отлично придумали этой ночью. Не могу не ска-

зать, что это было славно обдѣлано. Кто-то изъ вашихъ отличился на совѣсть. Не скрою, что это поразило кое-кого изъ нашихъ, а, можетъ быть, и всѣхъ, можетъ быть, и меня самого въ придачу. Пожалуй, оттого я и пришелъ сегодня за условіями мира. Но замѣтьте, капитанъ, что во второй разъ это не удастся, чортъ возьми! У насъ будутъ теперь часовые, да и рому мы поубавимъ, да. Не думайте, чтобы мы всѣ перепились до безчувствія. Я, напримѣръ, былъ совсѣмъ трезвъ и только усталъ, какъ собака. Разбуди я товарища быстрѣе, я бы поймалъ вашего человѣка на мѣстѣ преступленія. А матросъ еще былъ живъ, когда я побѣжалъ къ нему, увѣряю васъ!

— Въ самомъ дѣлѣ?—отозвался капитанъ Смоллетъ съ самымъ хладнокровнымъ видомъ.

Все, что сказалъ Сильверъ, было для него полнѣйшей загадкой, но онъ не выдалъ себя ни однимъ жестомъ или словомъ. Что же касается меня, то я начиналъ догадываться въ чемъ дѣло. Мнѣ вспомнились послѣднія слова Бена Гунна, и я подумалъ, что это онъ подкрался ночью къ лагерю пиратовъ, опьяненныхъ ромомъ. Значитъ, у насъ осталось только четырнадцать противниковъ!

— Да, продолжалъ Сильверъ,—такъ дѣло въ томъ, что мы желаемъ получить кладъ, и во что бы то ни стало добьемся этого—можете быть увѣрены! Съ другой стороны, вѣроятно, вы не прочь сохранить вашу жизнь. У васъ, если не ошибаюсь, имѣется карта острова?

— Очень можетъ быть, что и есть!—отвѣчалъ капитанъ.

— Навѣрное есть, мнѣ это извѣстно!—продолжалъ Долговязый Джонъ.—Напрасно вы такъ скрытничаете съ человѣкомъ, который хочетъ оказать вамъ же услугу, можете положиться на это. Такъ вотъ намъ желательно имѣть эту карту. А затѣмъ я долженъ сказать, что никогда не желалъ вамъ зла!

— Ну, что касается до этого,—замѣтилъ капитанъ,—то мы отлично знаемъ ваши намѣренія, но только вамъ не удастся привести ихъ въ исполненіе!

И капитанъ спокойно взглянулъ на него, набивая табакомъ свою трубку.

— Если Абрамъ Грей выболталъ что-нибудь... — началъ Сильверъ.

— Вы ошибаетесь!—вскричалъ капитанъ.—Грей ничего не говорилъ мнѣ, да я и не спрашивалъ его ни о чемъ. Но я имѣю свое собственное мнѣніе о васъ, любезный, и не перемѣню его!

Эти слова поохладили, казалось, пылъ Сильвера, и онъ продолжалъ болѣе вкрадчивымъ тономъ:

— Ну, что жъ, не мое дѣло вмѣшиваться въ то, что думаетъ джентльменъ. А вотъ, если вы позволите, я послѣдую вашему примѣру и тоже закурю трубочку!

И онъ набилъ свою трубку и закурилъ. Такъ сидѣли они нѣсколько минутъ молча другъ противъ друга, попыхивая изъ своихъ трубокъ и сплевывая по временамъ на землю.

— Такъ дѣло вотъ въ чемъ,—проговорилъ, наконецъ, Сильверъ.—Вы отдадите намъ карту, чтобы мы могли разыскать кладъ, и не будете стрѣлять въ бѣдныхъ неповинныхъ людей или нападать на нихъ во время ихъ сна. Вамъ же мы предлагаемъ на выборъ—или вернуться съ нами на корабль послѣ того, какъ сокровища будутъ найдены, тогда я даю честное слово высадить васъ гдѣ-нибудь на берегъ цѣлыми и невредимыми,—или же, если вамъ не по душѣ наша компанія,—остаться здѣсь, на островѣ. Мы подѣлимся съ вами съѣстными припасами, и я даю слово, что пришлю сюда первый же корабль, который только встрѣчу въ морѣ, чтобы онъ захватилъ васъ отсюда. Ну, теперь все сказано. Лучшихъ условій для себя вы, конечно, не могли и ожидать. И я надѣюсь,—прибавилъ онъ, возвышая голосъ,—что всѣ въ этомъ домѣ слышали мои слова, такъ какъ я говорилъ это для всѣхъ!

Капитанъ Смоллетъ поднялся съ крыльца, на которомъ сидѣлъ, и стряхнулъ пепелъ изъ своей трубки въ лѣвую руку.

— Это все, что вы желали сказать мнѣ?—спросилъ онъ.

— Все до послѣдняго слова, чортъ возьми! — вскричалъ Джонъ.—Если не согласитесь на эти условія, то вамъ придется имѣть дѣло съ ружейными пулями!

— Прекрасно,—сказалъ капитанъ.—Теперь вы выслушаете меня. Если вы всѣ по одиночкѣ и безъ оружія явитесь сюда, то я закую васъ въ цѣпи и отвезу въ Англію, гдѣ отдамъ подъ судъ. Если же вы не желаете этого, то я отправлю васъ на тотъ свѣтъ къ самому дьяволу,—это такъ же вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Александромъ Смоллетомъ, и что здѣсь развѣвается

Такъ сидѣли они нѣсколько минутъ молча...

британскiи флагъ. Клада вы не можете найти, какъ не можете и вести корабль—па это у васъ нѣтъ знающаго человѣка. Даже драться съ нами вамъ не подъ силу. Вотъ Грей, напримѣръ, справился съ пятерыми изъ васъ. Вы глубоко заблуждаетесь, мистеръ Сильверъ, и скоро поймете вашу ошибку. Въ послѣднiй разъ я разговариваю съ вами мирно: клянусь небомъ, что

пущу вамъ впредь пулю въ лобъ при первой же встрѣчѣ. Ну, а теперь отправляйтесь отсюда во-свояси, да поживѣе!

Лицо Сильвера исказилось, и глаза его загорѣлись бѣшенствомъ. Онъ вытряхнулъ пепелъ изъ своей трубки и крикнулъ:

— Дайте мнѣ руку!

— Только не я!—отвѣтилъ капитанъ.

— Кто поможетъ мнѣ встать?—заревѣлъ онъ.

Никто изъ насъ не трогался съ мѣста. Тогда, выкрикивая самыя ужасныя ругательства, подползъ онъ къ крыльцу и поднялся на ноги при помощи костыля.

— Вотъ что я думаю обо всѣхъ васъ!—крикнулъ онъ, плюнувъ въ ручей.—Не пройдетъ и часу, какъ я буду хозяйничать въ вашемъ блокгаузѣ. Смѣйтесь, смѣйтесь, чортъ возьми! Скоро вы засмѣетесь на другой ладъ, да ужъ будетъ поздно!

И, сыпля самыми отборными ругательствами, онъ заковылялъ на своемъ костылѣ, перелѣзъ черезъ палисадъ съ помощью своего спутника, не разъ обрываясь и падая, потомъ исчезъ въ лѣсу.

XXI. Нападеніе.

Какъ только Сильверъ скрылся изъ глазъ, капитанъ, слѣдившій издали за каждымъ его движеніемъ, вернулся въ домъ и увидѣлъ, что никто, кромѣ Грея, не былъ на своемъ посту. Въ первый разъ мы видѣли его такимъ взбѣшеннымъ.

— По мѣстамъ!—крикнулъ онъ.—Грей,—продолжалъ онъ, когда мы вернулись къ своимъ постамъ,—я внесу ваше имя въ книгу: вы исполняли свой долгъ, какъ истый морякъ. М-ръ Трелоней, вы очень удивили меня, сэръ. Докторъ, мнѣ казалось, что вы носили офицерскій мундиръ; но если вы такимъ же образомъ служили и подъ Фонтенуа, то для васъ было бы лучше оставаться дома!

Отрядъ доктора стоялъ около амбразуръ въ стѣнѣ, озабоченно разглядывая лѣсъ и небо, а остальные хлопотали, заряжая ружья. Лица у всѣхъ были красныя, всѣмъ было какъ-то не по себѣ.

Капитанъ молча поглядѣлъ на насъ нѣсколько секундъ и затѣмъ снова заговорилъ:

— Друзья мои, я послалъ съ Сильверомъ вызовъ этимъ негодяямъ, и это, навѣрное, вызоветъ нападеніе. Насъ атакуютъ, быть можетъ, раньше, чѣмъ черезъ часъ. Мнѣ нечего говорить

вамъ о томъ, что числомъ насъ меньше, чѣмъ мятежниковъ, но за то мы будемъ сражаться подъ прикрытіемъ этого форта. Кромѣ того, еще минуту тому назадъ я думалъ, что у насъ есть дисциплина, и что это дастъ намъ преимущество передъ противниками. Я не сомнѣваюсь, что мы можемъ одолѣть ихъ, если только сами не оплошаемъ!

Затѣмъ онъ обошелъ кругомъ и увидѣлъ, что все въ порядкѣ.

На восточной и западной сторонахъ блокгауза было всего по одной бойницѣ, на южной, гдѣ находилось крыльцо,—двѣ, а на сѣверной—самой длинной—пять. Ружей у насъ было двадцать. Изъ дровъ мы устроили родъ столовъ около каждой изъ четырехъ стѣнъ, и на нихъ лежали заряженныя ружья и кортики.

— Огонь можно потушить,—сказалъ капитанъ. — Теперь уже не холодно, а дымъ будетъ разъѣдать глаза и мѣшать видѣть.

М-ръ Трелоней взялъ желѣзную корзинку и вытряхнулъ ее около дома, такъ что горящія головешки задымились въ пескѣ.

— Гаукинсъ еще не завтракалъ,—продолжалъ капитанъ.— Гаукинсъ, возьмите себѣ сами вашу порцію и отправляйтесь ѣсть ее на вашемъ посту. И живѣе, мальчикъ! Гунтеръ, обнеси всѣхъ водкой!

Послѣ этого капитанъ сообщилъ свой планъ защиты.

— Вы будете стоять у двери, докторъ,—сказалъ онъ.—Глядите хорошенько, но не очень выставляйтесь впередъ, а стрѣляйте черезъ крыльцо. Гунтеръ, вы возьмете себѣ восточную сторону, а Джойсъ западную. М-ръ Трелоней, вы, какъ лучшій стрѣлокъ, будете охранять насъ вмѣстѣ съ Греемъ съ сѣверной стороны, гдѣ всего опаснѣе. Если въ насъ будутъ стрѣлять черезъ бойницы, то намъ плохо придется. А мы съ вами, Гаукинсъ, какъ плохіе стрѣлки, будемъ только заряжать ружья и помогать, гдѣ надо!

Холодъ, дѣйствительно, прошелъ. Какъ только солнце поднялось надъ верхушками деревьевъ, оно залило своими горячими лучами все открытое пространство около дома и сразу разсѣяло окутывавшій его туманъ. Песокъ очень скоро сдѣлался горячимъ, и между бревнами выступила жидкая, растопившаяся смола. Мы сбросили съ себя куртки и камзолы и остались въ однѣхъ рубахахъ съ открытыми воротами и завороченными по самыя плечи рукавами. Каждый стоялъ на своемъ посту, испы-

тывая лихорадочное волненіе отъ ожиданія. Такъ прошелъ цѣлый часъ.

— Чортъ возьми!—воскликнулъ капитанъ.—Ничего не можетъ быть хуже этого дурацкаго ожиданія!

Но въ ту же минуту, какъ онъ сказалъ это, появились первые признаки атаки.

— Сэръ,—обратился къ нему Джойсъ,—долженъ ли я стрѣлять, если увижу кого-нибудь?

— Конечно, вѣдь я же говорилъ вамъ!—отвѣчалъ капитанъ.

Нѣсколько минутъ кругомъ была полная тишина, но мы уже насторожились, и стрѣлки держали свои ружья наготовѣ, а капитанъ стоялъ посреди комнаты, сжавъ губы и нахмуривъ брови. Вдругъ Джойсъ поднялъ ружье и прицѣлился. Въ отвѣтъ раздался цѣлый залпъ изъ ружей съ каждой стороны дома. Нѣсколько пуль ударилось въ стѣны, но ни одна не попала въ бойницу. Когда дымъ разсѣялся, около блокгауза въ лѣсу царила прежняя тишина; ни одинъ листикъ не шевелился, и не видно было никакихъ признаковъ нашихъ враговъ.

— Попали вы?—спросилъ капитанъ Джойса.

— Нѣтъ, сэръ,—отвѣтилъ тотъ.—Не думаю, что попалъ!

— Хорошо хоть, что говоритъ правду,—пробормоталъ капитанъ.—Заряди ему ружье, Гаукинсъ. Сколько ихъ было на вашей сторонѣ, докторъ?

— Не знаю точно,—отвѣчалъ докторъ.—Три выстрѣла было въ мою сторону, два близко другъ отъ друга и одинъ дальше къ западу!

— Значитъ, трое,—сказалъ капитанъ.—А съ вашей, м-ръ Трелоней?

Но на это нелегко было отвѣтить. По счету сквайра, здѣсь было семь человѣкъ, а Грей думалъ, что восемь или девять. Съ запада и востока раздалось всего по одному выстрѣлу. Очевидно, главная аттака была направлена на сѣверную сторону дома, а остальные выстрѣлы имѣли цѣлью только ввести насъ въ заблужденіе. Но капитанъ не измѣнилъ своихъ распоряженій: было бы неосторожно, по его мнѣнію, оставить беззащитной которую-нибудь изъ сторонъ дома, такъ какъ въ такомъ случаѣ бунтовщики могли бы легко переловить насъ всѣхъ, какъ крысъ, въ нашемъ-же собственномъ фортѣ.

Впрочемъ, у насъ и не было много времени на размышленія. Изъ лѣсу выскочило нѣсколько пиратовъ и съ громкими криками бросилось прямо на блокгаузъ. Въ ту же секунду въ лѣсу раздался новый залпъ изъ ружей, и одной пулей сломало въ куски ружье доктора. Аттакующіе полѣзли черезъ палисадъ, точно обезьяны. Сквайръ и Грей выстрѣлили по два раза, и трое упали—одинъ къ намъ на дворъ, а двое на ту сторону загородки. Но одинъ изъ нихъ былъ, очевидно, болѣе напуганъ, чѣмъ раненъ, потому что моментально вскочилъ на ноги и скрылся за деревьями.

Въ то время, какъ изъ лѣсу не прекращался огонь, четверо бунтовщиковъ, которымъ удалось благополучно перебраться черезъ палисадъ, бросились съ возгласами къ дому, подбодряемые криками товарищей изъ лѣсу. Съ нашей стороны было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, но стрѣлки такъ торопились, что ни одинъ не попалъ въ цѣль. Въ одну минуту четверо пиратовъ были уже у самаго дома, и въ средней бойницѣ показалась голова Андерсона.

— Сюда! — ревѣлъ онъ громовымъ голосомъ. — Бери на штурмъ! Всѣ сюда!

Другой разбойникъ, выхвативъ изъ рукъ Гунтера ружье, ударилъ его имъ черезъ бойницу съ такой силой, что тотъ упалъ безъ чувствъ на полъ. Въ то же время третій пиратъ, обѣжавъ кругомъ дома, неожиданно показался въ дверяхъ и взмахнулъ кортикомъ на доктора.

Наше положеніе измѣнилось: раньше мы стрѣляли въ беззащитнаго непріятеля, находясь сами подъ прикрытіемъ, теперь-же насъ осыпали градомъ пуль, а мы не могли цѣлиться въ скрывавшихся между деревьями пиратовъ. Но домъ былъ весь окутанъ облакомъ дыма, и это немного спасало насъ. Кругомъ слышались крики и смятеніе, пистолетные выстрѣлы и громкій стонъ.

— На вылазку, друзья! — скомандовалъ капитанъ.—Пустить въ ходъ ножи!

Я схватилъ со стола кортикъ; въ это время кто-то неосторожно рѣзнулъ меня по рукѣ, но я не обратилъ вниманія на это. Я выбѣжалъ изъ дому. Кто-то бѣжалъ слѣдомъ за мной,

но я не зналъ, кто именно. Прямо передо мной докторъ преслѣдовалъ того разбойника, который напалъ на него, и гналъ его внизъ холма, мѣтясь въ него изъ ружья.

— Оставайтесь около дома! Не отходите далеко!—крикнулъ капитанъ, и, несмотря на общее смятеніе и шумъ, я подмѣтилъ перемѣну въ его голосѣ.

Съ кортикомъ въ рукѣ, я обогнулъ восточный уголъ дома и встрѣтился лицомъ къ лицу съ Андерсономъ. Онъ громко вскрикнулъ и поднялъ ножъ, лезвіе котораго ярко сверкнуло на солнцѣ. Я не успѣлъ даже испугаться, но въ тотъ моментъ, какъ ножъ опускался, бросился въ сторону, оступился на сыпучемъ пескѣ и полетѣлъ съ холма головой внизъ. Когда я выбѣгалъ изъ двери, то новая партія бунтовщиковъ бросилась къ палисаду. Я видѣлъ, какъ одинъ изъ нихъ, въ красной шапкѣ и съ ножомъ въ зубахъ, вскочилъ на палисадъ и перебросилъ уже черезъ него одну ногу. И то, что со мной произошло послѣ, случилось такъ быстро, что, когда я опять вскочилъ на ноги, этотъ разбойникъ въ красной шапкѣ все еще сидѣлъ верхомъ на заборѣ, а другой выставилъ голову надъ заборомъ. И все же, хотя это продолжалось всего нѣсколько мгновеній, за это время участь сраженія рѣшилась, и мы одержали побѣду.

Грей, который вышелъ изъ дому слѣдомъ за мной, уложилъ на мѣстѣ Андерсона, промахнувшагося въ меня ножомъ. Другой бунтовщикъ былъ убитъ около бойницы какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ собирался выстрѣлить внутрь дома: теперь онъ лежалъ на землѣ въ предсмертной агоніи, и въ рукѣ его еще дымился пистолетъ. Третьяго докончилъ докторъ. Изъ четырехъ, которые перелѣзли черезъ палисадъ, только одинъ остался въ живыхъ, и онъ, бросивъ на землю кортикъ, спѣшилъ выбраться за загородку; на лицѣ его былъ написанъ смертельный ужасъ.

— Стрѣляйте изъ дому!—кричалъ капитанъ.—А вы, друзья, скорѣе назадъ, подъ прикрытіе!

Но слова его пропали даромъ, и послѣдній разбойникъ благополучно спасся въ лѣсъ. Въ какія-нибудь три секунды отъ всей нападающей партіи осталось только пять труповъ.

Докторъ, я и Грей быстро вбѣжали въ домъ: можно было ожидать, что разбойники вернутся туда, гдѣ они оставили свои ружья, и снова откроютъ огонь.

Я оступился, и полетѣлъ съ холма головой внизъ...

Между тѣмъ дымъ, застилавшій комнату, разсѣялся, и мы ясно увидѣли, какъ дорого обошлась намъ наша побѣда. Гунтеръ лежалъ безъ чувствъ около своей бойницы; Джойсъ, съ пулей въ сердцѣ, представлялъ уже бездыханный трупъ; а въ серединѣ комнаты сквайръ поддерживалъ капитана, и оба были страшно блѣдны.

— Капитанъ раненъ!—сказалъ м-ръ Трелоней.

— Всѣ убѣжали?—спросилъ капитанъ.

— Всѣ, кто только могъ итти,—сказалъ докторъ.—Осталось пятеро человѣкъ, и тѣ уже никогда не двинутся съ мѣста!

— Пятеро!—вскричалъ капитанъ.—Да это отлично! Значитъ, насъ теперь четверо противъ девяти. Это лучше, чѣмъ семь противъ девятнадцати, какъ было раньше!

Позже мы узнали, что разбойниковъ было не девять, а только восемь, такъ какъ тотъ, котораго ранилъ съ лодки м-ръ Трелоней, умеръ къ вечеру того же дня.

ЧАСТЬ V.

МОИ ПРИКЛЮЧЕНІЯ НА МОРѢ.

XXII. Какъ я пустился въ море.

Разбойники не вернулись, и вторичной аттаки не было.

Изъ восьми раненыхъ оставались въ живыхъ только трое; но изъ нихъ двое—одинъ пиратъ и Гунтеръ—скончались въ тотъ же день, а капитанъ получилъ хотя и серьезныя, но не опасныя для жизни раны, такъ какъ ни одинъ важный органъ не былъ затронутъ. Андерсонъ ранилъ его пулей въ плечо и грудь; кромѣ того, у него была простреѣлена икра. Докторъ увѣрялъ, что онъ поправится, но нѣкоторое время не долженъ былъ ходить и двигать рукой. Моя рана въ кисть руки оказалась пустякомъ, и докторъ Лайвесей, стянувъ ее липкимъ пластыремъ, шутя потрепалъ меня за ухо.

Послѣ обѣда сквайръ и докторъ подсѣли къ капитану и начали совѣщаться, а послѣ полудня докторъ надѣлъ шляпу, взялъ пистолеты и кортикъ за поясъ, а карту въ карманъ, и быстро вышелъ изъ дому, направляясь къ лѣсу.

Я съ Греемъ сидѣли въ это время на другомъ концѣ блокгауза, чтобы не слышать совѣщанія нашихъ старшихъ. Увидѣвъ доктора уходящимъ въ лѣсъ, Грей вынулъ изо рта трубку и остался такъ, позабывъ даже курить.

— Чортъ возьми!—вскричалъ онъ, пораженный, какъ громомъ, такимъ необычайнымъ явленіемъ.—Никакъ докторъ Лайвесей съ ума спятилъ?

— Ну, нѣтъ,—отвѣтилъ я,—онъ способенъ на это меньше чѣмъ кто-либо другой, я полагаю!

— Можетъ быть, и такъ, дружище,—сказалъ Грей,—но если онъ въ здравомъ умѣ, такъ значитъ у меня въ головѣ что-нибудь не въ порядкѣ!

— Если я не ошибаюсь,—замѣтилъ я,—онъ отправился повидаться съ Беномъ Гунномъ!

Я, дѣйствительно, былъ правъ, какъ оказалось послѣ. Въ душѣ я сильно завидовалъ доктору, что онъ идетъ теперь въ тѣни деревьевъ, дышетъ смолистымъ сосновымъ воздухомъ и слушаетъ пѣніе лѣсныхъ птицъ. Въ домѣ стояла невыносимая жара, и песчаная площадка передъ нимъ была совсѣмъ раскалена. Кромѣ того, нѣсколько покойниковъ, лежавшихъ тутъ же, наводили на меня почти ужасъ. Чувство зависти къ доктору все росло съ каждой минутой, и, наконецъ, я рѣшился послѣдовать его примѣру и сдѣлать вылазку. Улучивъ минуту, когда никто не смотрѣлъ на меня, я подошелъ къ мѣшку съ сухарями и наполнилъ ими оба кармана моего камзола. Я самъ понималъ, что собираюсь выкинуть безумно-смѣлую штуку, и рѣшилъ обезопасить себя хотя бы отъ голода. Затѣмъ я запасся парой пистолетовъ, порохомъ и пулями и считалъ себя вполнѣ достаточно вооруженнымъ.

Въ сущности говоря, тотъ планъ дѣйствій, который я себѣ намѣтилъ, былъ вовсе не такъ ужъ плохъ: я хотѣлъ спуститься на ту песчаную косу, которая съ востока отдѣляла бухту отъ моря, отыскать Бѣлую скалу и убѣдиться въ томъ, что тамъ спрятана лодка Бена Гунна. Мнѣ и до сихъ поръ кажется, что это стоило сдѣлать. Но такъ какъ я былъ увѣренъ, что меня не отпустятъ изъ блокгауза, то оставалось только ускользнуть изъ него тайкомъ, а это, конечно, было нехорошо, и меня оправдываетъ только то, что я былъ еще очень юнъ и жаждалъ приключеній.

Судьба благопріятствовала мнѣ: сквайръ и Грей занялись перевязкой ранъ капитана и такъ были поглощены этимъ дѣломъ, что не замѣтили, какъ я выбрался изъ-за загородки. Раньше, чѣмъ отсутствіе мое могло быть обнаружено, я былъ уже въ лѣсу, и никакіе крики изъ блокгауза не могли долетѣть до меня. Это была моя вторая безумная выходка, и она была хуже первой, такъ какъ я оставлялъ защищать блокгаузъ

только двоихъ здоровыхъ людей; но, какъ и первая, она послужила въ концѣ концовъ къ нашему спасенію.

Я отправился прямо къ восточному берегу острова, такъ какъ рѣшилъ пробраться къ Бѣлой скалѣ съ морской стороны косы, чтобы меня не замѣтили съ корабля. Было уже не рано, хотя еще достаточно тепло и свѣтло. Пробираясь лѣсомъ, я слышалъ вдали шумъ морского прибоя, и вѣтеръ съ моря шелестилъ листвой деревьевъ. До меня доносились уже свѣжія струйки соленаго воздуха и скоро открылась синяя и искрящаяся на солнцѣ поверхность моря съ бѣлой пѣной около берега. Я никогда не видалъ, чтобы море у береговъ Острова Сокровищъ было спокойно, и какъ бы ни свѣтило солнце, какъ бы тихъ ни былъ воздухъ, волны съ неумолкаемымъ ревомъ разбивались около него днемъ и ночью, и врядъ ли на островѣ можно было отыскать мѣстечко, гдѣ было бы не слышно ихъ постояннаго рокота.

Достаточно, какъ мнѣ казалось, свернувъ на югъ, я поползъ, прячась за кусты, къ песчаной косѣ. Позади меня осталось море, впереди была бухта, гдѣ стояла шхуна. Здѣсь было совсѣмъ тихо, и наша «Испаньола», съ развѣвающимся на ней чернымъ флагомъ, отражалась въ зеркальной поверхности воды. Около нея была одна изъ шлюпокъ, и въ ней на кормѣ стоялъ Сильверъ, разговаривая съ двумя пиратами на шкунѣ; у одного изъ нихъ была красная шапка. До меня доносился ихъ смѣхъ, но словъ я не могъ разобрать. Вдругъ раздался пронзительный крикъ, отъ котораго у меня застыла кровь; но я сейчасъ-же узналъ голосъ «капитана Флинта», попугая Сильвера, и мнѣ показалось даже, что я вижу яркія перья этой птицы, сидѣвшей на рукѣ своего хозяина. Скоро лодка отчалила отъ шкуны и направились къ берегу, а красная шапка и его товарищъ спустились въ каюту.

Солнце скрылось за «Подзорную трубу», и надъ землей сталъ быстро подниматься туманъ. Мнѣ нельзя было терять ни минуты, чтобы до наступленія ночи отыскать лодку.

Бѣлая скала, поднимавшаяся надъ кустами, была еще на довольно большомъ разстояніи отъ меня, и прошло не мало времени, пока я добрался до нея, такъ какъ приходилось прятаться въ кустахъ, а иногда и ползти на четверенькахъ. Ночь уже почти наступила, когда я, наконецъ, очутился около скалы

и нащупалъ съ правой ея стороны небольшое углубленіе, скрывавшееся за кустами и густой травой, а въ немъ—маленькую лодочку. Это была самая первобытная пирога, выдолбленная изъ ствола дерева и покрытая козьей шкурой, мѣхомъ внутрь. Она была мала даже для меня, такъ что трудно было представить себѣ, чтобы въ ней могъ умѣщаться взрослый человѣкъ. Но за то она была чрезвычайно легка, и это дѣлало ее очень удобною. Теперь мнѣ оставалось только вернуться въ блокгаузъ; но въ моей головѣ зародилась новая безумная и въ то же время такая заманчивая мысль, что я не могъ не поддаться ей: мнѣ страстно захотѣлось подкрасться, подъ прикрытіемъ ночи, къ «Испаньолѣ» и перерѣзать якорный канатъ. Я думалъ, что послѣ сегодняшней неудачной аттаки пиратамъ ничего болѣе не оставалось, какъ сняться съ якоря и пуститься въ открытое море, и мнѣ хотѣлось помѣшать ихъ намѣреніямъ. Такъ какъ на шкунѣ не осталось ни одной шлюпки, то мнѣ казалось даже, что я не очень рискую собой, рѣшаясь на такую штуку.

И вотъ я усѣлся въ кустахъ въ ожиданіи ночи и сталъ съ удовольствіемъ закусывать сухарями. Когда погасли послѣдніе лучи свѣта, и густой туманъ окуталъ море и островъ, я взвалилъ себѣ на плечи пирогу и спустился къ берегу. Среди полнаго мрака свѣтились только два огонька: костеръ, разложенный на берегу, около котораго отдыхали пираты, и другой огонекъ, едва мерцавшій въ туманѣ,—на шкунѣ. Она теперь была обращена ко мнѣ носомъ, и въ каютѣ былъ свѣтъ, падавшій изъ кормового окна на воду. Отливъ былъ уже въ разгарѣ, и мнѣ довольно долго пришлось тащить лодку по мокрому песку, а затѣмъ итти по колѣна въ водѣ, пока можно было, наконецъ, поставить лодку килемъ внизъ и пуститься по волнамъ.

XXIII. По волнамъ отлива.

Пирога оказалась очень легкой и вполнѣ подходящей для моего роста и вѣса, но ею было очень трудно управлять, такъ какъ лодченка оказалась съ норовомъ и часто выкидывала самыя неожиданныя штуки. Всего больше любила она вертѣться кругомъ, какъ волчекъ. Самъ Бенъ Гуннъ находилъ, что управлять ею могъ только человѣкъ, хорошо знающій ея

характеръ и привычки. Къ сожалѣнію, послѣднія мнѣ были совершенно неизвѣстны, и въ моихъ неискусныхъ рукахъ она двигалась во всѣ стороны, кромѣ той, куда было надо. Не будь отлива, я бы, навѣрное, не добрался до «Испаньолы», но теченіемъ меня какъ разъ относило на нее. Шкуна, неяснымъ чернымъ пятномъ выдѣлявшаяся на окружающемъ темномъ фонѣ, приняла, наконецъ, формы корабля. Подъѣхавъ ближе, я нащупалъ канатъ и ухватился за него. Теченіе было такъ сильно, что шкуна, колыхаясь на волнахъ, натягивала якорный канатъ струной. Одинъ взмахъ моего ножа—и она поплыла бы въ открытое море. Но, къ счастью, мнѣ во время пришло въ голову, что для меня будетъ очень опасно сразу перерѣзать туго натянутый канатъ: отъ сильнаго толчка моя лодка могла опрокинуться.

Я уже собирался отказаться отъ своего намѣренія, какъ вдругъ подулъ вѣтеръ съ юго-запада, и «Испаньола» повернулась на якорѣ такимъ образомъ, что канатъ ослабѣлъ въ моей рукѣ. Тогда я зубами вытащилъ свой кортикъ изъ ноженъ и перерѣзалъ канатъ, но только до половины его толщины. Послѣ этого я остался дожидаться, чтобы канатъ снова ослабѣлъ.

Все время до меня доносились громкіе голоса изъ каюты, но я не обращалъ на нихъ вниманія. Теперь же, отъ нечего дѣлать, я сталъ прислушиваться. Въ одномъ я узналъ голосъ Гандса, а другой, навѣрное, принадлежалъ пирату съ красной шапкой. Оба, очевидно, были уже пьяны, хотя и продолжали еще пить; одинъ изъ нихъ съ пьянымъ возгласомъ открылъ кормовое окно и выбросилъ что-то въ воду,—пустую бутылку, какъ мнѣ показалось. По звуку голосомъ можно было догадаться, что между пиратами происходила ссора. Ругательства сыпались одно за другимъ, и я каждую секунду ждалъ, что ссора перейдетъ въ драку.

На берегу свѣтился огонекъ на мѣстѣ лагеря, и кто-то пѣлъ старую матросскую пѣсню, выдѣлывая трели въ концѣ каждаго куплета.

Наконецъ, снова налетѣлъ порывъ вѣтра, шкуна заколыхалась, и канатъ ослабѣлъ въ моей рукѣ. Тогда я перерѣзалъ остальныя волокна его. Въ ту же секунду шкуна дрогнула и повернулась, увлекаемая теченіемъ. Я работалъ, что было силы, весломъ, чтобы отъѣхать отъ нея, такъ какъ боялся быть

опрокинутымъ, но скоро увидѣлъ, что это безполезно; тогда я постарался держаться около кормы. Вдругъ мнѣ подъ руку попался конецъ каната. Самъ не зная для чего, я схватилъ его, и тогда меня взяло любопытство заглянуть, при помощи его, въ каюту. Я повисъ на веревкѣ, вскарабкался наверхъ и добрался до окна каюты.

За это время шкуна и ея спутница—пирога подвинулись по теченію на столько, что поравнялись съ лагеремъ на берегу. Я удивился, что стража на кораблѣ не замѣчаетъ этого, но, заглянувъ въ окно каюты, понялъ все: Гандсъ и его товарищъ схватились, какъ злѣйшіе враги, и держали другъ друга за горло. Я поспѣшилъ спуститься по веревкѣ внизъ, въ пирогу, но послѣ этого еще нѣсколько секундъ передъ моими глазами стояла ужасная картина, которую я только что видѣлъ: красныя, озвѣрѣвшія лица и налитые кровью глаза при тускломъ свѣтѣ коптившей лампы. Чтобы прогнать отъ себя эту картину, я закрылъ глаза. Безконечная пѣсня, которую распѣвалъ на берегу разбойникъ, оборвалась, наконецъ, и хоръ пиратовъ затянулъ знакомый мнѣ мотивъ:

«Пятнадцать человѣкъ на ящикѣ мертвеца,—
Іо-хо-хо, и бутылка рому!»

Вдругъ моя лодка накренилась на бокъ и круто измѣнила свое направленіе. Я открылъ глаза. Кругомъ меня подскакивали мелкія волны, искрясь фосфорическимъ свѣтомъ. «Испаньола», позади которой въ нѣсколькихъ шагахъ плыла моя лодка, тоже измѣнила направленіе и плыла теперь къ югу. Я оглянулся, и сердце у меня забилось сильнѣе: костеръ свѣтился уже позади меня. Теченіе сдѣлало поворотъ направо и увлекало за собой шкуну и пирогу въ открытое море черезъ узкій проливчикъ. Волны все выше вздымались и пѣнились кругомъ.

Вдругъ шкуна рѣзко повернулась, описавъ дугу градусовъ въ двадцать, и почти въ тотъ же моментъ съ борта ея донеслись крики. Я слышалъ стукъ ногъ по лѣстницѣ, которая вела изъ каюты на палубу, и понялъ, что разбойники увидѣли, наконецъ, въ какомъ ужасномъ положеніи они находились.

Улегшись на дно пироги и отдавъ себя на волю Божію, я приготовился ко всему, зная, что по выходѣ изъ проливчика насъ ожидали буруны, и тогда всѣ мои страхи должны были

моментально кончиться вмѣстѣ съ жизнью. Но, хотя я готовъ былъ мужественно умереть, у меня не хватало духу взглянуть въ лицо опасности. Поэтому, закрывъ глаза, я лежалъ тамъ, покачиваясь на волнахъ и каждую минуту ожидая смерти. Сколько времени прошло такимъ образомъ—не знаю, но, наконецъ, на меня напала какая-то непонятная слабость, почти оцѣпенѣніе, сковавшее всѣ мои члены; я забылся и во снѣ грезилъ о домѣ и нашей старой гостиницѣ «Адмиралъ Бенбоу».

XXIV. Путешествіе въ лодкѣ.

Когда я проснулся, былъ уже день, и мы плыли около югозападнаго берега Острова Сокровищъ. Солнце скрывалось за «Подзорной трубой», утесы которой круто обрывались почти къ самому морю. Другіе два холма были недалеко отъ меня. Я былъ въ какой-нибудь четверти мили отъ берега, и первой моей мыслью было взяться за весло и грести къ острову. Но мнѣ сейчасъ-же пришлось отказаться отъ нея, потому что буруны пѣнились и разбивались о каменистый берегъ, обдавая его брызгами и оглашая воздухъ несмолкаемымъ ревомъ; пытаться подплыть въ этомъ мѣстѣ къ берегу—значило итти на вѣрную гибель.

Но это было еще не все: около берега плавала масса какихъ-то огромныхъ мягкихъ чудовищъ, наполнявшихъ воздухъ громкимъ мычаніемъ, которое эхомъ отдавалось въ горахъ. Послѣ я узналъ, что это были морскія коровы, и что онѣ совершенно безопасны. Но видъ этихъ неизвѣстныхъ мнѣ животныхъ былъ достаточно ужасенъ, чтобы у меня пропала охота держаться ближе къ берегу, и я предпочелъ голодную смерть въ открытомъ морѣ.

Но меня ожидала лучшая участь. Къ сѣверу отъ мыса берегъ загибался внутрь, и во время отлива здѣсь обнажалась длинная песчаная мель. Еще сѣвернѣе поднимался другой мысъ, названный на картѣ Лѣсистымъ; онъ былъ покрытъ высокими зелеными соснами, спускавшимися къ самой водѣ. Я вспомнилъ, что Сильверъ разсказывалъ про теченіе, которое шло къ сѣверу, огибая весь западный берегъ острова. И, такъ какъ я все равно попалъ уже отчасти въ это теченіе, то и рѣ-

шилъ попытаться причалить около Лѣсистаго мыса, который выглядѣлъ болѣе мирнымъ.

Море было покрыто легкой зыбью. Вѣтеръ, на мое счастье, дулъ съ юга, совпадая съ теченіемъ, такъ что волны, поднимаясь и опускаясь, не разбивались другъ друга. Если бы было иначе, то я бы давно погибъ. Теперь, лежа на днѣ, я только удивлялся, съ какой легкостью поднималась моя лодочка на гребни синихъ волнъ и такъ же легко, точно птичка, спускалась съ нихъ.

Мало-по-малу я пріободрился и сѣлъ въ пирогѣ, чтобы подгрести къ берегу. Но при этомъ движеніи моя неустойчивая лодочка вся затрепетала, повернулась и ударилась носомъ въ волну. Облитый волной и испуганный, я улегся въ прежнее положеніе на дно, и тогда мой челнокъ снова легко и мягко понесся по волнамъ. Но теперь у меня не оставалось никакой надежды на то, что я когда-нибудь попаду на берегъ.

Оправившись отъ испуга, я сталъ осторожно вычерпывать воду изъ пироги своей шапкой, а затѣмъ задался цѣлью узнать, отчего она шла такъ ровно и легко, когда была предоставлена самой себѣ? Дѣло оказалось очень простымъ: поверхность волнъ, какъ я замѣтилъ, вовсе не была одинаковой вездѣ, а имѣла бугры и углубленія, какъ и поверхность земли; и вотъ, когда лодка была предоставлена сама себѣ, она выбирала удобныя для себя мѣста, избѣгая неровностей.

— Хорошо,—сказалъ я себѣ,—значитъ, я буду лежать на днѣ, чтобы не мѣнять центра тяжести лодки, но это не помѣшаетъ мнѣ по временамъ дѣлать одинъ-два взмаха весломъ, чтобы направлять ее къ берегу.

И вотъ, лежа и облокачиваясь въ дно локтями, я ждалъ удобнаго момента и слегка повертывалъ лодку, куда надо. Работа была очень утомительная и неблагодарная, но я все же видѣлъ, хотя и очень медленные, результаты ея. Къ Лѣсистому мысу мнѣ причалить не удалось, и я поплылъ дальше, хотя былъ недалеко отъ берега; я уже различалъ зеленыя вершины деревьевъ, колыхавшіяся отъ вѣтра, и былъ увѣренъ, что причалю къ слѣдующему мысу. Страшная жажда мучила меня, такъ какъ солнце невыносимо жгло меня своими лучами, а губы были солоны отъ мельчайшихъ брызгъ морской воды. Деревья манили меня своей прохладной свѣжестью, но теченіе

пронесло меня и мимо слѣдующаго мыса. Когда я объѣхалъ его, моимъ глазамъ представилось такое зрѣлище, которое совсѣмъ измѣнило направленіе моихъ мыслей.

Прямо предо мной, меньше, чѣмъ въ полумилѣ разстоянія, шла на парусахъ «Испаньола». Теперь я былъ увѣренъ, что пираты увидятъ меня и поймаютъ, но чувствовалъ такую мучительную жажду, что даже не зналъ, радоваться этому или печалиться.

Ослѣпительно бѣлые паруса шкуны серебрились на солнцѣ, и она плыла на сѣверо-западъ, изъ чего я заключилъ, что пираты хотятъ обогнуть островъ и вернуться къ прежнему мѣсту стоянки. Затѣмъ «Испаньола» начала все больше и больше уклоняться на западъ, такъ что я подумалъ, что пираты увидѣли пирогу и погнались за ней. Вдругъ шкуна повернула противъ вѣтра и остановилась точно въ нерѣшимости.

— Вотъ-такъ народецъ!—подумалъ я.—Они, навѣрное, напились до безчувствія. Хорошо бы имъ досталось отъ Сильвера, если бы онъ узналъ объ этомъ!

Между тѣмъ шкуна снова повернулась, стала подъ вѣтеръ и поплыла нѣсколько минутъ, а затѣмъ опять остановилась. Такъ повторилось нѣсколько разъ, и она плыла по всевозможнымъ направленіямъ. Ясно было, что никто не правилъ рулемъ. Но гдѣ же были пираты? Очевидно, они были или мертвецки пьяны, или же покинули корабль. Тогда у меня явилось сильное желаніе добраться до шкуны и, быть можетъ, вернуть ее капитану.

Но это не такъ-то легко было исполнить, потому что, хотя теченіе одинаково увлекало и шкуну, и пирогу на югъ, но корабль часто останавливался или неожиданно поворачивался въ сторону. Наконецъ, счастье улыбнулось мнѣ: вѣтеръ почти стихъ на нѣсколько секундъ, и теченіе повернуло «Испаньолу» кормой ко мнѣ. Черезъ открытое окно каюты я увидѣлъ горѣвшую лампу, хотя былъ уже день. Я удвоилъ старанія, но, когда былъ всего въ какихъ-нибудь ста ярдахъ отъ шкуны, снова подулъ вѣтеръ, паруса расправились, и «Испаньола» полетѣла по водѣ, точно ласточка. Я пришелъ было въ полное отчаяніе, но оно скоро смѣнилось радостью: «Испаньола» описала кругъ и вдругъ, повернувшись назадъ, поплыла прямо на меня. Я видѣлъ, какъ пѣнились около нея волны, и

она казалась мнѣ такой огромной сравнительно съ моей пирогой.

Но вдругъ я понялъ, какая опасность угрожала мнѣ, если бы шкуна наѣхала на меня. Она была уже такъ близко, что нельзя было терять ни секунды. Пирога какъ разъ поднялась на валъ, когда шкуна нырнула внизъ, и прямо надъ моей головой приходился бугшпритъ. Я вскочилъ на ноги, подпрыгнулъ и, ухватившись рукой за стаксель, нѣсколько секундъ висѣлъ въ воздухѣ, пока не отыскалъ ногами, во что упереться. Въ это время я услышалъ глухой ударъ: это шхуна налетѣла на пирогу и потопила ее.

Отступленіе было отрѣзано!

XXV. Я наношу пораженіе черному флагу.

Едва я очутился на бугшпритѣ, какъ большой парусъ надулся отъ вѣтра, и шкуна дрогнула всѣмъ своимъ корпусомъ. Толчокъ былъ такъ силенъ, что я чуть не упалъ въ море. Не теряя времени, я поползъ по бугшприту и скатился головой внизъ на палубу. Я былъ на носовой части ея, и парусъ скрывалъ отъ меня корму. Полъ, нечищенный съ начала бунта, носилъ слѣды грязныхъ ногъ; пустая бутылка съ отбитымъ горлышкомъ каталась по половицамъ при каждомъ движеніи шкуны, точно живое существо. Вдругъ парусъ отклонился вѣтромъ въ сторону, и я увидѣлъ кормовую часть палубы и обоихъ пиратовъ. Одинъ, въ красной шапкѣ, неподвижно лежалъ на спинѣ, раскинувъ въ стороны руки и оскаливъ зубы. Другой—это былъ Израиль Гандсъ—сидѣлъ, опустивъ голову на грудь; лицо его было совсѣмъ воскового цвѣта.

При каждомъ толчкѣ корабля, человѣка въ красной шапкѣ встряхивало, но поза его не мѣнялась, и онъ попрежнему скалилъ свои зубы. Гандсъ постепенно съѣзжалъ, при движеніяхъ шкуны, все ниже и ниже, такъ что, наконецъ, лицо его скрылось отъ меня. Около разбойниковъ виднѣлись на полу пятна запекшейся крови, такъ что я начиналъ уже думать, что они убили другъ друга въ пылу пьяной схватки.

Въ то время, какъ я смотрѣлъ на нихъ, Израиль Гандсъ пошевелился и со стономъ принялъ опять прежнее сидячее положеніе. Этотъ страдальческій стонъ наполнилъ мое сердце жалостью, но она сейчасъ же исчезла изъ него, какъ только я

вспомнилъ о томъ, что подслушалъ изъ бочки съ яблоками. Я подошелъ къ главной мачтѣ и проговорилъ съ насмѣшкой:

— Вотъ я опять на шкунѣ, м-ръ Гандсъ!

Разбойникъ съ трудомъ повелъ въ мою сторону глазами и даже не выразилъ удивленія при видѣ меня, а только хриплымъ и слабымъ голосомъ произнесъ:

— Водки!

Я понялъ, что нельзя терять времени, и быстро спустился въ каюту. Здѣсь стоялъ невообразимый хаосъ. Всѣ сундуки, ящики, все, что только запиралось, было разворочено—очевидно, въ поискахъ карты. Полъ былъ покрытъ густымъ слоемъ грязи, которую разбойники нанесли на своихъ ногахъ изъ болотистаго мѣста, гдѣ стоялъ лагерь. Пустыя бутылки, брошенныя по угламъ, звенѣли другъ о друга при качкѣ корабля. Одна изъ медицинскихъ книгъ доктора валялась на столѣ съ вырванными—вѣроятно, для закуриванія—листами. На весь этотъ безпорядокъ бросала тусклый свѣтъ чадившая лампа. Изъ каюты я прошелъ въ погребъ. Здѣсь уже не было ни одной бочки, и невѣроятное количество бутылокъ было выпито и брошено. Очевидно, съ тѣхъ поръ, какъ начался бунтъ, пираты не протрезвлялись.

Поискавъ кругомъ, я нашелъ въ одной бутылкѣ немного водки для Гандса. Для себя я взялъ нѣсколько сухарей, немного консервовъ, большую гроздь винограда и кусокъ сыру. Со всей этой провизіей я поднялся на палубу и спряталъ ее около руля, подальше отъ Гандса. Затѣмъ подошелъ къ бочкѣ съ водой, жадно напился и только тогда протянулъ Гандсу бутылку съ водкой. Онъ залпомъ отпилъ порядочное количество.

— Чортъ возьми, — проговорилъ онъ, наконецъ, отнимая бутылку ото рта.—Этого-то мнѣ и надо было!

Я усѣлся въ своемъ уголкѣ около руля и принялся за ѣду.

— Вы тяжело ранены?—спросилъ я его.

Гандсъ заохалъ въ отвѣтъ.

— Будь на шкунѣ докторъ,—сказалъ онъ, — онъ бы живо поправилъ меня. Но мнѣ никогда ни въ чемъ не везло, вотъ въ чемъ дѣло. А что до этого молодца,—прибавилъ онъ, указывая на разбойника въ красной шапкѣ,—то ужъ онъ готовъ. Но его не стоитъ жалѣть, онъ былъ изъ рукъ вонъ плохимъ матросомъ. А откуда вы попали сюда?

— Я явился на шкуну принять ее въ свое завѣдываніе, м-ръ Гандсъ!—отвѣчалъ я.—Вы должны смотрѣть на меня, какъ на вашего капитана, пока не будетъ новыхъ распоряженій!

Гандсъ сердито поглядѣлъ на меня, но ничего не сказалъ. Только щеки его покрылись легкой краской.

— Какъ хотите, — продолжалъ я,—а я не могу оставить этого чернаго флага и съ вашего позволенія сорву его. Лучше никакого флага, чѣмъ этотъ!

И, сорвавъ черный флагъ, я бросилъ его въ море.

— Да здравствуетъ король!—вскричалъ я, махая шляпой.— И долой капитана Сильвера!

Гандсъ зорко наблюдалъ за мной, и по лицу его бродила лукавая усмѣшка.

— Я полагаю,—сказалъ онъ, наконецъ,—я полагаю, капитанъ Гаукинсъ, что вы не прочь были бы высадиться на берегъ. Потолкуемъ-ка немного!

— Чтожъ, съ удовольствіемъ, м-ръ Гандсъ,—отвѣчалъ я.— Отчего же не поговорить?

И я вернулся къ своему мѣсту около руля и опять съ аппетитомъ принялся за ѣду.

— Этотъ молодецъ,—началъ Гандсъ, кивая на трупъ,—да я, мы собирались вернуться назадъ въ бухту. Но вотъ онъ— его зовутъ О'Бріенъ, онъ ирландецъ,—мертвъ теперь, какъ колода, а я не могу вести шхуну. Такъ вотъ, вы дадите мнѣ поѣсть и попить и какую-нибудь тряпку, чтобы перевязать рану,—это вы сдѣлаете, а я за то буду говорить вамъ, какъ править шкуной. Такъ мы и поквитаемся съ вами!

— Я скажу вамъ только одно,—замѣтилъ я,—я не желаю возвращаться въ пристань капитана Кидда, а думаю пройти въ сѣверный рейдъ и встать на мель!

— Понимаю я, что вы этого желаете!—вскричалъ онъ.— Ну, чтожъ, вѣдь у меня все равно нѣтъ выбора. Помогу вамъ и въ этомъ, чортъ возьми!

Мнѣ казалось, что въ словахъ его кроется задняя мысль, но это не помѣшало намъ заключить договоръ. Не прошло и трехъ минутъ, какъ я уже, по указаніямъ Гандса, направилъ «Испаньолу», куда нужно. Я надѣялся, что можно будетъ добраться до сѣвернаго мыса раньше полдня, въѣхать въ рейдъ до прилива и, дождавшись отлива, выйти на берегъ.

Затѣмъ я спустился внизъ, досталъ изъ своего сундука мягкій шелковый платокъ, подаренный мнѣ моей матерью, и помогъ Гандсу перевязать его рану на бедрѣ. Послѣ этого, подкрѣпившись ѣдой и водкой, онъ, видимо, оправился, сѣлъ прямѣе, заговорилъ болѣе громкимъ и яснымъ голосомъ и вообще сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Вѣтеръ вполнѣ благопріятствовалъ намъ. Шкуна летѣла, какъ птица, и берегъ быстро мелькалъ передъ моими глазами, раскрывая, точно въ калейдоскопѣ, одну картину за другой. Скоро высокое мѣсто съ сосновымъ лѣсомъ осталось у насъ позади, и мы обогнули скалистый сѣверный мысъ.

Я чувствовалъ себя счастливымъ въ моей новой должности и наслаждался чудесной погодой и разнообразными видами на берегу. Ѣды и питья было у меня вдоволь и—что самое главное—моя совѣсть совершенно успокоилась теперь: мнѣ казалось, что я вполнѣ загладилъ мою прежнюю вину, заполучивъ въ свое владѣніе шкуну. Единственное, что отравляло мое удовольствіе,—это были глаза Гандса, которые слѣдили за каждымъ моимъ движеніемъ, и странная усмѣшка, не сходившая съ его лица: это была не только страдальческая улыбка стараго, больного человѣка, но въ ней сквозила и коварная насмѣшка надо мной, и, занимаясь своимъ дѣломъ, я все время чувствовалъ на себѣ его лукавый взглядъ.

XXVI. Израиль Гандсъ.

Вѣтеръ, точно нарочно, въ угоду намъ, подулъ на западъ. Мы подплыли къ сѣверному рейду, но такъ какъ у насъ не было якоря, то мы могли посадить шкуну на мель только во время отлива. Гандсъ разсказалъ мнѣ, какъ сдѣлать, чтобы оставаться въ дрейфѣ. Послѣ долгихъ усилій мнѣ, наконецъ, удалось это, и затѣмъ намъ оставалось только ждать, сидя сложа руки.

— Капитанъ,—сказалъ Гандсъ со своей непріятной улыбкой,—вонъ тамъ лежитъ мой товарищъ О'Бріенъ. Можетъ быть, вы бросите его въ море? Я, правда, не изъ очень брезгливыхъ, но все же это лишнее украшеніе здѣсь; вы не находите этого?

— У меня не хватитъ силъ стащить его за бортъ,—отвѣчалъ я,—да и не скажу, чтобы мнѣ было пріятно это. Пускай лежитъ тутъ!

— Что за несчастный корабль эта «Испаньола!» — продолжалъ онъ.—Сколько народу здѣсь перебито! Вотъ и О'Бріенъ тоже. И знаете что, Джимъ, я бы хотѣлъ поговорить съ вами по душѣ, но только сначала спуститесь въ каюту и принесите мнѣ бутылку вина. Эта водка слишкомъ крѣпка для моей слабой головы!

Голосъ, которымъ онъ сказалъ это, показался мнѣ неестественнымъ, да и то, что онъ предпочелъ вино водкѣ, тоже было очень странно. Очевидно, онъ только искалъ предлога, чтобы выпроводить меня съ палубы. Глаза его бѣгали по сторонамъ, избѣгая встрѣчаться съ моими, и у него была такая растерянная улыбка, что даже малый ребенокъ понялъ бы, что тутъ кроется что-то неладное. Но я и виду не показалъ, что подозрѣваю его въ какихъ-нибудь дурныхъ замыслахъ, и только спросилъ:

— Вы хотите вина? Чтожъ, это гораздо лучше. Какого-же вамъ вина принести—бѣлаго или краснаго?

— Это мнѣ все равно, дружище!—отвѣчалъ Гандсъ.

— Ну, такъ я принесу вамъ портвейну, м-ръ Гандсъ. Но только мнѣ придется поискать его!

Съ этими словами я сбѣжалъ съ лѣстницы, нарочно громко стуча башмаками, а затѣмъ, снявъ ихъ, тихонько обѣжалъ кругомъ и выглянулъ изъ люка на палубу.

Мои подозрѣнія оправдались. Гандсъ приподнялся и поползъ по палубѣ, морщась и охая отъ боли въ ногѣ. Впрочемъ, это не мѣшало ему очень быстро добраться до другого конца палубы, гдѣ лежалъ свертокъ веревокъ. Вынувъ оттуда длинный ножъ, весь испачканный кровью, онъ попробовалъ рукой лезвіе и торопливо спряталъ ножъ за пазуху. Послѣ этого онъ вернулся на свое мѣсто.

Я зналъ теперь, что Израиль могъ двигаться—и даже очень быстро,—и что у него было оружіе—очевидно, противъ меня, такъ какъ кромѣ насъ никого не было на кораблѣ. Но въ одномъ наши интересы сходились: мы оба одинаково желали доставить шкуну въ безопасное мѣсто, и—такъ какъ Гандсъ нуждался еще во мнѣ, — моя жизнь на нѣкоторое время была въ безопасности. Размышляя на эту тему, я тихонько выбрался изъ люка, одѣлъ башмаки и, схвативъ наудачу первую попавшуюся бутылку вина, поднялся съ нею на палубу.

Гандсъ лежалъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ я его оставилъ; глаза его были закрыты, точно онъ былъ такъ слабъ, что даже не могъ переносить яркаго свѣта. Впрочемъ, когда я вошелъ, онъ вскинулъ на меня глаза, взялъ бутылку и, отбивъ у нея горлышко, какъ опытный въ этомъ человѣкъ, хлебнулъ изъ нея съ пожеланіемъ «всѣхъ благъ». Затѣмъ, вытащивъ изъ кармана свертокъ табаку, онъ попросилъ меня отрѣзать ему кусочекъ.

— У меня и ножа нѣтъ, да и силы, пожалуй, не хватило-бы—такъ я весь ослабѣлъ. Ахъ, Джимъ, должно быть, ужъ не жилецъ я на этомъ свѣтѣ! Чего добраго, этотъ кусочекъ табаку будетъ для меня послѣднимъ!

Потомъ онъ продолжалъ:

— Ну, а теперь, капитанъ Гаукинсъ, исполняйте мои приказанія, и мы скоро поставимъ шкуну въ безопасное мѣсто!

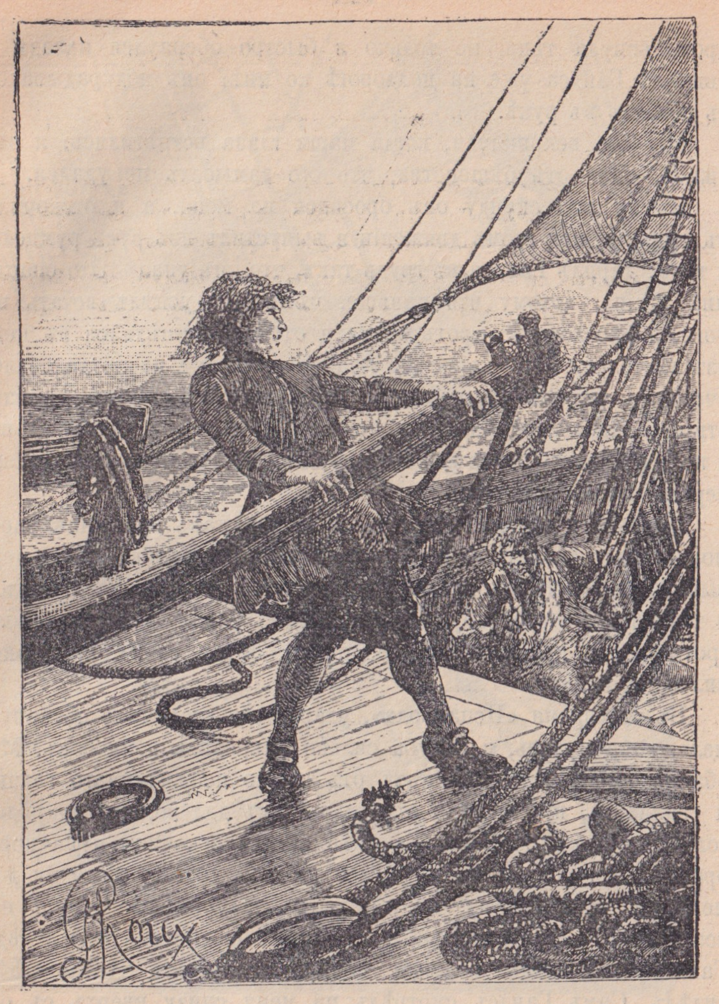
Намъ оставалось пройти всего какихъ-нибудь двѣ мили, но входъ на рейдъ представлялъ затрудненія, и управлять рулемъ надо было очень осторожно. Впрочемъ, Гандсъ былъ отличнымъ лоцманомъ, а я — послушнымъ и расторопнымъ помощникомъ его, и мы отлично справились со всѣми трудностями. Въ заливѣ насъ со всѣхъ сторонъ окружила земля. Здѣсь было такъ же много лѣсу по берегу, какъ и въ южной бухтѣ, но только заливъ былъ длиннѣе и уже ея, напоминая рукавъ рѣки. Прямо противъ насъ виднѣлся остовъ разбитаго корабля, заросшаго уже морскими растеніями; на палубѣ его пустили корни цѣлые кустарники, которые были теперь въ цвѣту.

— Вотъ, взгляните сюда,—сказалъ Гандсъ.—Это какъ разъ удобное мѣсто для того, чтобы посадить шкуну на мель: тихо и ровно, на днѣ чистый песокъ, а кругомъ деревья и цвѣты!

— А послѣ можно будетъ сняться опять съ мели?—спросилъ я.

— Отчего же нѣтъ? Надо только во время отлива занести канатъ на другой берегъ и обернуть кругомъ толстой сосны, а другой конецъ привязать къ шпилю. Какъ настанетъ приливъ, нѣсколько человѣкъ должны взяться за канатъ и тянуть его, и шкуна сама выйдетъ изъ пролива. А теперь, мальчикъ, держи направо! Теперь немного налѣво! Держи крѣпче! Крѣпче!

Онъ отдавалъ приказанія, которыя я немедленно и въ точности исполнялъ. Наконецъ, я налегъ на руль, и «Испаньола», круто повернувшись, поплыла на низкій лѣсистый берегъ.

Я налегъ на руль, и «Испаньола» круто повернувшись...

За послѣднія минуты, занятый труднымъ для меня дѣломъ, я забылъ слѣдить за движеніями Гандса и такъ заинтересовался новымъ положеніемъ шкуны, что, забывъ о грозившей мнѣ опасности, наклонился черезъ бортъ и сталъ любоваться волнами, бѣжавшими изъ-подъ корабля. Но вдругъ мною овладѣло безотчетное безпокойство. Можетъ быть, до слуха моего донесся какой-нибудь легкій шумъ, или передъ глазами моими

промелькнула тѣнь, но только я быстро обернулся назадъ и увидѣлъ Гандса уже на полдорогѣ ко мнѣ: онъ подкрадывался съ ножомъ въ рукѣ.

Мы оба вскрикнули, когда наши глаза встрѣтились: я отъ ужаса, онъ—отъ бѣшенства, что его замыселъ не удался.

Въ ту же секунду онъ бросился на меня, а я отскочилъ въ сторону; при этомъ движеніи я выпустилъ изъ рукъ румпель, и тотъ ударилъ Гандса въ грудь такъ, что онъ упалъ. Это спасло мнѣ жизнь, потому что раньше, чѣмъ онъ успѣлъ встать на ноги, я бросился къ гротъ-мачтѣ и отсюда прицѣлился въ него изъ пистолета. Но—къ моему ужасу—выстрѣла не послѣдовало: очевидно, порохъ отсырѣлъ во время моего морского путешествія. О, какъ раскаивался я, что не подумалъ объ этомъ раньше и не перемѣнилъ порохъ! Теперь я былъ совершенно безоруженъ передъ этимъ негодяемъ.

Пробовать другой пистолетъ не стоило, такъ какъ, навѣрное, можно было сказать, что его постигла та же участь, что и первый. Мнѣ оставалось только увертываться отъ нападенія Гандса и тѣмъ продлить борьбу. Съ этимъ намѣреніемъ я всталъ около гротъ-мачты, положивъ на нее руку. Гандсъ то же пріостановился на минуту.

Въ это время «Испаньола», ударившись носомъ о песчаную мель, покачнулась, и палуба сильно накренилась на бокъ. Мы оба не удержались на ногахъ отъ такого неожиданнаго толчка и свалились, при чемъ я откатился такъ далеко, что ударился головой о ноги боцмана. Быстрѣе молніи вскочилъ я на ноги, бросился къ фокъ-мачтѣ и усѣлся на реѣ: другого спасенія для меня не было, потому что бѣгать по палубѣ было теперь невозможно. Быстрота спасла меня: ножъ, брошенный мнѣ вслѣдъ Гандсомъ, ударился о мачту немного ниже того мѣста, гдѣ я сидѣлъ. Самъ Гандсъ смотрѣлъ на меня снизу вверхъ съ открытымъ ртомъ, и на лицѣ его выражалось изумленіе и досада.

Не теряя времени, зарядилъ я свои пистолеты свѣжимъ порохомъ и приготовился защищаться, затѣмъ обратился къ Гандсу, который, держа ножъ въ зубахъ, уже началъ карабкаться ко мнѣ на мачту, охая отъ боли.

— Если вы сдѣлаете еще хоть шагъ дальше, мистеръ Гандсъ, я размозжу вамъ голову изъ пистолета. Вѣдь «мертвые не кусаются», какъ вамъ извѣстно!—прибавилъ я съ усмѣшкой.

— Если вы сдѣлаете еще шагъ, я размозжу вамъ голову...

Онъ моментально остановился. Я видѣлъ по его лицу, что онъ пытался что-то сообразить, но всякая умственная работа была для него, очевидно, непосильнымъ трудомъ. У моего врага было такое комичное и глупое лицо, что я громко расхохотался, тѣмъ болѣе, что чувствовалъ себя теперь въ полной безопасности.

— Джимъ,—началъ негодяй,—не будь этого толчка, я бы

справился съ тобой; но мнѣ всегда не везетъ. Приходится ужъ сдаться тебѣ, Джимъ, хотя и тяжело мнѣ, старому моряку, уступить такому юнцу, какъ ты!

Я упивался своей побѣдой, сидя на своей вышкѣ, точно пѣтухъ-побѣдитель, взлетѣвшій на заборъ. Вдругъ, въ одно мгновеніе правая рука Гандса описала полукругъ, и что-то мелькнуло въ воздухѣ, точно стрѣла. Я почувствовалъ острую боль въ плечѣ и подъ вліяніемъ ея, совершенно безсознательно, выстрѣлилъ изъ обоихъ пистолетовъ. Затѣмъ они выпали у меня изъ рукъ; одновременно съ этимъ Гандсъ выпустилъ мачту и съ подавленнымъ крикомъ упалъ головой внизъ въ море.

XXII. Червонцы.

Гандсъ вынырнулъ одинъ разъ изъ воды и затѣмъ больше не показывался. Когда поверхность воды успокоилась, я увидѣлъ его лежащимъ на чистомъ пескѣ, въ тѣни, которую отбрасывала шкуна. Около самаго тѣла его проплыли двѣ рыбы; вода зарябила, и мнѣ почудилось, что Гандсъ пошевелился, стараясь привстать. Но нѣтъ, онъ былъ мертвъ и долженъ былъ сдѣлаться добычей рыбъ—на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ собирался покончить со мной.

Я вдругъ почувствовалъ себя дурно. Кинжалъ, которымъ я былъ пригвожденъ къ мачтѣ, жегъ мнѣ плечо, точно раскаленнымъ желѣзомъ. Кромѣ того, на меня напалъ страхъ, что я могу упасть съ реи въ море и остаться тамъ лежать рядомъ съ боцманомъ. Я изъ всѣхъ силъ ухватился за мачту и закрылъ глаза, чтобы не видѣть опасности. Но это продолжалось недолго, и я снова овладѣлъ собой. Прежде всего я попробовалъ вырвать кинжалъ изъ раны, но едва дотронулся до него, какъ почувствовалъ сильнѣйшую боль и содрогнулся всѣмъ тѣломъ; отъ послѣдняго движенія ножъ самъ выпалъ изъ раны, потому что, какъ оказалось, сидѣлъ въ ней очень неглубоко, и пригвоздилъ къ мачтѣ, главнымъ образомъ, мое платье. Рванувшись посильнѣе, я освободился отъ него и спустился на палубу, гдѣ кое-какъ перевязалъ свою рану.

Теперь я былъ единственнымъ обладателемъ шкуны, и мнѣ захотѣлось очистить ее отъ О'Бріена. Обхвативъ его тѣло руками, я безъ особеннаго труда дотащилъ его до борта и пере-

кипулъ черезъ него. Теперь оба разбойника лежали на днѣ, недалеко другъ отъ друга, и около нихъ безпокойно плавали встревоженныя рыбы; красная шапка всплыла наверхъ и качалась на поверхности воды.

Я остался на шкунѣ одинъ. Солнце было уже низко, и длинныя тѣни отъ высокихъ сосенъ доходили до самой палубы. Поднялся вечерній вѣтерокъ, и канаты стали напѣвать монотонную пѣсенку, а паруса затрепетали и захлопали. Изъ предосторожности я спустилъ всѣ паруса, а у гротъ-мачты подрѣзалъ канаты, такъ какъ не могъ справиться съ ея парусомъ.

Скоро весь рейдъ погрузился въ прозрачную тѣнь, и только послѣдніе лучи солнца, украдкой пробиваясь сквозь кружевную листву лѣса, заиграли на яркихъ цвѣтахъ стараго брошеннаго корабля и осыпали его, точно драгоцѣнными камнями. Начало свѣжѣть. Мнѣ оставалось только покинуть «Испаньолу», что я и сдѣлалъ, ухватившись руками за обрывокъ якорнаго каната и спустившись при его помощи въ воду. Вода стояла очень низко, едва достигая мнѣ по поясъ, и я легко добрался до берега. Въ самомъ отличномъ настроеніи направился я къ блокгаузу: вѣдь если я и поступилъ сначала необдуманно, то послѣ вполнѣ загладилъ свою вину, раздобывъ въ наше полное владѣніе шкуну и оставивъ ее въ безопасномъ мѣстѣ. Мнѣ казалось, что мои заслуги долженъ былъ признать даже строгій капитанъ.

Съ такими мыслями пробирался я лѣсомъ, пока не дошелъ до ручья. Около этого мѣста встрѣтился я прошлый разъ съ Беномъ Гунномъ. Сдѣлалось уже темно. Обогнувъ холмъ, я увидѣлъ на небѣ отраженный свѣтъ—отъ костра Бена, какъ я подумалъ; меня только удивило, что онъ ведетъ себя такъ безпечно и не боится, что его огонь замѣтятъ изъ лагеря пиратовъ. Темнота все болѣе сгущалась, и очертанія холмовъ точно расплывались въ воздухѣ. На небѣ зажглись блѣдныя звѣздочки. Я то и дѣло спотыкался объ ямы и кочки.

Но вдругъ изъ-за «Подзорной трубы» выглянулъ мѣсяцъ и залилъ все вокругъ дрожащимъ серебристымъ свѣтомъ. Тогда я ускорилъ шагъ и почти бѣгомъ пустился къ блокгаузу. Только подходя къ нему, я сдержалъ свое нетерпѣніе и пошелъ тише, осторожно пробираясь между деревьями: было бы слишкомъ глупо и печально, если бы мои товарищи приняли меня за непріятеля и уложили на мѣстѣ пулей.

Наконецъ, я вышелъ на поляну передъ блокгаузомъ, и глазамъ моимъ представилось странное зрѣлище: между домомъ и палисадомъ разведенъ былъ костеръ, красноватый отблескъ котораго на небѣ я и видѣлъ раньше. Это удивило и смутило меня, такъ какъ было совсѣмъ не похоже на наши прежнія привычки: капитанъ обыкновенно былъ очень экономенъ съ дровами. Я почувствовалъ, что это плохой знакъ, и что безъ меня произошли какія-нибудь перемѣны.

Съ тяжелымъ сердцемъ я тихонько подкрался къ самому дому и прислушался. Но то, что я услышалъ здѣсь, совершенно успокоило меня и наполнило мое сердце самой искренней радостью. А между тѣмъ звуки сами по себѣ были далеко не музыкальные и не заключали въ себѣ ничего пріятнаго: это былъ дружный и громкій храпъ нѣсколькихъ человѣкъ. Странно было только, что никто не стоялъ на часахъ; но эту небрежность я объяснилъ болѣзнью капитана и снова почувствовалъ угрызенія совѣсти, что покинулъ своихъ друзей въ такое тяжелое для нихъ время.

Я подошелъ къ двери и заглянулъ въ комнату. Въ ней было совершенно темно, и среди мрака раздавалось только храпѣніе и еще какой-то однообразный звукъ, точно постукиваніе обо что-то. Протянувъ впередъ руки, осторожно шагнулъ я въ комнату, собираясь тихонько пробраться въ уголокъ на свое старое мѣсто, чтобы удивить и обрадовать моихъ друзей на слѣдующее утро. Я наткнулся на что-то въ темнотѣ—кажется, на ногу спавшаго человѣка; онъ только вздохнулъ и перевернулся на другой бокъ. Но вдругъ въ темнотѣ раздался рѣзкій голосъ, крикнувшій:

— Червонцы! червонцы! червонцы! червонцы!

Это былъ капитанъ Флинтъ, попугай Сильвера! Это онъ стучалъ клювомъ о что-то твердое и оказался болѣе бдительнымъ часовымъ, чѣмъ люди. Раньше, чѣмъ я успѣлъ что-нибудь сообразить, спавшіе проснулись и вскочили на ноги. Раздался голосъ Сильвера:

— Кто тутъ?

Я бросился къ двери, наткнулся на кого-то и, отскочивъ отъ него, попалъ въ руки другого, который крѣпко схватилъ меня.

— Принесите огня!—сказалъ Сильверъ.

Одинъ изъ людей выбѣжалъ изъ двери и вернулся съ горящей головней.

ЧАСТЬ VI.

КАПИТАНЪ СИЛЬВЕРЪ.

XXVIII. Въ непріятельскомъ лагерѣ.

При красноватомъ свѣтѣ головни, озарившемъ внутренность дома, я увидѣлъ зрѣлище, отъ котораго содрогнулся. Самыя худшія изъ моихъ предчувствій оправдались: пираты завладѣли блокгаузомъ и всѣми нашими припасами. Бочка съ коньякомъ, ветчина и сухари находились на прежнихъ мѣстахъ, и—что особенно пугало меня—не было никакихъ признаковъ плѣнниковъ. Очевидно, всѣ наши погибли, и я былъ въ отчаяніи, что не раздѣлилъ съ ними ихъ участи.

Въ комнатѣ было шестеро пиратовъ—всѣ, кто остался живъ. Пятеро изъ нихъ вскочили съ красными, распухшими и сонными лицами, а шестой только приподнялся на локтѣ: онъ былъ смертельно блѣденъ, и голова его была обвязана окровавленной повязкой. Попугай сидѣлъ на плечѣ у своего хозяина и чистилъ клювомъ свои перышки. Самъ Сильверъ выглядѣлъ блѣднѣе и серьезнѣе обыкновеннаго; на немъ все еще былъ тотъ камзолъ, въ которомъ онъ явился въ блокгаузъ для переговоровъ, но запачканный грязью и кровью и разорванный о древесные сучья.

— А, да это Джимъ Гаукинсъ явился сюда!—сказалъ Сильверъ.—Чортъ возьми, вотъ такъ сюрпризъ! Ну, что жъ, милости просимъ, очень пріятно!

Затѣмъ онъ усѣлся на бочку и сталъ набивать трубку.

— Дай-ка мнѣ огня, Дикъ,—продолжалъ онъ.—А вы, господа, не стѣсняйтесь! Зачѣмъ же вамъ стоять передъ мистеромъ Гаукинсомъ? Ужъ онъ извинитъ васъ, можете быть увѣрены въ этомъ. Такъ-то, Джимъ, вы доставили удовольствіе вашему старому пріятелю Джону! Я съ перваго же разу, какъ увидалъ васъ, сказалъ, что вы мальчикъ съ головой, и теперь вижу, что не ошибся!

Я стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ и стараясь какъ можно спокойнѣе глядѣть въ лицо Сильвера, хотя въ душѣ чувствовалъ отчаяніе.

Сильверъ невозмутимо затянулся нѣсколько разъ и продолжалъ:

— Ужъ разъ, что вы здѣсь, Джимъ, я вамъ вотъ что скажу. Вы мнѣ всегда нравились, потому что вы мальчикъ умный и вылитый портретъ меня самого, какимъ я былъ въ юности. Мнѣ всегда хотѣлось, чтобы вы были съ нами и получили свою долю добычи, и вотъ вы пришли. Вѣдь капитанъ Смоллетъ, хоть онъ и прекрасный морякъ, по насчетъ дисциплины строгъ. «Долгъ прежде всего», говоритъ онъ, и совершенно вѣрно. Даже докторъ страшно сердитъ на васъ. «Неблагодарный мальчишка»!—вотъ что онъ сказалъ про васъ. Словомъ, назадъ ужъ вамъ не вернуться—все равно, васъ не примутъ. Такъ ужъ лучше вамъ соединиться съ капитаномъ Сильверомъ, чѣмъ водить компанію только съ самимъ собой!

Я почувствовалъ облегченіе. По крайней мѣрѣ я хоть зналъ теперь, что мои друзья живы.

— Угрожать я не люблю,—сказалъ Сильверъ,—но скажу только, что вы въ нашихъ рукахъ. Если желаете, становитесь нашимъ, а нѣтъ—такъ скажите откровенно, Джимъ. Ужъ мягче этого не можетъ предлагать ни одинъ смертный морякъ!

— Вы хотите, чтобы я отвѣчалъ?—проговорилъ я дрожащимъ голосомъ; я чувствовалъ по его насмѣшливому голосу, что мнѣ угрожаетъ смерть, и сердце сжалось у меня въ груди, а кровь прилила къ щекамъ.

— Мальчикъ, — сказалъ Сильверъ, — никто васъ не торопитъ. Можете свободно выбирать, что вамъ больше по вкусу!

— Хорошо,—проговорилъ я,—ужъ если я могу выбирать, какъ вы говорите, то прежде всего хотѣлъ бы я знать, почему вы здѣсь, и гдѣ мои друзья?

— Вчера утромъ,—отвѣчалъ Сильверъ прежнимъ любезнымъ тономъ,—явился къ намъ въ лагерь докторъ съ парламентерскимъ флагомъ. «Вамъ измѣнили, капитанъ Сильверъ»,—сказалъ онъ:—«корабль исчезъ». Оно правда, что мы пропустили ночью одинъ-другой стаканчикъ и прозѣвали шкуну. Чортъ возьми, шкуна и вправду исчезла. Всѣ мы, понятное дѣло, были смущены. Тутъ докторъ предложилъ войти съ нимъ въ договоръ. Мы ударили по рукамъ, и въ концѣ концовъ намъ достался блокгаузъ со всѣми припасами, водкой, дровами, которыя вы запасли. Что же до вашихъ друзей, то они ушли, и я не знаю, гдѣ они теперь!

Онъ спокойно покурилъ нѣсколько секундъ и потомъ продолжалъ:

— Я спросилъ доктора, сколько у него людей? А онъ отвѣчалъ: «Насъ четверо, и въ томъ числѣ одинъ раненый. Что же касается до того мальчишки, то я не знаю, гдѣ онъ теперь, да и не забочусь объ этомъ: онъ всѣмъ намъ надоѣлъ по горло». Это были его собственныя слова!

— Это все?—спросилъ я.—И теперь я долженъ сдѣлать выборъ? Ну, что жъ я не такъ глупъ и понимаю, что меня ожидаетъ. Но случись даже самое худшее, мнѣ все равно. Я скажу вамъ только одно: вы все потеряли—и шкуну, и кладъ, и людей, и все только благодаря мнѣ! Да, я подслушалъ васъ изъ бочки съ яблоками и узналъ о вашей измѣнѣ. И у корабля это тоже я подрѣзалъ канатъ, и поставилъ его въ такое мѣсто, гдѣ вы никогда не найдете его, ни одинъ изъ васъ. Я ничуть не боюсь васъ. Убейте меня, если хотите, или не убивайте. Но знайте, что если вы сохраните мнѣ жизнь, то и я, быть можетъ, сдѣлаю для васъ потомъ, что могу. Теперь очередь за вами выбирать: убить меня, или же оставить въ живыхъ и избавить себя отъ висѣлицы!

Я остановился, потому что у меня не хватило дыханія. Никто изъ разбойниковъ не пошевелился; всѣ молча уставились на меня.

— Еще одно, м-ръ Сильверъ,—прибавилъ я,—вы лучше другихъ, и потому я обращаюсь къ вамъ: если дѣло повернется для меня плохо, будьте добры передать доктору то, что я только что сказалъ!

— Непремѣнно скажу! — проговорилъ Сильверъ такимъ страннымъ тономъ, что я не могъ понять, смѣется онъ надо мной, или же восхищается моимъ мужествомъ.

— Это онъ и Чернаго Пса узналъ тогда!—сказалъ одинъ изъ разбойниковъ, Морганъ, котораго я видѣлъ въ тавернѣ Сильвера въ Бристолѣ.

— Онъ же вытащилъ карту изъ сундука Билли Бонса!—прибавилъ Сильверъ.—А теперь онъ у насъ въ рукахъ!

— Ну, и пускай убирается къ чорту!—вскричалъ Морганъ, обнажая свой кортикъ.

— Куда суешься, Томъ Морганъ?—остановилъ его Сильверъ.—Или ты думаешь, что здѣсь капитанъ ты? Я сумѣю укротить тебя, какъ сдѣлалъ это со многими раньше. Никто еще не

видалъ красныхъ деньковъ послѣ того, какъ противорѣчилъ мнѣ, Томъ Морганъ, можешь на это положиться!

Морганъ замолчалъ, но среди остальныхъ разбойниковъ пронесся неодобрительный шопотъ.

— Томъ вѣрно говоритъ!—замѣтилъ кто-то.

— Кто-нибудь желаетъ помѣряться со мной?—сказалъ Сильверъ.—Ну-ка, выходи впередъ! Что жъ, или нѣтъ желающихъ?—прибавилъ онъ, видя, что никто не трогается съ мѣста.—Такъ вотъ что я скажу вамъ, друзья. Меня выбрали капитаномъ, и всѣ должны слушаться меня. Я не хочу, чтобы трогали этого мальчика—слышите?

Наступило долгое молчаніе. Въ мое сердце начала прокрадываться слабая надежда. Сильверъ сидѣлъ, прислонившись къ стѣнѣ и попыхивалъ изъ своей трубки съ самымъ невозмутимымъ видомъ. Остальные жались въ дальнемъ углу и о чемъ-то перешептывались. Затѣмъ они обернулись, такъ что на лица ихъ упалъ красный свѣтъ головни, и уставились глазами на Сильвера.

— Кажется, вы желаете сказать мнѣ что-то?—проговорилъ Сильверъ, сплевывая на полъ.—Ну, что жъ, говорите, я слушаю!

— Извините, капитанъ,—началъ одинъ изъ разбойниковъ,—но вы немножко круто обошлись съ командой, и она недовольна. У команды есть свои права, капитанъ, и она не хочетъ, чтобы ихъ нарушали. Вы сами установили правила. И вотъ по одному изъ этихъ правилъ мы хотимъ теперь совѣщаться и уйдемъ отсюда для этого. Прошу извиненія, капитанъ!

И онъ съ поклономъ вышелъ изъ комнаты. Остальные послѣдовали его примѣру и, проходя мимо Сильвера, говорили въ видѣ извиненія:

— «Согласно правилу»,—или:—«На сходку, капитанъ!»

Когда всѣ вышли, Сильверъ обернулся ко мнѣ:

— Вотъ слушайте, Джимъ Гаукинсъ,—сказалъ онъ шопотомъ.—Вы на волосокъ отъ смерти, а, можетъ быть, они подвергнутъ васъ и пыткѣ. Они хотятъ смѣстить меня. Но я буду стоять за васъ. Я сказалъ себѣ: «Если ты защитишь Гаукинса, то и Гаукинсъ защититъ тебя». Для васъ я послѣдняя карта, Джимъ, а для меня—вы. Услуга за услугу, значитъ!

Я началъ понимать, чего онъ хочетъ.

— Вы считаете, что уже все потеряно для васъ?—спросилъ я.

— Конечно, все. Я понялъ это, какъ только увидѣлъ, что шкуна исчезла. А что до этихъ молодцовъ, Гаукинсъ, и до ихъ сходки, то, повѣрьте, они всѣ дураки и трусы. Я спасу васъ отъ нихъ, Джимъ, а вы за то избавите меня отъ висѣлицы!

— Я сдѣлаю, что могу!—отвѣчалъ я.

— Такъ, значитъ, по рукамъ! — вскричалъ Сильверъ. — Могу сказать, что вы счастливо увернулись отъ бѣды, ну, и мнѣ тоже повезло!

Онъ, ковыляя, подошелъ къ головнѣ, воткнутой въ полѣнницу, и раскурилъ потухшую трубку.

— Поймите меня, Джимъ,—продолжалъ онъ.—Я знаю, что шкуна въ безопасномъ мѣстѣ, но какъ она туда попала—ума не приложу. Положимъ, я никогда не вѣрилъ Гандсу и О'Бріену. Я ни о чемъ не спрашиваю васъ, но если бы такой малый, какъ вы, соединился со мной—о, мы были бы такой силой, которую не легко одолѣть!

Онъ нацѣдилъ изъ бочки коньяку въ оловянный стаканчикъ.

— Не желаете ли попробовать, дружище?—спросилъ онъ.— Ну, такъ я выпью за васъ, Джимъ,—сказалъ онъ, когда я отказался.—Мнѣ надо освѣжить голову, чтобы рѣшить одинъ вопросъ. Дѣло въ томъ, что я никакъ не могу догадаться, къ чему было доктору отдавать мнѣ карту?

На моемъ лицѣ выразилось такое изумленіе, что онъ не повторилъ своего вопроса.

— Да, онъ далъ мнѣ карту,—сказалъ онъ.—И, конечно, въ этомъ кроется какая-нибудь задняя мысль — хорошая или дурная!

Онъ выпилъ второй стаканчикъ коньяку и покачалъ своей большой головой, точно не ожидая впереди ничего хорошаго.

XXIX. Опять черная мѣтка.

Одинъ изъ разбойниковъ вошелъ въ комнату и съ насмѣшливымъ, какъ мнѣ показалось, поклономъ попросилъ у Сильвера факелъ. По его уходѣ я подошелъ ближе къ амбразурѣ и выглянулъ въ окно. Костеръ почти потухъ. На склонѣ холма столпились разбойники. Одинъ изъ нихъ держалъ факелъ, другой си-

дѣлъ въ серединѣ, держа въ рукахъ книгу и ножъ, клинокъ котораго отливалъ всѣми цвѣтами радуги при свѣтѣ луны и огня. Когда онъ всталъ, и всѣ двинулись къ дому, я поспѣшно отошелъ отъ амбразуры. Дверь отворилась, и, подталкивая другъ друга, вошли пять разбойниковъ.

— Входите, входите, ребята!—сказалъ Сильверъ.—Я не съѣмъ васъ. Я знаю правила и ничего не сдѣлаю съ депутатомъ!

Тогда выступилъ впередъ тотъ, котораго я видѣлъ съ книгой и ножомъ, и, сунувъ что-то въ руку Сильвера, быстро отошелъ къ товарищамъ.

— Черная мѣтка!—вскричалъ Сильверъ, взглянувъ на то, что ему положили въ руку.—И гдѣ вы только раздобыли бумагу? А, вы вырѣзали это изъ Библіи! Какой это дуракъ изрѣзалъ Библію?

— Вотъ!—сказалъ Морганъ.—Что я вамъ говорилъ? Не выйдетъ изъ этого добра, говорилъ я вамъ!

— Ну, теперь не отвертѣться вамъ отъ висѣлицы,—продолжалъ Сильверъ.—Быть бѣдѣ! И какой дуракъ сдѣлалъ это?

— Это все Дикъ!—отвѣтилъ кто-то.

— Дикъ? Ну, такъ пиши пропало, Дикъ! Твоя пѣсенка спѣта! Да, можешь быть увѣренъ, что это такъ!

Но тутъ выступилъ впередъ тотъ разбойникъ, который первый ушелъ на сходку.

— Будетъ болтать вздоръ, Сильверъ!—сказалъ онъ.—Вся сходка рѣшила послать вамъ черную мѣтку, и вы должны подчиниться ей. Вотъ поглядите, что на ней написано!

— Благодарю, Джорджъ. Очень пріятно, что вы такъ хорошо знаете правила. Ну, такъ что же написано на мѣткѣ?— «Низложенъ». И прекрасно написано, честное слово, точно напечатано. Это вы сами написали, Джорджъ? Э, да вы, пожалуй, будете капитаномъ! А пока дайте-ка мнѣ головню: моя трубка потухла.

— Довольно вамъ морочить команду!—сказалъ Джорджъ.— Теперь вы больше не капитанъ нашъ, сходите-ка съ бочки и приступимъ къ выборамъ!

— А я и вправду думалъ, что вы знаете правила,—презрительно замѣтилъ Сильверъ.—Ну, такъ зато я ихъ знаю. Вы должны сказать мнѣ, чѣмъ недовольны, и я отвѣчу вамъ на ваши

обвиненія. А раньше этого ваша черная мѣтка недѣйствительна!

— О, мы уже столковались насчетъ этого! — отвѣчалъ Джорджъ.—Во-первыхъ, вы провалили все наше дѣло, у васъ не станетъ нахальства отрицать это. Во-вторыхъ, вы отпустили отсюда враговъ, хотя они были здѣсь, какъ въ ловушкѣ. Зачѣмъ они пожелали уйти—я не знаю, но ясно, что у нихъ была своя цѣль. Затѣмъ, вы не позволили напасть на нихъ. О, мы тоже понимаемъ кое-что, Джонъ Сильверъ: вы ведете двойную игру, это ясно. Наконецъ, мы недовольны вашимъ поведеніемъ относительно этого мальчишки!

— Это все?—спокойно спросилъ Сильверъ.

— Довольно и этого!—отвѣчалъ Джорджъ.—Мы всѣ рискуемъ висѣлицей благодаря вамъ!

— Ну, теперь я буду отвѣчать на всѣ четыре пункта по очереди!—сказалъ Сильверъ.—Такъ, по вашему, я провалилъ все дѣло? Но если бы вы сдѣлали то, что я хотѣлъ, то «Испаньола» была бы цѣла, а всѣ мы стали бы богачами. А кто мѣшалъ мнѣ? Кто далъ мнѣ черную мѣтку, какъ только мы сошли на берегъ?

Сильверъ остановился. Я видѣлъ по лицамъ разбойниковъ, что слова его произвели впечатлѣніе.

— Мнѣ тошно и говорить-то съ вами!—продолжалъ Сильверъ, вытирая съ лица потъ.—Какіе вы «джентльмены удачи»? Вы просто-на-просто портные!

— Иди дальше, Джонъ,—сказалъ Морганъ, — разбивай другія обвиненія!

— Вы говорите, что наше дѣло плохо? Такъ плохо, что вы даже и понять этого не можете. И все по милости Гандса, Андерсона и другихъ дураковъ. А что до этого мальчугана, котораго вы хотите убить, такъ онъ наша послѣдняя надежда: вы сами увидите послѣ, какъ важно намъ имѣть заложника. И если докторъ приходитъ сюда каждый день и лечитъ васъ—Джона, съ его разбитой головой, и Джорджа, котораго бьетъ лихорадка,—то бѣды въ этомъ тоже нѣтъ никакой. Можетъ быть, вамъ неизвѣстно, что скоро явится сюда на помощь корабль? Тогда вы сами рады будете заложнику. Что касается второго пункта, то вѣдь сами же вы ползали передо мной на колѣняхъ, чтобы я занялъ блокгаузъ! Не сдѣлай я этого, вы бы перемерли съ голоду.

Но все это пустяки въ сравненіи съ этимъ; вотъ, глядите сюда! Вотъ ради чего стоило дѣлать договоръ!

Онъ бросилъ на полъ бумагу, которую я сейчасъ же узналъ: это была та самая карта, которую я досталъ изъ сундука капитана. Я только никакъ не могъ понять, зачѣмъ докторъ отдалъ ее Сильверу.

Разбойники бросились на нее, точно кошка на мышь, и карта стала передаваться по рукамъ. Слышались радостныя восклицанія и смѣхъ, точно эти взрослые люди превратились въ малыхъ дѣтей отъ радости.

— Да, да, это она самая, карта Флинта!—сказалъ одинъ.— Вотъ и подпись его и росчеркъ—онъ всегда такъ писалъ!

— Но, что мы будемъ дѣлать съ кладомъ, если у насъ нѣтъ корабля?—спросилъ Джорджъ.

— Что будемъ дѣлать?—вскричалъ Сильверъ, вскакивая на ноги.—Ужъ это вы должны знать, вѣдь вы прозѣвали шкуну! Сами-то вы, конечно, ничего не придумаете путнаго, такъ умѣйте, по крайней мѣрѣ, вѣжливо говорить со мной. Я научу васъ вѣжливости!

— Это вѣрно!—вмѣшался старикъ Морганъ.

— Думаю, что такъ,—продолжалъ Сильверъ.—Вы всѣ потеряли шкуну, а я нашелъ кладъ. Кто же изъ насъ стоитъ большаго? А теперь, довольно съ меня всего этого! Выбирайте себѣ капитаномъ, кого хотите!

— Сильвера капитаномъ!—раздались крики.—Сильвера навсегда.

— Ну, Джордъ, счастье твое, что я не мстительный человѣкъ!—вскричалъ Сильверъ.—Значитъ, черная мѣтка не нужна больше, товарищи? Напрасно только загубилъ Джорджъ свою душу, изрѣзавъ Библію!

— Что-жъ, можетъ, она еще и годится для присяги!—пробурчалъ Джорджъ, которому было видимо, не по себѣ.

— Ну, нѣтъ,—насмѣшливо отвѣтилъ Сильверъ.—Изорванная Библія стоитъ не больше стараго пѣсенника. А вотъ, Джимъ,—обратился онъ ко мнѣ,—это можете сохранить себѣ на память!

Онъ протянулъ мнѣ черную мѣтку. Это былъ кружокъ въ личиной съ крону. Одна сторона его, на которой еще виднѣлись печатныя слова, была зачернена углемъ, а на другой бѣлой, такъ

такъ какъ это былъ послѣдній листъ книги, было написано: «Низложенъ». У меня до сихъ поръ хранится эта черная мѣтка, только надпись уже стерлась, и остались однѣ царапины.

Затѣмъ, послѣ общей выпивки, всѣ улеглись спать, кромѣ Джорджа, котораго Сильверъ послалъ изъ мести караулить блокгаузъ и пригрозилъ ему смертью, если тотъ не доглядитъ чего-нибудь. Я долго не могъ заснуть, и разныя мысли лѣзли мнѣ въ голову. Думалъ я и о томъ человѣкѣ, котораго сегодня отправилъ на тотъ свѣтъ, спасая свою жизнь, и о Сильверѣ, который умѣетъ держать разбойниковъ въ рукахъ и въ то же время хватается за всякое средство, чтобы спасти свою жалкую жизнь. Самъ Сильверъ безмятежно спалъ, громко похрапывая во снѣ.

XXX. На честное слово.

Мы всѣ проснулись отъ громкаго голоса, кричавшаго намъ еще издали:

— Эй, блокгаузцы, вставайте! Докторъ пришелъ!

Это, дѣйствительно, былъ докторъ. Я очень обрадовался при звукѣ его голоса, но сейчасъ же почувствовалъ смущеніе. Что подумаетъ онъ, когда увидитъ меня въ такой компаніи? И какъ я буду глядѣть ему въ глаза?

Должно быть, онъ всталъ очень рано, потому что день еще едва начинался. Я бросился къ амбразурѣ и увидѣлъ, что онъ стоялъ около лѣса, какъ и Сильверъ когда-то, и также его окружалъ сѣрый утренній туманъ.

— Это вы, докторъ! Съ добрымъ утромъ, сэръ!—кричалъ Сильверъ.—Ранняя же вы птица, какъ я погляжу! Джорджъ, помоги же господину доктору подняться на холмъ. Все идетъ отлично, и ваши паціенты чувствуютъ себя, какъ нельзя лучше!

Болтая такъ, онъ стоялъ около блокгауза, опираясь на свой костыль. По голосу и манерѣ говорить это былъ совсѣмъ прежній весельчакъ и балагуръ Джонъ.

— А мы сюрпризъ для васъ приготовили, — продолжалъ Сильверъ.—Къ намъ явился маленькій иностранецъ, хе, хе! И ужъ какъ же онъ храпѣлъ сегодня бокъ-о-бокъ со мной!

— Неужели Джимъ? — измѣнившимся голосомъ спросилъ докторъ.

— Онъ самый!—отвѣчалъ Сильверъ.

Докторъ остановился и нѣсколько секундъ простоялъ на мѣстѣ, точно не имѣя силъ двинуться дальше.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—наконецъ,—сначала долгъ, потомъ удовольствіе, какъ вы сами говорили, Сильверъ. Прежде всего осмотримъ больныхъ!

Онъ вошелъ въ домъ, сухо кивнулъ мнѣ головой и занялся больными. Повидимому, ему и въ голову не приходило, что онъ рискуетъ своей жизнью, оставаясь одинъ среди этихъ негодяевъ. И его спокойное обращеніе дѣйствовало, я думаю, и на нихъ: они держали себя такъ, точно были все еще матросами, а онъ—ихъ корабельнымъ докторомъ.

— Все идетъ хорошо,—сказалъ онъ тому, у котораго была перевязана голова.—Должно быть, голова у васъ твердая, какъ желѣзо. Ну, какъ дѣла, Джорджъ? Нечего сказать, отличный цвѣтъ лица, да и печень не на мѣстѣ. Что, принималъ онъ лекарство?

— Какъ же, конечно, принималъ!—отвѣчалъ Морганъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался докторомъ бунтовщиковъ или, скажемъ лучше, тюремнымъ докторомъ, я полагаю свою честь въ томъ, чтобы ни одинъ человѣкъ не избѣжалъ висѣлицы!—шутилъ докторъ.

Разбойники переглянулись, но ничего не отвѣтили.

— Дику что-то нездоровится!—сказалъ кто-то.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну-ка, Дикъ, покажите мнѣ языкъ. Странно было бы, если бы онъ чувствовалъ себя хорошо съ такимъ языкомъ. Еще новый лихорадочный случай.

— Все оттого, что изрѣзали Библію!—замѣтилъ Морганъ.

— Нѣтъ, все оттого, что вы круглые ослы и не умѣете отличить чистаго воздуха отъ зараженнаго, и сухой мѣстности отъ отвратительнаго болота. Устроить лагерь въ болотѣ, какъ вамъ это нравится? Удивляюсь на васъ, Сильверъ, что вы, неглупый, въ общемъ, человѣкъ, не имѣете никакого понятія о томъ, что вредно для здоровья!

— Ну,—сказалъ онъ послѣ того, какъ роздалъ лекарства, и больные приняли ихъ съ такимъ добродушнымъ довѣріемъ, точно были малыми дѣтьми, а не страшными пиратами,—на сегодня довольно. Теперь я хотѣлъ бы поговорить съ тѣмъ мальчикомъ!

И онъ небрежно кивнулъ въ мою сторону. Джорджъ Мерри,

который стоялъ у двери, отплевываясь послѣ горькаго лекарства, обернулся при этихъ словахъ въ комнату и, весь красный, крикнулъ, сопровождая свои слова проклятіями:

— Ну, ужъ нѣтъ!

— Молчать!—заревѣлъ Сильверъ, ударяя ладонью по бочкѣ и бросая вокругъ себя яростные взгляды.—Докторъ,—продолжалъ онъ своимъ обычнымъ тономъ,—я уже думалъ объ этомъ, такъ какъ знаю, что вы любите мальчика. Мы всѣ очень обязаны вамъ и принимаемъ ваши лекарства съ полнымъ довѣріемъ, какъ если бы это былъ грогъ. Я придумалъ уже, какъ исполнить ваше желаніе. Гаукинсъ, даете ли вы мнѣ честное слово джентльмена, что не улизнете отъ насъ?

Я охотно далъ слово.

— Въ такомъ случаѣ, докторъ,—продолжалъ Сильверъ,—идите за палисадъ и ждите тамъ, я приведу къ вамъ мальчика, и онъ останется по эту сторону загородки. Тогда вы можете поговорить съ нимъ, сколько угодно. Прощайте, сэръ, и передайте наше почтеніе сквайру и капитану Смоллету!

Какъ только докторъ вышелъ за дверь, негодованіе разбойниковъ, едва сдерживаемое раньше взглядомъ Сильвера, прорвалось наружу.

Всѣ обвиняли Сильвера въ томъ, что онъ играетъ двойную игру и, спасая себя, жертвуетъ интересами товарищей.

Но Сильверу удалось усмирить ихъ нѣсколькими словами: онъ назвалъ ихъ дураками, сказалъ, что это необходимо, чтобы я переговорилъ съ докторомъ, и бросилъ имъ въ лицо карту, спрашивая, находятъ ли они возможнымъ нарушать договоръ въ тотъ самый день, когда они собираются итти за кладомъ?

Затѣмъ онъ приказалъ имъ развести костеръ, а самъ сталъ спускаться съ холма, опираясь на костыль и на мое плечо.

— Потише, потише, мальчикъ,—сказалъ онъ мнѣ,—они могутъ броситься на насъ, если увидятъ, что мы бѣжимъ!

— Замѣтьте это, докторъ,—проговорилъ Сильверъ,— когда мы подошли къ палисаду.—Да и мальчикъ разскажетъ вамъ, что я спасъ ему жизнь. И за то, если выйдетъ такой случай, вы замолвите за меня слово, не правда ли? Дѣло вѣдь идетъ о спасеніи не только моей жизни, но и его также. И вы дадите мнѣ хоть маленькую надежду, что поможете въ трудную минуту?

Сильверъ выглядѣлъ теперь иначе, чѣмъ въ блокгаузѣ: го-

лосъ его дрожалъ, и даже лицо точно осунулось, а щеки ввалились. Видно было, что онъ не на шутку трусилъ будущаго.

— Какъ, Джонъ, неужели вы такъ боитесь? — спросилъ докторъ.

— Я не трусъ, нѣтъ,—отвѣчалъ Сильверъ.—Но, признаться, меня беретъ дрожь при мысли о висѣлицѣ. Вы—добрый и вѣрный человѣкъ, лучшаго я въ жизнь свою не видалъ. И вы не забудете, я знаю, того добра, которое я вамъ сдѣлалъ!

Съ этими словами онъ отошелъ немного въ сторону, чтобы не слышать нашего разговора, усѣлся на пень и сталъ насвистывать, поглядывая на домъ и на товарищей, которые готовили завтракъ.

— Итакъ, Джимъ,—съ грустью сказалъ докторъ,—вы здѣсь. «Что посѣешь, то и пожнешь», вы знаете это. Видитъ небо, я не въ силахъ бранить васъ; скажу только одно: еслибы капитанъ Смоллетъ былъ здоровъ, вы не рѣшились бы убѣжать отъ насъ. Вотъ что хуже всего!

— Докторъ,—сказалъ я, рыдая,—не браните меня, я и такъ уже очень наказанъ. Вѣдь, моя жизнь виситъ на волоскѣ, и если я еще живъ, то только благодря Сильверу. Но смерть—это еще ничего. Я боюсь... Я боюсь пытки. Если меня станутъ пытать...

— Джимъ,—прервалъ меня докторъ измѣнившимся голосомъ,—я не могу этого слышать. Перелѣзайте черезъ заборъ, и убѣжимъ отсюда.

— Докторъ,—сказалъ я,— вѣдь я далъ слово!

— Знаю, знаю!—вскричалъ онъ.—Но я возьму на себя весь стыдъ и позоръ нарушеннаго слова. Я не могу оставить васъ здѣсь, мой мальчикъ. Прыгайте скорѣе! Одинъ прыжокъ—и мы понесемся съ вами, какъ антилопы!

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—вѣдь вы не сдѣлали бы этого на моемъ мѣстѣ: ни вы, ни сквайръ, ни капитанъ. Сильверъ довѣрился мнѣ, и я не обману его. Но вы не дали мнѣ кончить, докторъ. Если они станутъ пытать меня, то я могу проговориться о томъ, гдѣ стоитъ шкуна; вѣдь, я увелъ шкуну, и она стоитъ теперь въ сѣверномъ рейдѣ!

— Шкуна!—вскричалъ докторъ.

Я въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ ему о моихъ приключеніяхъ, и онъ молча слушалъ меня.

— Это судьба,—сказалъ онъ, когда я кончилъ.—Вы то и

— Итакъ, Джимъ,—съ грустью сказалъ докторъ,—вы здѣсь...

дѣло спасаете намъ жизнь и думаете еще, что мы бросимъ васъ здѣсь! Вы открыли заговоръ противъ насъ, отыскали Бена Гунна—лучше этого вы ничего не сдѣлаете, хотя бы прожили и девяносто лѣтъ. Ахъ, да, Бенъ Гуннъ... Сильверъ,—позвалъ вдругъ докторъ,—я дамъ вамъ совѣтъ,—продолжалъ онъ, когда тотъ подошелъ ближе.—Не торопитесь искать кладъ!

— Но вѣдь я только этимъ и могу спасти и свою жизнь, и жизнь мальчика!—сказалъ Сильверъ.

— Ну, тогда я могу сказать только одно: «берегитесь криковъ, когда будете искать кладъ».

— Сэръ, вы говорите намеками, и я не понимаю васъ, какъ не понималъ и того, зачѣмъ вы оставили блокгаузъ и дали мнѣ карту!

— Я не могу сказать ничего больше, такъ какъ это чужая тайна; могу только подать вамъ слабую надежду: если мы съ вами уцѣлѣемъ къ тому времени, какъ выберемся изъ этой волчьей западни, то обѣщаю вамъ употребить всѣ старанія, чтобы спасти васъ!

Лицо Сильвера просіяло.

— И родная мать не сдѣлала бы для меня больше, чѣмъ вы!—вскричалъ онъ.

— Это первое, что я вамъ могу сказать. А второе—держите мальчика около себя и, если понадобится помощь, зовите меня. Прощайте, Джимъ!

Докторъ пожалъ мнѣ руку черезъ палисадъ, кивнулъ Сильверу и быстрыми шагами направился къ лѣсу.

XXXI. Въ погонѣ за кладомъ.

— Джимъ, — сказалъ мнѣ Сильверъ, когда мы остались одни.—Я спасъ вамъ жизнь, а вы спасли теперь мою. Вѣдь я слышалъ, какъ докторъ предлагалъ вамъ бѣжать, а вы отказались. Мы должны теперь крѣпко держаться другъ за друга и тогда не пропадемъ!

Намъ крикнули, что завтракъ готовъ, и мы усѣлись на пескѣ около костра. Видно было, что разбойники не жалѣли ни дровъ, ни мяса: послѣдняго было изжарено гораздо больше, чѣмъ мы всѣ могли съѣсть, и, когда завтракъ кончился, одинъ изъ разбойниковъ со смѣхомъ бросилъ въ огонь оставшіеся куски. Но Сильверъ, сидѣвшій со своимъ попугаемъ на плечѣ, ничего не замѣтилъ по поводу такой расточительности.

— Ну, друзья,—сказалъ онъ,—счастливы вы, что за васъ думаетъ такая голова, какъ моя. Теперь мы возьмемъ кладъ, а тамъ будемъ искать и шкупу, и, навѣрное, найдемъ ее. Во всякомъ случаѣ, преимущество на сторонѣ тѣхъ, у кого есть

шлюпки. Что же до заложника, то пока мы его побережемъ, а когда найдемъ кладъ, то дадимъ ему его долю за все добро, которое онъ оказалъ намъ!

Разбойники весело смѣялись этимъ словамъ, а у меня сжалось сердце. Я зналъ, что если бы только Сильверу было это выгодно, онъ пожертвовалъ бы мною, не долго думая. Но если бы даже онъ и сдержалъ свое слово относительно меня, то и тогда мнѣ угрожала опасность. Что могли мы сдѣлать съ нимъ вдвоемъ противъ пяти здоровенныхъ матросовъ, если бы у нихъ проснулись какія-нибудь подозрѣнія?

Меня безпокоила также судьба моихъ друзей. Почему они бросили блокгаузъ? Въ этомъ скрывалась какая-то тайна, какъ и въ словахъ доктора: «берегитесь криковъ, когда будете искать кладъ». Эти тревожныя мысли не давали мнѣ покоя, и на сердцѣ у меня было очень тяжело. Немудрено поэтому, что я почти ничего не ѣлъ и съ грустью думалъ о предстоящихъ поискахъ клада.

Наконецъ, мы отправились на розыски. Вѣроятно, наше шествіе имѣло очень странный видъ со стороны. Всѣ были въ матросскомъ платьѣ и всѣ—кромѣ меня—вооружены. Впереди шелъ Сильверъ съ двумя ружьями, кортикомъ за поясомъ, пистолетами въ каждомъ карманѣ и съ капитаномъ Флинтомъ на плечѣ. За нимъ выступалъ я, обвязанный кругомъ толстой веревкой, свободный конецъ которой Сильверъ держалъ въ рукахъ. Затѣмъ шли остальные матросы—одни съ заступами и лопатами, другіе—съ ветчиной, сухарями и водкой для обѣда. Отправились мы въ полномъ составѣ, не исключая и матроса съ прострѣленной головой, и прежде всего спустились къ берегу къ шлюпкамъ. Изъ предосторожности рѣшили взять съ собой обѣ лодки, на которыхъ мы и размѣстились. Толкованіе краснаго креста на картѣ вызвало споръ еще дорогой. Тамъ было сказано слѣдующее:

«Большое дерево на склонѣ «Подзорной трубы»,
от С. до С. В.-В.
Островъ Скелета В. Ю.-В., черезъ В.
Десять футовъ».

Бухта ограничивалась плоскогоріемъ, которое примыкало на сѣверѣ къ южному склону «Подзорной трубы», а на югѣ переходило въ Фокъ-Мачту. Вершина плоскогорія поросла соснами,

среди которыхъ тамъ и сямъ поднимались болѣе крупные ихъ представители; но которое изъ нихъ было «большимъ деревомъ» Флинта—это, конечно, можно было рѣшить только на мѣстѣ и при помощи компаса. Однако, это не мѣшало всѣмъ разбойникамъ спорить объ этомъ до ожесточенія. Подъѣхавъ къ устью рѣчки, мы вышли изъ лодокъ и стали подниматься на плоскогоріе. Сначала почва была топкая, такъ что подниматься было очень трудно, но потомъ грунтъ мало-по-малу становился болѣе твердымъ. Мы приблизились къ лучшей части острова. На каждомъ шагу попадались цвѣтущіе кустарники, и зеленыя рощицы мускатнаго орѣха чередовались съ розоватыми стволами тѣнистыхъ сосенъ. Свѣжій бодрящій воздухъ былъ пропитанъ прянымъ и сосновымъ ароматомъ. Разбойники шли вразсыпную, весело перекликаясь другъ съ другомъ, и только я съ Сильверомъ отстали отъ остальныхъ, такъ какъ ему было нелегко подниматься по каменистому склону.

Пройдя съ полмили, мы достигли уже вершины плоскогорія, какъ вдругъ одинъ изъ разбойниковъ громко вскрикнулъ отъ ужаса. Всѣ бросились къ нему и увидѣли зрѣлище, отъ котораго у меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ: на травѣ, у подножія сосны, лежалъ человѣческій скелетъ, покрытый кое-гдѣ уцѣлѣвшимъ рубищемъ и обвитый ползучими растеніями.

— Это былъ, навѣрное, морякъ,—сказалъ Джорджъ Мерри, щупая обрывки платья.—Сукно настоящее матросское!

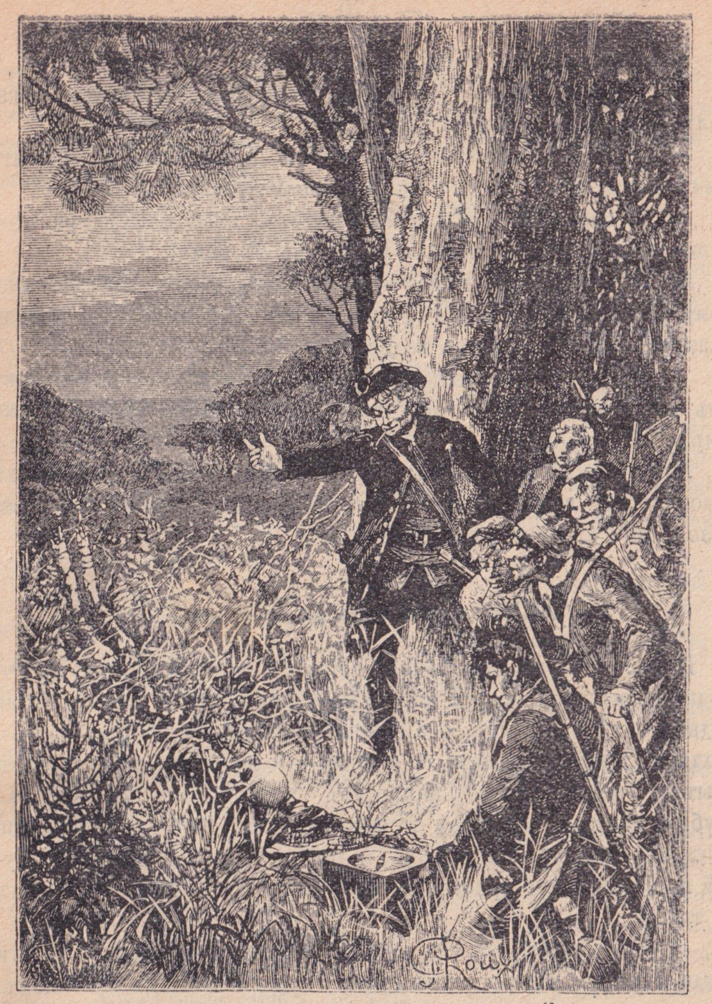
— Понятное дѣло, — подтвердилъ Сильверъ,—откуда же здѣсь взяться епископу?! Только лежитъ онъ какъ-то чудно!

Дѣйствительно, скелетъ лежалъ въ неестественной позѣ: ноги были вытянуты и приподняты, а руки, закинутыя за голову, какъ у человѣка, собирающагося нырнуть, были обращены какъ разъ въ противоположную сторону.

— Я догадываюсь, что это значитъ,—сказалъ Сильверъ.— Это — компасъ. Вонъ тамъ выдается, точно зубъ, вершина Острова Скелета. Посмотримъ, совпадаетъ ли это съ компасомъ!

Оказалось, что скелетъ указывалъ прямо на островъ, и на компасѣ, поставленномъ въ томъ направленіи, можно было прочесть В.-Ю.-В. черезъ В.

— Чортъ возьми!—вскричалъ Сильверъ. — Это навѣрное дѣло рукъ Флинта. Даже жутко становится, какъ вспомнишь о немъ. Онъ былъ здѣсь съ шестью матросами, убилъ всѣхъ и

— Я догадываюсь, что это значитъ,—сказалъ Сильверъ.

тѣло одного изъ нихъ положилъ сюда вмѣсто компаса. Этотъ, навѣрное, былъ высокаго роста, и волосы желтые. Да это, должно быть, Оллердайсъ! Помните Оллердайса, Морганъ?

— О, о,—отвѣчалъ Морганъ.—Какъ не помнить! Еще онъ занялъ у меня денегъ и взялъ съ собой мой ножъ!

— Ножъ-то мы должны найти около него,—сказалъ кто-то.—Флинтъ былъ не такой человѣкъ, чтобы лазить по чужимъ карманамъ!

— Это правда!—согласился Сильверъ.

— А между тѣмъ тутъ нѣтъ ни кортика, ни денегъ!—сказалъ Джорджъ.—Очень странно!

— Странно,—замѣтилъ Сильверъ.—А вѣдь если бы Флинтъ былъ живъ, жутко намъ было бы теперь, товарищи, а?

— Я собственными глазами видѣлъ, какъ онъ умиралъ!—сказалъ Морганъ.—Билли водилъ меня къ нему!

— Понятно, онъ умеръ!—прибавилъ другой.—Но ужъ если кому бродить по землѣ послѣ смерти, такъ это ему. Надо правду сказать, грѣховъ за нимъ водилось не мало!

— Ну, будетъ болтать,—сказалъ Сильверъ.—Днемъ-то ужъ онъ во всякомъ случаѣ не станетъ блуждать по землѣ. Идемъ живѣе за кладомъ!

Мы тронулись въ путь, но разбойники притихли; веселыхъ голосовъ уже не раздавалось, хотя солнце попрежнему ярко свѣтило, и все кругомъ улыбалось намъ.

XXXII. Голосъ изъ-за деревьевъ.

Поднявшись на плоскогоріе, всѣ сѣли немного отдохнуть. Отсюда открывался во всѣ стороны широкій видъ. Передъ нами виднѣлся лѣсной мысъ, окаймленный пѣной буруновъ, сзади—бухта и Островъ Скелета, а дальше—большое пространство открытаго моря. Прямо напротивъ поднималась «Подзорная труба», мѣстами поросшая соснами, мѣстами изрытая ущельями. Кругомъ была полная тишина, и только издалека долеталъ глухой шумъ морского прибоя, да слышалось жужжаніе насѣкомыхъ въ травѣ.

— Здѣсь три высокихъ дерева,—сказалъ Сильверъ.—Найти среди нихъ то, которое намъ нужно, будетъ чистымъ пустякомъ. Ужъ не подкрѣпиться ли намъ сначала обѣдомъ, а?

— У меня весь аппетитъ пропалъ, какъ я вспомнилъ о Флинтѣ!—проворчалъ Морганъ.

— А вѣдь, въ сущности, вы должны благодарить судьбу, что онъ умеръ!—сказалъ Сильверъ.

— Чертовски скверно выглядѣлъ этотъ Флинтъ,—прибавилъ съ содроганіемъ одинъ разбойникъ.—И лицо совсѣмъ синее, брр!

— Это у него отъ рому,—замѣтилъ Джорджъ.—Да, совсѣмъ синее, какъ сейчасъ помню!

—

Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ скелета, разбойники говорили шопотомъ, почти не нарушая окружавшей тишины. Тѣмъ рѣзче показался высокій, дребезжащій голосъ, неожиданно раздавшійся изъ-за деревьевъ:

«Пятнадцать человѣкъ на ящикѣ мертвеца,
Іо-хо-хо, и бутылка рому»!

Паническій ужасъ овладѣлъ пиратами. Краска сбѣжала съ ихъ лицъ; нѣкоторые вскочили, хватаясь другъ за друга, Морганъ упалъ лицомъ внизъ.

— Это Флинтъ!—пролепеталъ Мерри.

Пѣсня рѣзко оборвалась, точно пѣвцу зажали рукой ротъ.

— Идемте! — сказалъ Сильверъ, съ трудомъ шевеля поблѣднѣвшими губами.—Не знаю, кто это пѣлъ, а только, навѣрное, живой человѣкъ съ мясомъ и костями, какъ и мы съ вами!

Слова его немного успокоили остальныхъ, какъ вдругъ снова раздался тотъ же голосоъ:

— Дарби-Макъ-Гро! Дарби-Макъ-Гро!—нѣсколько разъ выкрикнулъ онъ. Рому, Дарби-Макъ-Гро!

Разбойники остановились, точно пригвожденные къ мѣсту, и долго стояли еще послѣ того, какъ голосъ смолкъ.

— Это были его послѣднія слова!—выговорилъ, наконецъ, Морганъ.

Дикъ вытащилъ свою Библію изъ кармана и шепталъ молитвы. Даже у Сильвера громко стучали зубы.

— Никто, кромѣ насъ, не слыхалъ о Дарби!—пробормоталъ онъ и затѣмъ вскричалъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе:—Товарищи, я пришелъ сюда за кладомъ, и никто, будь онъ человѣкъ или самъ дьяволъ, не остановитъ меня! Я никогда не трусилъ передъ живымъ Флинтомъ, не испугаюсь его и мертваго! Въ какой-нибудь четверти мили отсюда зарыты 700,000 фунтовъ стерлинговъ. Неужели мы бросимъ ихъ изъ-за какого-то пьянаго матроса, который притомъ же давно и умеръ?

Но его слова не вернули мужества разбойникамъ.

— Перестаньте глумиться надъ покойникомъ, Джонъ!—сказалъ Мерри.

Остальные даже не могли найти словъ отъ страха и жались другъ къ другу, какъ испуганное стадо барановъ.

— Такъ вы думаете, что это пѣлъ духъ?—спросилъ Сильверъ.—Ну, такъ, я вотъ что вамъ скажу: какъ никто никогда

не видалъ, чтобы духъ отбрасывалъ отъ себя тѣнь, также не можетъ его голосъ давать и эхо. Развѣ невѣрно?

Слова его показались мнѣ очень неубѣдительными, но Мерри нѣсколько успокоеннымъ голосомъ сказалъ:

— Это вѣрно! Ну, и голова же у васъ, Джонъ! И притомъ, голосъ-то не совсѣмъ походилъ на голосъ Флинта, а какъ будто больше на...

— На Бена Гунна, вотъ это такъ!—вскричалъ Сильверъ.

— И то правда!—сказалъ Морганъ, вскакивая на ноги.

— Да вѣдь и Бена Гунна нѣтъ уже въ живыхъ!—замѣтилъ Дикъ.

Но другіе накинулись на него:

— Очень безпокоитъ насъ Бенъ Гуннъ! Будь онъ живъ или мертвъ, это намъ все равно!

Разбойники окончательно пріободрились и тронулись дальше. Впереди шелъ Мерри съ компасомъ, чтобы не спутать направленія. Одинъ только Дикъ бросалъ кругомъ безпокойные взгляды, прижимая къ себѣ Библію.

— Говорилъ я вамъ,—подсмѣивался надъ нимъ Сильверъ,—что напрасно только Библію изрѣзали. Неужели вы думаете, что привидѣніе испугается ея теперь? Увѣряю васъ, что нисколько!

Дикъ мучился, какъ я видѣлъ, не однимъ безпокойствомъ; отъ жары и усталости у него усилилась лихорадка, и онъ едва передвигалъ ноги.

Мы шли теперь по открытому мѣсту, подъ горячими лучами солнца, среди разбросаннымъ тамъ и сямъ сосенъ, мускатнаго орѣха и азалій. Два первыхъ высокихъ дерева, къ которымъ мы подошли, оказались неподходящими. Шагахъ въ двухстахъ отъ насъ возвышалось третье—гигантская сосна съ розовымъ стволомъ и огромной шапкой вѣтвей. Мысль о золотѣ разсѣяла у пиратовъ послѣдніе слѣды страха; глаза разгорались жаднымъ огнемъ, походка сдѣлалась легче и быстрѣе. Самъ Сильверъ прибавилъ шагу, ругался на каждый камешекъ подвертывавшійся ему подъ ногу, и сердито дергалъ меня за веревку. По временамъ онъ оглядывался и бросалъ на меня взгляды, значеніе которыхъ было мнѣ вполнѣ понятно. Видно было, что близость золота опьянила его, и онъ забывалъ и о томъ обѣщаніи, которое далъ доктору, и о предостереженіяхъ послѣдняго. Можетъ быть, онъ надѣялся, раздобывъ кладъ и отыскавъ «Испаньолу», уѣхать

съ острова, перерѣзавъ сначала всѣхъ насъ. Волнуемый такими тревожными мыслями, я съ трудомъ поспѣвалъ за остальными и нѣсколько разъ споткнулся о камни; всякій разъ Сильверъ нетерпѣливо дергалъ меня и грозно оборачивался назадъ. За нами еле тащился Дикъ, котораго трясла лихорадка. Это еще увеличивало мое угнетенное настроеніе; кромѣ того, мнѣ невольно вспоминалась та драма, которая разыгралась на этомъ плоскогорьѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; мнѣ чудилось еще, что я слышу жалобные стоны и крики тѣхъ шестерыхъ матросовъ, которыхъ убилъ Флинтъ. Мы дошли до опушки рощи.

— Ну, товарищи, бѣгомъ!—крикнулъ Мерри, и всѣ, кто могъ, пустились бѣжать.

Но черезъ нѣсколько секундъ они остановились, и послышался дружный крикъ. Сильверъ ускорилъ шагъ, и мы догнали остальныхъ.

У нашихъ ногъ чернѣла яма, видимо, вырытая довольно давно, такъ какъ края осыпались, а дно покрылось травой. Въ ней валялась рукоятка заступа и нѣсколько досокъ отъ сломанныхъ ящиковъ.

Было ясно, что кто-то раньше насъ нашелъ кладъ и похитилъ его. Семьсотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ исчезли!

XIII. Чѣмъ кончились поиски клада.

Врядъ-ли когда-нибудь на свѣтѣ люди были охвачены большимъ разочарованіемъ. Всѣ стояли, точно пораженные громомъ. Но Сильверъ моментально оправился, и въ головѣ его уже зародился планъ дѣйствій.

— Джимъ,—шепнулъ онъ мнѣ, передавая пистолетъ,—возьмите это и не зѣвайте!

Затѣмъ онъ спокойно обошелъ яму, такъ что мы съ нимъ очутились по одну сторону ея, а остальные разбойники—по другую. Съ криками и ругательствами послѣдніе принялись прыгать въ яму одинъ за другимъ и разгребать ее руками, отбрасывая въ сторону доски. Морганъ нашелъ золотую монетку. Это была монета въ двѣ гинеи, и она стала переходить изъ рукъ въ руки.

— Двѣ гинеи! — заревѣлъ Мерри, швыряя монету Сильверу.—Такъ это-то ваши семьсотъ тысячъ фунтовъ? Хорошо же вы исполняете свой договоръ!

— Поройтесь еще, молодцы,—сказалъ Сильверъ съ холодной насмѣшкой,—можетъ быть, и найдете нѣсколько земляныхъ орѣховъ!

— Земляныхъ орѣховъ!—крикнулъ съ яростью Мерри.—Товарищи, слыхали вы это? Говорю вамъ, онъ зналъ это раньше! Онъ просто смѣялся надъ нами—это ясно видно по его лицу!

— Ахъ, Мерри!—замѣтилъ Сильверъ.—Вы снова хотите попасть въ капитаны? Этакій вы настойчивый малый, какъ я погляжу!

Но на этотъ разъ всѣ были на сторонѣ Мерри и стали вылѣзать изъ ямы, бросая на насъ свирѣпые взгляды. Одно было хорошо: всѣ они выскочили такъ, что насъ раздѣляла другъ отъ друга яма. Такъ стояли мы нѣсколько секундъ—двое противъ пяти. Сильверъ, не теряя присутствія духа, съ полнымъ хладнокровіемъ наблюдалъ за разбойниками. Я долженъ былъ сознаться, что онъ умѣлъ быть храбрымъ.

— Товарищи,—крикнулъ Мерри,—смотрите-ка, ихъ всего двое: старый хромой, который обманомъ затащилъ насъ сюда, и щенокъ, который насъ предалъ. Впередъ товарищи!

Онъ уже поднялъ руку, какъ изъ рощи раздались три выстрѣла. Мерри покачнулся и упалъ внизъ головой въ яму. Пиратъ съ раненой головой завертѣлся на мѣстѣ, точно волчокъ, и тоже упалъ. Трое остальныхъ обратились въ бѣгство.

Изъ лѣсу вышли докторъ, Грей и Бенъ Гуннъ; ружья ихъ еще дымились.

— Впередъ, друзья! — крикнулъ докторъ. — Живо! Мы должны отрѣзать ихъ отъ лодокъ!

Мы пустились бѣгомъ, ныряя по временамъ въ травѣ по самую грудь. Сильверъ употреблялъ невѣроятныя усилія, чтобы не отстать отъ насъ.

— Докторъ,—крикнулъ онъ намъ издали, когда мы добѣжали до края плоскогорія,—не надо торопиться! Глядите!

Дѣйствительно, мы были уже между бѣглецами и лодками. Тогда мы остановились немного передохнуть, и Сильверъ, вытирая свое мокрое лицо, догналъ насъ.

— Очень вамъ благодаренъ, докторъ!—сказалъ онъ.—Вы пришли какъ разъ во-время, чтобы спасти насъ съ Гаукинсомъ. А, это вы, Бенъ Гуннъ!

— Да, я Бенъ Гуннъ!—смущенно отвѣтилъ лѣсной чело-

— Кто-то раньше насъ нашелъ кладъ и похитилъ его...

вѣкъ.—Какъ поживаете, мистеръ Сильверъ? Отлично, вы говорите?

— Ахъ, Бенъ, Бенъ,—пробормоталъ Сильверъ,—подумать только, какую штуку ты сыгралъ со мной!

Докторъ послалъ Грея назадъ за заступомъ, брошеннымъ во время бѣгства однимъ изъ разбойниковъ, и разсказалъ намъ въ нѣсколькихъ словахъ, какъ происходило дѣло. Героемъ этой исто-

рій былъ Бенъ. Во время своихъ одинокихъ прогулокъ по острову онъ нашелъ скелетъ, разыскалъ кладъ и въ нѣсколько дней перенесъ всѣ деньги къ себѣ въ пещеру, въ сѣверо-восточной части острова. Онъ кончилъ эту работу мѣсяца за два до прибытія «Испаньолы». Докторъ узналъ обо всемъ этомъ, когда ходилъ къ нему на свиданіе въ день атаки; и вотъ, когда шкуна исчезла, онъ рѣшилъ отдать Сильверу карту, которая уже не имѣла теперь никакого значенія, и блокгаузъ со всѣми припасами: безъ послѣднихъ можно было легко обойтись, такъ какъ у Бена заготовлено было много козьяго мяса. Важно было скорѣе покинуть эту часть острова, гдѣ каждую минуту можно было ожидать заболѣваній лихорадкой.

— Что же касается васъ, Джимъ,—прибавилъ докторъ.—то ваша судьба очень безпокоила меня, но я не могъ не поступить такъ, какъ было лучше для всѣхъ. Вѣдь—въ концѣ концовъ—вы сами виноваты, что убѣжали отъ насъ!

Но въ то утро, когда онъ увидѣлъ меня въ плѣну у пиратовъ, онъ рѣшилъ дѣйствовать немедленно. Добѣжавъ до пещеры, онъ оставилъ сквайра стеречь раненаго капитана, взялъ съ собой Грея и Бена и отправился къ большой соснѣ. Дорогой оказалось, что мы опередили его, и тогда онъ отправилъ Бена впередъ, чтобы какъ-нибудь задержать нашу партію. Бенъ такъ прекрасно справился со своей задачей, что докторъ съ Греемъ успѣли уже засѣсть въ кусты около ямы, когда пираты только еще подошли къ ней.

— Счастье мое,—замѣтилъ Сильверъ,—что со мной былъ Гаукинсъ. Иначе вы и не подумали бы о старомъ Джонѣ и дали бы его изрѣзать на кусочки!

— Совершенно вѣрно!—весело согласился докторъ.

Между тѣмъ мы подошли къ лодкамъ. Докторъ изрубилъ заступомъ одну изъ нихъ, а въ другую сѣли мы и поплыли въ сѣверную бухту.

Всѣ мы, не исключая даже сильно уставшаго Сильвера, взялись за весла, и лодка быстро понеслась по гладкой поверхности моря. Проѣзжая мимо холма, мы увидѣли чернѣющую пасть пещеры Гунна и около нея мужскую фигуру, облокотившуюся на ружье. Это былъ сквайръ. Мы помахали ему издали платками и прокричали три раза «ура», при чемъ голосъ Сильвера звучалъ такъ же искренно и радостно, какъ и нашп

Въ сѣверной бухтѣ мы увидѣли «Испаньолу», поднятую приливомъ и плававшую по водѣ. Если бы вѣтеръ былъ посильнѣе, мы могли бы лишиться ея навсегда. При осмотрѣ судна не оказалось особенно важныхъ повреждевій, если не считать сломанной гротъ-мачты. Посадивъ шкуну на запасный якорь, мы отправились въ лодкѣ къ небольшой бухтѣ, ближайшей къ пещерѣ Бена, и затѣмъ Грей одинъ уѣхалъ на лодкѣ сторожить «Испаньолу».

Около пещеры, къ которой шелъ отлогій подъемъ съ берега, насъ встрѣтилъ сквайръ. Со мной онъ обошелся очень ласково и радушно и ничего не сказалъ про мое своевольное бѣгство изъ блокгауза; на вѣжливый же поклонъ Сильвера онъ весь вспыхнулъ и вскричалъ:

— Джонъ Сильверъ, вы поразительный негодяй и обманщикъ—чудовищный обманщикъ, сэръ! Я сказалъ, что не буду васъ преслѣдовать, но да падетъ на васъ кровь всѣхъ убитыхъ!

— Отъ души благодарю васъ, сэръ!—отвѣтилъ Долговязый Джонъ, еще разъ отвѣшивая поклонъ.

— Я запрещаю вамъ благодарить меня! — вскричалъ сквайръ.—Я не исполняю своего долга, поступая съ вами такимъ образомъ. Подальше отъ меня!

Затѣмъ мы всѣ вошли въ пещеру, которая оказалась очень просторной, съ чистымъ, хорошимъ воздухомъ; изъ-подъ земли пробивался ключъ, образуя маленькій прудокъ чистой воды, окруженный папоротниками. Полъ былъ усыпанъ чистымъ пескомъ. Передъ пылающимъ костромъ лежалъ капитанъ Смоллетъ, а въ глубинѣ пещеры отливала краснымъ блескомъ груда золота. Это и былъ кладъ Флинта, ради котораго мы сдѣлали такое длинное путешествіе и которое досталось намъ цѣной жизни семнадцати матросовъ; а сколько жизней, сколько крови и горя стоило накопленіе этого богатства—этого, конечно, нельзя было и сосчитать.

— Входите, Джимъ,—сказалъ мнѣ капитанъ.—Вы славный мальчикъ, въ своемъ родѣ, но только врядъ ли мы съ вами пустимся когда-нибудь вмѣстѣ во второе плаванье: очень ужъ вы любите дѣлать все по своему. А, это вы, Сильверъ? Что занесло васъ сюда?

— Я возвращаюсь къ своимъ прежнимъ обязанностямъ!— отвѣчалъ нашъ бывшій поваръ.

— А!—проговорилъ капитанъ и не сказалъ больше ни слова.

Никогда не ужиналъ я съ такимъ аппетитомъ, какъ въ этотъ вечеръ со своими друзьями. Сильверъ, сидя въ отдаленіи, тоже уплеталъ солонину за обѣ щеки, вскакивая при первомъ нашемъ словѣ, стараясь всѣмъ услужить и принимая участіе даже въ нашемъ смѣхѣ. Онъ снова превратился въ прежняго, услужливаго, почтительнаго и веселаго повара.

XXXVI. Заключеніе.

На слѣдующее утро мы рано принялись за работу. Намъ предстоялъ не малый трудъ перетаскать груду золота до берега, который былъ въ милѣ разстоянія отъ пещеры, и затѣмъ доставить на лодкѣ на «Испаньолу». Трое пиратовъ, оставшихся еще на островѣ, не особенно насъ безпокоили, и достаточно было поставить одного часового на склонѣ холма, который далъ бы намъ знать въ случаѣ какихъ-нибудь враждебныхъ дѣйствій съ ихъ стороны.

Работа у насъ такъ и кипѣла. Я насыпалъ золото въ мѣшки, которое сквайръ и докторъ переносили на берегъ, а Грей и Бенъ Гуннъ возили ихъ въ лодкѣ. Какихъ только монетъ не было въ этомъ удивительномъ кладѣ Флинта! И количество ихъ было такъ велико, что наша работа продолжалась нѣсколько дней. За все это время мы ничего не слыхали о пиратахъ. Только на третью ночь донеслись до насъ крики и пѣніе.

— Да проститъ имъ Небо!—проговорилъ докторъ

— Они перепились!—замѣтилъ Сильверъ, который, кстати сказать, очень хорошо исполнялъ свои обязанности и всегда былъ удивительно вѣжливъ, несмотря на общее пренебреженіе; только я чувствовалъ къ нему нѣкоторое состраданіе, да Бенъ Гуннъ продолжалъ питать прежній страхъ передъ нимъ.

— А, можетъ быть, къ тому же и больны!—сказалъ докторъ.

— Это вѣрно,—отвѣтилъ Сильверъ,—только вѣдь намъ съ вами это все равно, пьяны они или больны!

— Вѣроятно, вы не думаете, чтобы я считалъ васъ за гуманнаго человѣка,—презрительно замѣтилъ докторъ.—Но если

Они стояли на колѣняхъ на песчаномъ побережьѣ...

бы я былъ увѣренъ, что они больны, то отправился бы къ нимъ, даже рискуя своей жизнью!

— Позвольте замѣтить вамъ, сэръ, что вы поступили бы въ такомъ случаѣ очень неосмотрительно,—сказалъ Сильверъ.—Я теперь вашъ душой и тѣломъ, и мнѣ было бы очень жаль, если бы мы потеряли такого прекраснаго человѣка, какъ вы. Вѣдь на такихъ пропащихъ людей, какъ тѣ трое разбойниковъ, нельзя полагаться—они не умѣютъ держать своего слова!

— Но за то вы,—прибавилъ докторъ,—отлично умѣете держать свое слово—вы доказали намъ это!

Послѣ этого мы какъ-то слышали вдали ружейные выстрѣлы: вѣроятно, пираты охотились въ лѣсу. На нашемъ совѣтѣ рѣшено было оставить ихъ на островѣ, что вызвало восторгъ Бена и полное одобреніе Сильвера. Мы оставили имъ порядочный запасъ пороху, солонины, нѣкоторыя лекарства, кое-что изъ одежды и большое количество табаку, на чемъ особенно настаивалъ докторъ. Покончивъ такимъ образомъ всѣ наши дѣла на островѣ, мы снялись съ якоря и вышли изъ бухты; на шкунѣ развѣвался тотъ же флагъ, который украшалъ нѣкогда и блокгаузъ. Огибая южный мысъ, мы должны были близко подплыть къ берегу, и тутъ увидали трехъ разбойниковъ, которые, очевидно, поджидали насъ здѣсь. Они стояли на колѣняхъ на песчаномъ прибрежьѣ и съ умоляющимъ видомъ простирали къ намъ руки. Всѣмъ намъ было тяжело оставлять ихъ на островѣ, обрекая на жалкое животное существованіе, но другого выхода не было: мы не могли рисковать новымъ бунтомъ на кораблѣ, да и возвращеніе ихъ домой, гдѣ ихъ ожидалъ только судъ и висѣлица, доставило бы имъ мало радости. Докторъ окликнулъ ихъ и сказалъ, что мы оставили имъ припасы въ пещерѣ Бена. Но они продолжали умолять насъ, называя каждаго по имени. Когда, наконецъ, они увидѣли, что корабль удаляется отъ берега все дальше и дальше, одинъ изъ нихъ вскочилъ на ноги и выстрѣлилъ изъ ружья. Пуля просвистала надъ головой Сильвера и пробила парусъ. Но это былъ послѣдній выстрѣлъ, и, выглянувъ черезъ нѣсколько секундъ, я увидѣлъ, что пираты исчезли. Около полдня исчезла—къ моей великой радости—и самая высокая скала Острова Сокровищъ, точно растаявъ въ лазури моря.

Насъ на шкунѣ было такъ мало, что всѣмъ нашлось дѣло, и только капитанъ, лежа на кормѣ на матрацѣ, отдавалъ приказанія. Прежде всего мы поплыли къ ближайшему порту Южной Америки, чтобы набрать команду, такъ какъ иначе отправляться въ дальнѣйшее плаваніе было бы рискованно. Нельзя и передать, какъ отрадно подѣйствовалъ на насъ видъ оживленной гавани: масса лодокъ съ неграми и мулатами, продавцы фруктовъ, улыбающіяся, добродушныя лица, а главное—желтые огоньки, зажигавшіеся въ городѣ,—все это представляло такой рѣзкій контрастъ съ тѣми тяжелыми сценами, которыя намъ пришлось

пережить на островѣ! Докторъ, сквайръ и я съѣхали на берегъ на нѣсколько часовъ, а Бенъ остался на шкунѣ сторожить. Когда мы вернулись, онъ объявилъ намъ съ ужаснымъ смущеніемъ, что Сильверъ скрылся. Дѣйствительно, нашъ бывшій поваръ исчезъ, взявъ себѣ на путевыя издержки мѣшокъ съ золотомъ, который раздобылъ изъ кладовой. Надо признаться, что мы избавились отъ него еще довольно дешевой цѣной.

Разскажу теперь въ нѣсколькихъ словахъ, что было съ нами дальше. Мы благополучно прибыли въ Бристоль, и каждый изъ насъ получилъ свою долю клада Флинта, распорядившись ею сообразно своему характеру. Капитанъ Смоллетъ оставилъ морскую службу, такъ какъ послѣдствія ранъ давали себя чувствовать. Грей сдѣлался шкиперомъ и собственникомъ корабля, женился и теперь обладаетъ хорошимъ состояніемъ. Бенъ Гуннъ въ три недѣли промоталъ свою тысячу фунтовъ стерлинговъ и затѣмъ ему пришлось искать мѣста, чего онъ такъ боялся прежде.

О Сильверѣ мы больше ничего не слыхали, и «одноногій морякъ», наводившій на меня въ дѣтствѣ столько страха, скоро изгладился изъ моей памяти.

Остальная часть клада Флинта все еще лежитъ на островѣ, но я не имѣю никакого желанія ѣхать ее разыскивать. Я содрогаюсь отъ ужаса, если когда-нибудь ночью мнѣ чудится пронзительный голосъ «капитана Флинта», выкрикивающій: «Червонцы! Червонцы! Червонцы!»

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 11

Часть I. **Старый буканьеръ.**

I. Морской волкъ въ гостиницѣ «Адмиралъ Бенбоу». . . . 15
II. Появленіе и исчезновеніе Чернаго Пса. 22
III. Черная мѣтка. 28
IV. Морской сундукъ. 34
V. Смерть слѣпого. 41
VI. Бумаги капитана. 46

Часть II. **Судовый Поваръ.**

VII. Я ѣду въ Бристоль. 53
VIII. Подъ вывѣской «Подзорная труба». 58
IX. Порохъ и оружіе. 62
X. Путешествіе. 67
XI. Что я услышалъ изъ бочки съ яблоками. 74
XII. Военный совѣтъ. 79

Часть III. **Приключенія на берегу.**

XIII. Я начинаю свои приключенія. 85
XIV. Первый ударъ. 90
XV. Островитянинъ. 95

Часть IV. **Частоколъ.**

XVI. Какъ была покинута шкуна (Разсказъ доктора). . . . 101
XVII. Въ лодкѣ (Разсказъ доктора). 106
XVIII. Конецъ перваго дня схватки (Разсказъ доктора). . . . 111
XIX. Гарнизонъ въ блокгаузѣ (Разсказъ Гаукинса). . . . 115
XX. Сильверъ въ роли парламентера. 120
XXI. Нападеніе. 126

Часть V. **Мои приключенія на морѣ.**

XXII. Какъ я пустился въ море. 132
XXIII. По волнамъ отлива. 135
XXIV. Путешествіе въ лодкѣ. 138
XXV. Я наношу пораженіе черному флагу. 141
XXVI. Израиль Гандсъ. 144
XXVII. Червонцы. 150

Часть VI. **Капитанъ Сильверъ.**

XXVIII. Въ непріятельскомъ лагерѣ. 153
XXIX. Опять черная мѣтка. 157
XXX. На честное слово. 161
XXXI. Въ погонѣ за кладомъ. 166
XXXII. Голосъ изъ-за деревьевъ. 170
XXXIII. Чѣмъ кончились поиски клада. 173
XXXIV. Заключеніе. 178

Сочиненія АНДРЭ ЛОРИ.

Томъ I. КАПИТАНЪ ТРАФАЛЬГАРЪ.
Томъ II. РАДАМЕХСКІЙ КАРЛИКЪ.
Томъ III. ИЗГНАННИКИ ЗЕМЛИ.
Томъ IV. ИСКАТЕЛИ КАУЧУКА.
Томъ V. АТЛАНТИДА.
Томъ VI. РУБИНЪ ВЕЛИКАГО ЛАМЫ.
Томъ VII. ТАЙНА МАГА.
Томъ VIII. ЧЕРЕЗЪ ОКЕАНЪ.
Томъ IX. НАСЛѢДНИКЪ РОБИНЗОНА.

ВЪ 9 ТОМАХЪ.

Цѣна за 9 томовъ (до 2000 стран. убор. печ.) на обыкн. бум. 3 р.; въ перепл. по 3 тома 4 р.; **на велен. бумагѣ въ 9 роскошн. перепл. 6 р.**

Отдѣльно тома имѣются только на обыкн. бумагѣ и безъ перепл. цѣна **50** к. за томъ, съ пер. **65** к. **Каждый томъ содержитъ въ себѣ вполнѣ законченный романъ.**

Читатель романовъ Лори переносится въ заповѣдные уголки земного шара, то спускается въ нѣдра земли, то уносится на аэропланахъ въ безпредѣльную высь небесъ, то летитъ по необъятному океану на утлой ладьѣ или на плоту. Увлекательные разсказы о забытомъ прошломъ народовъ, исчезнувшихъ уже съ лица земли, или полныя интереса сообщенія о добытыхъ наукою тайнахъ загадочныхъ сектъ, древнихъ и новыхъ, или приключенія въ волнахъ воздушнаго океана, разсказы объ экспедиціяхъ въ поискахъ за золотомъ и пр.

Сочиненія РАЙДЕРА ХАГГАРДА

ВЪ 12 ТОМАХЪ.

Т. I. КЛЕОПАТРА.	Т. V. ЛЮДИ ТУМАНА.	Т. IX. НАДА.
Т. II. ЭРИКЪ СВѢТЛООКІЙ.	Т. VI. ОНА.	Т. X. АЛЛАНЪ КВАТЭРМЕНЪ.
Т. III. СЕРДЦЕ МІРА.	Т. VII. ЖЕМЧУЖИНА ВОСТОКА.	Т. XI. ЗАВѢЩАНІЕ МИЗОНА.
Т. IV. ДОЧЬ МОНТЕЦУМЫ.	Т. VIII. МЕЧТА МІРА.	Т. XII. Д-РЪ ТЕРНЪ.

Цѣна за 12 томовъ (2230 стр., съ 100 рис.) на обыкнов. бум. 4 р. 50 к., **на велен. бум. въ роскош. переплетахъ, тисненныхъ красками и золотомъ 9 р.**

Отдѣльно тома имѣются только на обыкновен. бум. и безъ переплетовъ, цѣною по **50** к. за томъ, съ перес. по 65 к. Каждый томъ содержитъ въ себѣ одинъ вполнѣ законченный романъ.

Въ романахъ Хаггарда, не уступающихъ по интересу и увлекательности изложенія безсмертнымъ произведеніямъ Жюля Верна, но совершенно своеобразныхъ, читатели знакомятся съ необычайными приключеніями въ странѣ Майевъ, таинственныхъ обитателей дѣвственныхъ лѣсовъ Америки, въ странѣ древнихъ Египтянъ, съ ихъ зловѣщими жертвоприношеніями; разсказывается исторія чрезвычайно странныхъ приключеній въ сердцѣ Африки, гдѣ кроется еще немало неразгаданныхъ тайнъ. „Люди тумана"—оригинальный романъ изъ быта африканскихъ народовъ, боготворящихъ животныхъ и т. д., и т. д. Вообще, по оригинальности сюжетовъ, увлекательной разработкѣ ихъ, Хаггардъ не имѣетъ соперниковъ, и для читателей, увлекающихся Ж. Верномъ, Майнъ-Ридомъ, Буссенаромъ и т. п. авторами, представляетъ несомнѣнный интересъ.

Уч. К. М. Н. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ безпл. нар. чит. и библ.